
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

КЛАД В УГЛОВОМ ДОМЕ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова.

Неожиданно нагрянувший под вечер Славка Сарафанов вызвал Генку из дома с многообещающим прищуром опытного заговорщика; застыл в сенцах и шепотом:

— Возле калитки стоят две официантки из ресторана. Что скажешь на это безобразии?

Генка прекрасно знал, что на такого красавчика все поголовно девчата западают, и с дурнушками он якшаться не будет, уже достаточно избалован.

— Подавай-ка их сюда! — тут же отреагировал Генка, увидев, как довольно блеснул карий глаз приятеля перед тем, как он вынырнул на улицу. Генка в этот субботний вечер как раз скучал в одиночестве на своей окраинной улице Набережная, где даже прохожие в зимнее время очень редки. Днем топил баньку, мылся, сейчас там мать стирала белье.

В полумрак веранды, где из экономии висела самая слабая лампочка, вошли две феминки в аляповато цветастых пуховиках. Генка повел их дальше, в свою комнату, и лишь теперь получше разглядел. Одна, мявшая в руках беретку, оказалась владелицей пышной блондинистой шевелюры, излишки которой ниспадали на плечи. У другой в проеме капюшона виднелись темные космы. Есть во внешности эдакое, что безошибочно сигнализирует о принадлежности особ к ресторанному клану. Бросив в угол свои пуховики, обе сразу притулились у печки. Отодвинув в сторону самый маленький кружок, стали прицельно выдувать в образовавшуюся щель сигаретный дымок, успевая перебрасываться мудреными словечками, понятными лишь самим.

Славка незаметным жестом изобразил перед взором хозяина алкогольную емкость, зная, что здесь всегда найдется запасец в пару декалитров. Генка смиренно отправился на кухню и вернулся в сопровождении стеклянного перестука в руках. Наскоро изобразил и закуску, ловким манером сместив с журнального столика все бумажное, не соответствующее обстановке.

— Далеко забрался твой друг, — с долей небрежной сожалительности заметила теменькая, ловко отправив в топку окурочек. — Здесь случайно медведи не проходят мимо?..

— Только мамонты,— в тон ей подыграл Генка.

— Посади одного на цепь, хоть полюбуемся...

Слово за словом, и Славка выдал в который раз свою фирменную штучку, счет которой ведет не только Генка, но и, наверно, все другие его приятели:

— Вы не смотрите, что у меня спина колесом. Зато у меня грудь впуклая...

После заключительного ударного словца непременно следовал общий смешок, уже испытано. Незамедлительно обзнакомились. Блонда почему-то назвалась Натали, а не среднестатистической Натальей, маленькое безобидное пижонство, вполне простительное в молодости. А смугленькая оказалась Зарифой. Это уже что-то инопланетное, веет другими цивилизациями, хотя по виду и не скажешь.

Пока Генка всматривался в ее лицо, сопоставляя его с таким экзотическим именем, она понятливо откликнулась:

— Определяешь национальность? Все равно не угадаешь...

— Татарочка?

— Сказала же, не угадаешь...

— Башкирка? Таджичка? Туркменка? Алтайка? Ну не казашка же...

— До самого утра будешь гадать — и все мимо...

— Что-то уж совсем впуклое, как выражается Славка?

— Каракалпачка. Небось, не встречал таких?

— Действительно... Я даже не знаю, где это на карте...

— Далеко, отсюда не видать. Среди пустынь...

— Как ты здесь очутилась?

— Приезжала с матерью по делам, да так и осталась. В нашем ауле хуже, чем здесь. Я хоть работу нашла...

Уселись за столиком — крепить знакомство креплеными напитками. Девчонки расположились где помягче — на диване, парни довольствовались табуретками. Пока девчата со сноровкой накладывали каждому на тарелочки закуску, Славка, с задумчивым видом вынув пачку «Опала», кивнул Генке, и тот двинулся за ним следом в ледяную веранду. Чиркнув зажигалкой и сделав первую затяжку, Сарафанов с охотничьим азартом внес конечную ясность в намечаемом предприятии:

— Я «заторчал» с Зарифой, а ее подруга по твою душу. Она посменно топчется за барной стойкой. Специально для тебя привел, чтобы не скучал. Оцени...

— Обе хорошенькие. Должно быть, приезжие. То-то я их никогда не видел...

— Ты же не ходишь по ресторанам. Они снимают квартиру возле больницы.

Славке надо было не столько покурить, сколько верно сориентировать друга, а то он все больше разговаривает с общительной смуглянкой.

Снова уселись за столиком. Блонда отмалчивалась, непонятно было, насколько ей пришелся по душе хозяин хаты. А Зарифа по-прежнему обращалась преимущественно к Генке.

— Вижу, карта висит на стене, такая большая. Это зачем?

— Наша область. Хочу ее изучить. Побывал в половине районов. А вот здесь на севере Сарыкопинские озера — огромная территория, почти безлюдная. Мой дядька собирается туда следующим летом поехать на рыбалку, потом расспрошу обо всем. Там проще пареной репы заблудиться среди этих озер и камышей, поэтому нужен хороший проводник. Никаких заправок нет на сотни километров, надо прихватывать бочки с бензином. Может, дядя Кузя пригласит и тебя, Славка, туда надо двигать целой бригадой, не на одной, а на трех машинах. Вдруг у кого-то поломка случится, чтобы потом тянуть на прицепе.

Зарифа, хрустнув диванными пружинами, привстала и заинтересованно подошла к карте. Поводила по ней пальчиком с розовым ногтем.

— А вот и ваш Типчак...

Генка встал рядом с ней.

— Сейчас покажу хохму. Вот ближний совхоз, это тридцать километров от нас. Славка, что здесь не так? Ты же шофер, везде мотаешься. Посмотри и скажи...

Теперь и Сарафанов стал всматриваться в указанный участок на карте.

— Да я там сто раз проезжал...

— Ну? — поторапливал Генка. — Ничего подозрительного?

— Да вроде все нормально...

— Тогда почему элеватор Шестого разъезда переехал на левую сторону железной дороги? Он же всегда был за полотном, а теперь почти в совхозе...

— Точно! — удивился Славка. — И вот этот элеватор в соседнем районе зачем-то передвинут почти на километр.

В карту намеренно была внесена путаница. Только для какой цели? На случай войны, что ли? Чтобы запутать противника. Как будто вражеские спутники не сфотографировали все здешние просторы в хорошем разрешении.

— Вы, наверно, шли сюда по улице Пушкина? — поинтересовался Генка, когда снова стали чокаться рюмками.

— Да, — кивнули обе девицы с вопросом в глазах: какое это имеет значение? И в чем подвох?

— Значит, проходили мимо углового дома. Заметили, какой там обширный гараж — почти на весь огород? Целых пять секций под одной крышей.

— Видели, конечно, — быстро отреагировали гости. — И что дальше?

— Это было нечто! — пустился Генка в воспоминания. — Можно сказать, вызов обществу. У кого здесь имеется аж пять легковушек? Нет таких и не будет. И за одной-то люди годами стоят в очереди. Славка, ты помнишь того дельца, который купил угловой дом и все это наворотил?

— Савката? Конечно. Даже помогал ему перебирать мотор бортового «газика».

— Савкат хотел развернуться по полной программе и тоже разбавлять водку во всех этих отсеках. Мало ему было одного «Гастронома». То-то дядя Кузя, помню, хлопнет рюмашку водки, потом посмотрит на бутылку и говорит: «Вода водой!..» Я думал, он так проспиртовался, что его уже и сорокаградусная не берет...

Эта история с разбавленной водкой наделала фурора в поселке. Приезжий «делавар» организовал прямо в подсобке «Гастронома» цех по уменьшению градусности «Столичной». Водку по ночам наполовину разбавляли водой и снова закупоривали алюминиевыми пробками с помощью ручной машинки. Стали принимать у населения пустые бутылки из-под водки. «Подмазали» все руководство райотдела милиции, чтобы прикрывали. Так продолжалось два года. Потом информация просочилась в столицу, оттуда подослали под видом бомжа спеца, который тоже помогал разбавлять водку и даже ночевал в подсобке вместе с другими бичарами.

— Этот Савкат однажды наехал на меня, когда я проверял сигнализацию в «Гастрономе».

— Ты что, тоже работал в ментуре? — недовольно нахмурила Зарифа почти монобровь.

— Я по молодости работал электриком сигнализации во вневедомственной охране, — стал оправдываться Генка. — На складе «Гастронома» зацепили ящиками проводок шлейфа, ну я и отыскивал место обрыва, лазая под потолком. Савкат ходил рядом, потом как накинется на меня, чуть не выгнал за то, что я так долго копаюсь. Теперь-то я понимаю, он боялся, что я замечу что-нибудь подозрительное. А у меня и в голове не укладывалось, что возможен такой бизнес.

— Мы с дружками тоже покупали такую паленую водку, дундуки, — расплылся Славка в своей фирменной самоироничной улыбке. — Помогали Савкату сколачивать капиталы.

— Кстати, Славка немного побыл у меня помощником. Устроился на лето после девятого класса подзаработать. Вместе проверяли сигнализацию в магазинах. Раз за

нами увязалась какая-то двадцатипятилетняя дурында, вся ухоженная и размалеванная под француженку. Не может оторвать глаз от Славки. Мы проверили хлебный и идем в хозмаг, она — следом. Из хозмага в дежурный — она опять за нами. Славке всего шестнадцать, еще совсем невинный. Говорит: «Фи, ходит за нами хвостиком...» А я ему: «Что-то за мной никто так не ходил раньше, это — из-за тебя...»

Посмеялись над превратностями извека непостижимой женской природы. Генка, вспомнив наставление друга, повернулся к Натали и попытался разговаривать с ней, но она отвечала через раз, с налетом ложной детскости в голосе и мимики. Такая манера ему претила, он знал по опыту, что если девица начинает так говорить, на более внятный тон она уже не перейдет, а вот с другим собеседником может преобразиться до неузнаваемости. Что ж, учтем. После очередного тоста Генка решил не то что похвастаться, а произвести маленький, аккуратный эпатаж, чтобы развлечь девчонок. Он поднял вверх обе руки, призывая к вниманию:

— Что я вам скажу! Не поверите! Я мог с легкостью стать миллионером...

Гости даже перестали работать челюстями, вилки почти синхронно стукнулись о край тарелок. Славка сначала подумал, что приятель выдаст очередную шутку, которую он еще не слышал, но Генка перешел на вполне серьезный тон:

— В том угловом доме поселился Савкат, стал почти соседом. Вижу, строят ему что-то непомерно длинное, затоптали весь огород. А вскоре Савкату повязали руки. Но он успел замуровать в фундаменте старого дома клад. Неужели ты не слышал об этом, Славка?

— Да как-то нет...

— Мы с соседом Борькой потом лазали в этой заброшке, там шпана уже проделала щель в заборе. Заглядывали в окна — все комнаты пусты, у Савката не было мебели, наверно, собирался свалить подальше с хорошей деньгой. Даже клумбы выложены по кругу силикатным кирпичом. Борька мне помогал таскать оттуда этот кирпич под ногами, все равно цветы без полива засохли. Кирпич не купишь — строительных рынков поблизости нет. Но я насобиравал его на целую баню, в основном по свалкам. Туда после строек вывозили мусор, среди которого попадалось немало целых кирпичей. Еще вывезли за город целую грудку хлама после пожара, а там закопченные кирпичи. Я их отмывал и пускал в дело. Когда уложил наверх шпалы, чтобы сделать крышу, оказалось, нечем замуровывать их по бокам — кончились кирпичи. Вот я и вспомнил про этот заброшенный дом. Я ходил мимо окон и не знал, что совсем рядом спрятано несколько килограммов золотых украшений.

— И как все открылось? — поторапливал Славка.

— Через два года дом продали как выморочное имущество. Новые жильцы однажды ночью услышали, что за окном в сторону Набережной словно кто-то скребется. Хозяйка сначала ничего не заподозрила, у нее двое пацанят еще ходили в школу. Светили фонариком во дворе, вроде никого. На следующую ночь опять за окном кто-то скребется. Потихоньку открыли дверь и заглянули за угол. А там какая-то старая женщина в длинном черном платье на пару с молодой скребут стену чем-то острым. Хозяйка прикрикнула, и они сразу убежали в ту щель, что в заборе до сих пор. Позвонили в отдел, приехали двое на мотоцикле. Служивые сразу смекнули, в чем дело. Давай простукивать стены. Так и обнаружили в фундаменте схрон. Вынимали оттуда золото целыми горстями, да еще впридачу было несколько пачек со ствольниками — в целлофане. Все изъяли и сказали, что сдадут государству. Так потом всем соседям рассказывала новая хозяйка того дома.

— А ты только хлопал ушами! — неодобрительно высказался Славка и от накатившего волнения аж заходил по комнате туда-сюда. — Вислоухий. Не хватило тям. Таскал какие-то кирпичи, а рядом, в двух шагах были настоящие сокровища. Тебе бы этого добра хватило до самой пенсии...

— Мне в таком никогда не везло. Ни разу ничего ценного не находил. Пару раз

попадались в канавах рваные рубли, их обменяли в сберкассе на целые. И это все! А сокурсник на моих глазах подобрал с асфальта довольно увесистую цепочку, когда шли с ним по Оренбургу. Думал, бижутерия. Зашел в ломбард проверить, и выходит оттуда с веером крупных купюр в руке, машет перед моим носом. Оказалось, аж двадцать грамм золота. Правда, потом он раздал эти деньги нуждающимся. Опасался оставлять у себя — всевышний накажет за присвоение чужого. Бог дал — бог взял...

Генка, конечно, немного переигрывал, чтобы занять публику. Если бы ему попал в руки такой клад, он бы сам не на шутку растерялся и по природной деликатности не решился бы его присвоить, хоть и оказался бы в проигрыше. Приманка о том, что нашедший клад получит от государства четверть стоимости в качестве награды, если сдаст его, на деле не работала или давала сбой.

— А какой срок получил этот Савкат? — заинтересовался Сарафанов.

— Без понятия, — пожал плечами Генка. — Никто ничего не знает.

— Вышку! — вдруг четко произнесла Зарифа.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю, — твердо произнесла она.

— Понятно, сорока на хвосте принесла, — не очень-то поверил этому Славка. Мало ли чего набрешут в поселке. Один одно, другой совсем другое...

Генка вспомнил этого водочного магната. Небольшого роста, метр с кепкой, но видный из себя. Всегда при костюме в клетку, аккуратные тонкие усики. Взгляд самоуверенный и нагловатый. Имя какое-то не здешнее. Но это даже придавало ему дополнительного шарма. Когда он развернул непонятное строительство в угловом доме, за версту было видно, что здесь нечисто. Где он доставал кирпичи, было непонятно. В то время строили интернат, скорее всего, разжился там. Можно было остановить машину, везущую на стройку кирпич, и за дюжину бутылок уговорить шофера выгрузить его в чужом дворе. Савкат надеялся, что в глухомани ему ничто не угрожает в бизнесе — все сойдет с рук.

— И все-таки я такого не понимаю, — гнул свою линию Генка, хотя пора было закруглять этот разговор, иначе не хватит времени на ухаживания за дамами. — Ведь Савкат толком и не пожил. Ему и тридцати, поди, не было — и вот тебе расстрел...

— Через неделю ему бы исполнилось тридцать пять, — опять выдала Зарифа совершенно личную информацию.

Все устремили вопрошающие взгляды на нее: это что за ясновидящая?..

— Зато он взял от жизни все! — отчеканила чернявка.

— И ты такое поддерживаешь? — не мог понять Генка. — Ты что, тоже знала его?

— Ну, ты даешь! — неожиданно взерошилась Зарифа и с вызовом добавила: — Это был мой брат.

Ничего себе! Кто-то остолбенел, кто-то не поверил своим ушам. Нет, не послышалось...

— Н-да. не знали... Но ведь его больше нет на свете, — все допытывался Генка, уже по инерции, почувствовав, что на него нашло косноязычие. — И как это?..

— Ну и что! — отстаивала свое Зарифа. — Вы не видели, как он отрывался. Отсюда поедет к морю на «Жиге», разобьет ее там, а возвращается назад на новенькой «Волге». Представляете, сколько денег у него было в карманах? И нам с матерью помогал. Потом матери прислали его одежду. Бывалые люди подсказали, что так делают после приведения в исполнение приговора, хотя родственникам не сообщают.

— И ты считаешь, что вся эта водочная авантюра стоит жизни? — не унимался Генка, пораженный ее взглядами.

— Он пожил в свое удовольствие. Другой и за несколько жизней не увидел бы

такого. Менял женщин, как перчатки. Сколько из них от него родили, я даже затрудняюсь сказать.

Да, такую не переубедить...

Повисла вынужденная, тягучая тишина — без четко различимых очертаний. Каждый задумался о своем, даже напрочь забылось о наполнении рюмок.

— И вы думаете, все золото, что припрятал на черный день мой брат, менты сдали государству? — кипятилась Зарифа, видя, что не все разделяют ее точку зрения.— Как бы не так! Хотела бы я посмотреть на таких бессребреников. Все давно поделили между собой. Дело-то давно закрыто. А эти побрякушки нигде не числятся, Савкат скупал их в ломбардах. Превжних следаков пересадили, а новые продолжают хапать...

Генка уже молчал. Никто не ожидал, что разговор повернется в такую сторону. Даже находчивый Сарафанов жевал губами, не зная, как разрулить обстановку. Собирались погулять на славу, а сейчас у всех такое растрепанное состояние...

Видимо, и подруги осознавали, что хеппи-энд может и ускользнуть. Тогда Зарифа решила все взять в свои руки — с присущей ей наступательностью. Она вдруг оторвала взгляд от заставленного снедью столика и, прохладно чиркнув темным зраком по фигуре ухажера, словно он чем-то разочаровал ее, прямолинейно произнесла:

— Давайте поменяемся!..

Получилось даже с восклицательным, а не вопросительным знаком. Для Сарафанова такое оказалось громом среди ясного неба. Он, похоже, всерьез заинтересовался этой чужачкой, что-то в ней нашел сокровенного — и вдруг она предпочла не писаного красавчика, а его друга с самой обычной, даже, можно сказать, невыразительной внешностью. Впервые Генка обошел избалованного Сарафанова. И это было продемонстрировано, объявлено во всеуслышание, без всякой дипломатичности, положенной в таких интимных случаях.

Генка тоже сначала растерялся, не зная, как реагировать. Увидел, как словно сужокожился и без того сутуловатый приятель, переживая в душе нанесенное оскорбление, пусть и не намеренное. Генка искательно скосился в сторону блонды. Та даже не пикнула, видно, ее вполне устроил бы обмен партнерами. Что ни говори, задевает даже такая мелочь, а каково теперь Славке?..

Теперь будет неудобно перед ним. Ему совсем не в масть такой форс-мажор. Значит, все-таки имеет чувства к темненькой официантке. Она вполне грамотно строит речь, никакого акцента, вполне подкована, словно жила не в селе, а крупном городе. Славка хотел развлечь свою новую подружку, позаботился и о друге, а его пассия взяла и переметнулась к другому...

Сарафанов допил свою стопку, молча налил еще и тоже в одиночестве приговорил. Как-то неуклюже задрал манжет рубахи, изучая циферблат командирских часов.

— Пора по домам. Мне завтра везти начальника в область, Генке тоже с утра в командировку...

Последнее он приплел по своему обыкновению. В застольях дружья понимали все без слов и подыгрывали друг другу согласно обстановке. Нет, он не обидится на Генку — он-то ни в чем не виноват, никого не отбивал...

Девчата как-то тяжело поднялись, выудили свои пуховики из затемненного угла за шифоньером. Стали скрипеть синтетикой и ширкать молниями.

За калиткой скуп и безнадежно распрощались, комкая случайные словечки.

Вот и снова он один, да еще придется убирать мусор, оставшийся от гостей. Генка стал наводить марафет, прокручивая в голове все, что сейчас случайно выяснилось и что оставалось додумать. Да, столько всего неожиданного! Получается, именно Зарифа с матерью тогда ковыряли фундамент, чтобы выудить запрятанное добро. В этом она не призналась за столом и никогда никому не доверится. Специально прие-

хали издалека, когда все улеглось. Значит, дальновидный братец на всякий случай рассказал им о золотой заначке. Видно, довольно сложно расковыривать фундамент так, чтобы в доме ничего не услышали. Ничего не получилось, все сорвалось. Мамаша вернулась в свои края, а Зарифа решила остаться здесь.

А доблестная милиция неплохо погрела руки. Свалилось с неба такое богатство! Что-то нигде в прессе не было пропечатано, что сдано государству столько-то драгоценных украшений на такую-то сумму с множеством нулей. Обычно такое всегда доносят до читателей, чтобы продемонстрировать достижения местного РОВД. Даже отведена в местной районной газетке специальная ежемесячная полоса под названием «На страже». И — ни строчки о кладе! Полное радиомолчание, как выразились бы в подобном случае подводники...

Эдуард Георгиевский
(г. Тула)

Член Союза писателей России, главный редактор альманаха «На крыльях «Пега-са» журнала «Приокские зори», Заслуженный врач РФ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2022 год.

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР **Из серии «Уличные зарисовки»**

Вадим Петрович, довольный тем, что в парикмахерской очень хорошо «разобрались» с его отросшими волосами на голове и бороде — виноват дачный «курорт» — медленно шел к перекрестку, держа в левой руке сумку с продуктами, купленными в универсаме до появления в парикмахерской, а правой рукой он опирался на трость, с которой пришлось ему столкнуться впервые в жизни.

Дело в том, что на даче Вадим Петрович оступился и упал на «пятую» точку. Хорошо еще, что земля была мягкая, да еще и густая трава на ней. Однако, в момент «приземления» Вадим Петрович почувствовал, и ему даже показалось, что он услышал, как позвонки в пояснице по очереди толкнули друг друга от копчика вверх. Несколько дней он чувствовал отдаленную боль в пояснице, а затем в одно прекрасное утро ощутил боль в левой ноге. «Защемился нерв», — подумал Вадим Петрович. В дачной аптечке было все что нужно для снятия болей, через неделю, казалось, что все закончилось. Однако, спустя пару дней, начала болеть правая половина поясницы, поэтому лечение продолжилось, и, спустя неделю, боль стала «тупой», но ходить, опираясь на правую ногу без посторонней помощи, было невозможно. Так у Вадима Петровича появилась его помощница — трость. Деликатно сказано: ее называют кто палочкой, а кто костылем. Тем не менее, с ней Вадим Петрович чувствовал себя более комфортно, что позволило ему более-менее активно передвигаться.

И вот он идет к своему перекрестку, чтобы перейти через трамвайную линию на пешеходном переходе, а там и дом недалеко.

Когда Вадим Петрович оказался на противоположной стороне, уже в безопасности, он двинулся к дому. Едва он сделал первые шаги, как к нему приблизился молодой человек — высокий, стройный, в полуспортивном костюме, с пепельными волосами и серыми ясными глазами — и вежливо спросил:

— Простите, у вас не будет закурить?

Вадим Петрович опешил: такого он не припомнит, чтобы ему, пенсионеру с большим «стажем», задавал вопрос такой совершенно незнакомый юнец, поэтому пенсионер внимательно посмотрел на него, и сразу вспомнил свою молодость: тогда он был такой же свежий, что называется, кровь с молоком. «Боже,— подумал Вадим Петрович,— как же это было давно!»

— Не курю, и вам не советую,— произнес Вадим Петрович.

— Жаль, так хочется покурить,— упавшим голосом произнес ясноглазый юноша.

— А вы что, не знаете, что курить — это здоровью вредить? — удивленно спросил Вадим Петрович, намереваясь сделать еще несколько шагов к своему дому.

— Да я совсем чуть-чуть. Встретились с другом в парке, немного выпили за встречу, потом разошлись, а мне почему-то захотелось курить,— откровенно признался юноша. Вадима Петровича как педагога с 35-летним стажем работы — бывших учителей не бывает — это признание юноши задело, и он спросил, как того зовут. Оказалось, зовут Сергеем, ему 15 лет, учится в поселковой школе в восьмом классе, без троек.

— Да я просто так, иногда. Курить начал с 13 лет, правда, не каждый день.

Вадим Петрович вот уже больше 20 лет на пенсии, мог бы пройти мимо, сказав, что не курит, но что-то ему подсказало, что этот чистый, с алыми губами и белоснежными зубами юноша находится в начале пути. Только какого? Очевидно, в начале жизненного пути и в начале зависимости от легких наркотиков. Вадиму Петровичу стало жаль Сергея, и он спросил:

— Ты спортом занимаешься?

— Да. Я люблю футбол,— вежливо пояснил Сергей.

— Вот видишь, футбол и курение никогда не идут в ногу, правильно?

— Да, я понимаю, но иногда тянет,— ответил юноша, опустив голову.

— Вот и затянет тебя в такое «болото», из которого едва можно выбраться, если только с чьей-то помощью,— назидательно заметил Вадим Петрович.— У тебя отец есть?

— Я живу с отчимом. Мама меня родила, когда ей было 16 лет.

— А отец кем был?

— Я его не помню. Мать о нем ничего мне не рассказывала.

— А отчим курит? — допрашивался Вадим Петрович.

— Курит много лет. Все собирается бросить, но силы воли не хватает. И мама тоже иногда покуривает,— с досадой проговорил юноша.— А что, им можно, а мне нельзя? Я уже почти взрослый. На следующий год паспорт получу.

Вадим Петрович наверняка знал, что каждый курильщик мечтает бросить курить, но... только мечтают. Ладно, считают они, сегодня еще выкурю пару сигарет, а завтра — брошу. Но приходит завтра, и все повторяется. И так часы собираются в дни, дни — в недели, недели — в месяцы, а месяцы — в годы. А итог бывает зачастую печальный. А ведь можно обойтись без этого. Друг перед другом подростки стараются выглядеть более взрослыми, и не только мальчики, но и девочки. Какое ложное представление о взрослости! Понять, что к вредным привычкам надо отнестись с пониманием — вот это ближе к взрослости.

— А девушка у тебя есть? — допытывался Вадим Петрович. При упоминании о девушке Сергей расцвел в счастливой улыбке, сверкнув белоснежными рядами зубов.

— Есть! Юлия. Она меня любит, и я ее люблю и собираюсь на ней жениться через несколько лет, когда сам встану на «ноги». Я в своей школе подрабатывал в качестве уборщика и на накопленные деньги купил своей любимой золотое колечко, которое очень понравилось ей. Это колечко — в знак нашей будущей совместной жизни.

— А она знает, что ты иногда, как ты говоришь, покуриваешь?

— Знает. Она тоже считает, что курить вредно. Но я считаю это скорее забавой,— ответил Сергей.

— Это вовсе не забава. Твоя девушка хочет жить с любимым человеком, у которого нет вредных привычек. Это — раз. Она заботится о твоём здоровье — это два. Ты это понимаешь? Судя по всему, у тебя хорошая девушка, но может случиться так, что ты ее потеряешь. Это — три. Все в жизни — и плохое, и хорошее — начинается с первого шага. Сделаешь первый шаг, затем второй, третий и так далее, — получишь хороший результат, если идешь к хорошей цели; и, наоборот, можешь заблудиться в

жизни, как в незнакомом лесу, или провалиться в болото, если вовремя не остановиться,— душевно разъяснил Сергею Вадим Петрович.

— Простите, а как мне Вас называть? — наконец спросил юноша, внимательно слушавший Вадима Петровича. Вадим Петрович представился.

— А сколько вам лет? — спросил юноша.

— Лет мне много, скоро юбилей, исполнится 85 лет,— ответил Вадим Петрович.

— Ничего себе! — восхищенно воскликнул Сергей.— Мне кажется, что я не доживу до такого возраста. Вы довольны своей жизнью? — спросил он, почему-то понизив голос.

— Не будешь курить и злоупотреблять алкоголем, доживешь, может быть, даже еще больше проживешь. Будешь думать о хорошем и делать добро — у тебя все получится.

— А жизнью своей я доволен. Человек, достигнув сорокалетнего возраста, оглядывается назад, подводя итог этому отрезку своей жизни. Что я успел сделать к сорока годам? Отвечу так. Окончил среднюю школу; три года отслужил в армии; окончил педагогический институт в Москве: женился и три года проработал по направлению на Камчатке, где у нас с женой родился первенец — мальчик; вернулся в свой родной город и поступил на работу в школу, где учился. Преподавал русский язык и литературу. Вот так. Много это или мало, для кого как, но у меня так сложилось, и я это ценю,— закончил свой монолог Вадим Петрович.

— Вадим Петрович, большая у вас семья? — неожиданно спросил Сергей.

— Мы прожили с женой 55 лет, надеемся дожить до 60. У нас три сына, два внука и пять внучек,— с чувством гордости произнес Вадим Петрович.

— Ого! — восхитился Сергей.— Вам можно позавидовать. Вот бы мы с Юлей так прожили! А сейчас вы на пенсии, чем занимаетесь?

— Я ушел на пенсию в 61 год, уже будучи Заслуженным учителем РФ. Надо сказать, что у меня долго зрела способность к литературному творчеству, и только в 56 лет вышел первый сборник стихов. Через год вышел второй сборник. В 2007 году меня приняли в Москве в Союз писателей России. К этому времени у меня вышел еще один сборник рассказов, альбом песен на мои стихи с нотами и два диска песен на мои стихи.

К сегодняшнему дню у меня в активе 7 сборников стихов и прозы: работаю над 8-ой книгой. Как главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха, выпустил, начиная с 2005 года, 20 номеров и 10 сборников стихов и рассказов для детей.

— А какое-нибудь стихотворение вы можете прочитать сейчас? — любопытно спросил Сергей.

— Любишь поэзию? — поинтересовался Вадим Петрович.

— Да, и моя девушка тоже,— откровенно признался Сергей.

«А парень-то неплохой» — подумал Вадим Петрович

— Хорошо. Слушай! Я прочитаю тебе стихотворение философско-диалектического смысла.

Сергей кивнул головой в знак согласия, а потом вдруг спросил, сможет ли Вадим Петрович прочитать наизусть.

— Я могу прочитать более десятка стихотворений и ни разу не сбиться,— уверенно пояснил Вадим Петрович. Когда я еду в автобусе на свою дачу, а потом обратно домой, про себя читаю стихи. Так быстрее время в пути проходит.

— Тогда я — весь внимание,— произнес Сергей.

Вадим Петрович несколько секунд стоял молча, а потом отошел в сторонку — и Сергей за ним — и, понизив голос, стал читать стихотворение:

*Сияют купола, играя позолотой,
поют колокола, ушел из жизни кто-то.
По ком звонят они, какие греют души?
А ты на крест взгляни, мелодию послушай.
Все звуки нараспев, высокого вокала,
остынуть не успев от медного накала,
плывут куда-то ввысь, за купола цепляя.
Ты здесь остановись, о жизни размышляя.
Все вечно на земле, все на земле не вечно,
поют колокола о жизни быстротечной.
И надо все успеть: и насладиться счастьем,
и много песен спеть, и отвести напасти,
и написать стихи для милых и любимых,
и замолить грехи всех чувств нетерпеливых.
Сияют купола, играют позолотой,
Поют колокола. И вот родился кто-то...
И надо все успеть!..*

— Понимаешь теперь, что в жизни надо все успеть? Иначе проживешь впустую,— закончив, спросил Вадим Петрович Сергея.— И добавил:

— Ну, что скажешь? Понравилось?

— Супер! — оценил Сергей.

— А теперь тебе хочется курить?

— Вы знаете, у меня это желание совсем пропало,— улыбнулся Сергей.— Вы меня убедили и вдохновили на хорошие дела. С вас можно брать пример. Мы с Юлей постараемся что-нибудь в этом духе. Со мной никто еще так не говорил. Спасибо вам большое-пребольшое. Разрешите пожелать вам еще лет 20—30 плодотворной жизни. Я крепко жму вашу руку,— он протянул Вадиму Петровичу руку для рукопожатия, но заметив, что Вадим Петрович стоит, опираясь на трость, положил свою горячую юношескую руку на правую руку Вадима Петровича.

Левой рукой он вынул из кармана брюк смартфон золотистого цвета и стал набирать чей-то номер. Потом, сделав секундную паузу, он спросил Вадима Петровича, не проводить ли его до дома, на что Вадим Петрович улыбнулся, и, сказав, что ему осталось три минуты ходьбы, поблагодарил Сергея. Сделав пару шагов, вдруг услышал громкий восторженный голос юноши:

— Юля, привет, моя дорогая! Я познакомился с таким человеком, с таким человеком! Побольше бы таких. Я тебе все расскажу.

Вадим Петрович не спеша подходил к своему дому, и про себя подумал о том, что еще одна душа станет светлее, и мысленно пожелал счастья Сергею и Юле.

ДРУЖБА

Она прибежала на газон, обнюхивая каждый сантиметр его, пока не нашла нужного ей места, и улеглась на мягкую траву, согретую дневным солнцем. Уложив морду на передние лапы, она чутко прислушивалась к городскому шуму — ее остроколючие светло-коричневые уши, казалось, надежно охраняли ее отдых. Черный, мокрый нос вдыхал пахнувший выхлопными газами воздух, а язык иногда красной лентой выпрыгивал изо рта, когда она зевала. Через минуту — другую собака в неге повалилась на правый бок, и тогда Вадим Петрович увидел на ее белесом брюхе два ряда темных пятен. «Девочка», — про себя решил Вадим Петрович.

Он стоял на тротуаре на остановке в ожидании своего автобуса, который задерживался, вероятнее всего, из-за «пробок» где-то в пути. Взгляд его был направлен то

на пешеходный переход, то на поток машин, то на угол, из-за которого должен был показаться ожидаемый автобус, то на собаку. Она была похожа на молоденькую лань. Ее светло-коричневая гладкая шерсть отливала на солнце, хвост был зажат между задними лапами. Она тихо, размеренно дышала, и, казалось, спала чутким сном.

Вдруг она приподнялась, отряхнулась и стала передними лапами «умываться». Голова ее поворачивалась то на проезжую часть, то на пешеходный переход.

Вадим Петрович мгновенно увидел только хвост проскользнувшей между его ног собаки. Она металась туда — сюда, стараясь перебежать на противоположную сторону, но поток машин мешал ей это сделать.

Наконец, зажегся зеленый сигнал светофора, и собака в потоке пешеходов ловко перебежала на другую сторону проспекта. Вадим Петрович часто посматривал на часы, но автобуса еще не было. Он стал уже забывать про собаку, как вдруг она снова появилась в пешеходном потоке и очутилась на том самом месте, откуда она несколько минут назад исчезла. Она вернулась, но уже... не одна. За ней, выше ее в холке, весело играя хвостом, послушно следовал светло-серого цвета «мальчик» с удивительно лохматой мордой. Вадим Петрович с искренним удивлением наблюдал за этой веселой парочкой. Чего они только ни выделявали! То клали головы на передние лапы и так несколько минут — нос к носу — тихо лежали. То вскакивали и старались передние лапы положить друг другу на «плечи». То смешно бегали вокруг себя, стараясь поймать свой хвост.

Наконец, натешившись, они стали покидать газон. Впереди медленно шествовал светло-серый «мальчик», за ним покорно шла «девочка». У обоих хвосты находились в горизонтальном положении. Через минуту они скрылись в дворовом лабиринте. «Друзья, наверное,— решил Вадим Петрович.— Вот так бы и люди дружили».

Автобус, хоть и с опозданием, но подошел. Вадим Петрович втиснулся в битком набитый автобус, и, стоя и переминаясь с ноги на ногу, поехал на свою дачу.

Через неделю Вадим Петрович также ожидал свой автобус. Его взгляд остановился на газоне, где... мирно лежали, иногда переворачиваясь с бока на бок, греясь на солнышке, ему уже знакомые «мальчик» и «девочка».

«Ну, это уже серьезно,— подумал Вадим Петрович.— Настоящие верные друзья. Может быть, у них любовь?»

Аркадий Польшин
(г. Лебединь Липецкой области)

Член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Академии литературной документалистики (г. Москва). Автор поэтических сборников: «Где-то там, за грозой» (1993), «Воля» (1996), «Берег» (2015), «Дом у берез» (2018). Опубликовал шесть поэм: «Воля», «Настоящие волки», «Вечное Поле», «Князь Федор», «Монах», «Купец». На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» (г. Данков).

НАУМЫЧ

С Субботниковым Игорем Наумовичем я познакомился достаточно давно — в начале семидесятых прошлого века еще пацаном. Он был дружен с моим дедушкой — Польшиним Алексеем Спиридоновичем. Историю их дружбы я не знал, но понимал, что она тянется с войны, с фронта. Полностью познал я ее только в 2009 году и подробнее позднее — в 2016, когда записывал видеointервью с Игорем Наумовичем. Почему так получилось, трудно сказать: дед, пока был жив, не любил рассказывать о войне. Спросишь его — в ответ буркнет: «Потом!» Тогда, в семидесятых — восьмидесятых годах прошлого века на машзаводе было много ветеранов войны, окопников, но все они не любили рассказывать о фронте. Почему? Сейчас я понимаю почему: не хотели вспоминать, и День Победы для них действительно был праздником со слезами на глазах. Ведь война в их понимании — это кровь, боль и слезы. Это потом, чтобы правда не канула в лету и не замаралась, бойцы и командиры стали более разговорчивыми на эту тему. А тогда было так: клещами не вытянуть! История этой дружбы обросла легендами в конце шестидесятых и в начале семидесятых в Лебедини: об этом писали и говорили по радио. В преддверии дня рождения Игоря Наумовича я хочу вспомнить эту историю!

Мой дед и Субботников познакомились на войне: они вместе освобождали Одессу, Харьков, Ворошиловград (ныне Луганск), Запорожье, освобождали Белоруссию, вместе бились за Польшу. В своем видеointервью (рассказ ветерана ВОВ Субботникова И. Н.) Наумович много рассказывает об этом, и ему очень обидно, что на Украине и в Польше, где земля полита кровью наших солдат, забыли про своих освободителей. Он очень понятно и четко говорит, кто такие бандеровцы и власовцы: «Были хуже немцев!» Я иногда думаю: хорошо Спиридонович (мой дед) этого не видит! Он попал в подразделение, которым командовал Игорь (тогда молодой командир девятнадцати лет) на Украине. Дед (до войны) был работником цирка и смог доставить на фронт некоторый реквизит: костюм нанайской борьбы и другие цирковые приспособления. Все эти вещи, весом до пяти кг., он носил в вещмешке на спине вместе с автоматом, шинелью и т.д., и никто их у него не отбирал (особисты и пр.). Зачем он их таскал на себе?! Ответ: в перерывах между боями Польшин Алексей Спиридонович показывал бойцам цирковые номера: нанайскую борьбу, фокусы, хо-

дил по проволоке и жонглировал. И прозвище ему дали подходящее — Артист! Кстати, на войне, по воспоминаниям ветеранов, очень уважали талантливых людей: поэтов, певцов, музыкантов, артистов, тем более воевавших вместе с тобой плечом к плечу. Это и было настоящее ИСКУССТВО!

В одном из боев санитар Алексей Польшин вынес с поля боя 17 бойцов вместе с оружием (есть в архивах документ). Был ли среди них Субботников — я не знаю, а Наумович не помнит. Но он хорошо помнит свое ранение под Одессой — второе или третье (всего шесть!), и как дед мой его вытащил и перевязал. Так они и воевали больше года вместе — Артист и командир: бои, ранения и искусство... «Когда пришли в Польшу, из батальона, шагавшего от Сталинграда (от сталинградского состава), осталось всего пяток человек, а от всего батальона тридцать», — вспоминает Игорь Наумович. Первый свой бой рядовой Субботников принял под Сталинградом в 1942 году в составе бригады морской пехоты, когда моряки, атакуя, скидывали с себя ватники и шапки, оставаясь в тельняшках и бескозырках. Ведь морская форма для моряков — это святое! Потом были командирские курсы, разведка, командование взводом и ротой, но он всегда находился вместе с бойцами в одном окопе.

На Магнушевском плацдарме (на берегу Вислы) батальон был атакован танками, и боец Алексей Польшин получил осколочное ранение. Теперь уже Субботников его перевязал, но вынести не смог: была ночь, и кругом немцы. «Кагакали, как гуси, по-своему», — вспоминает Игорь Наумович. «Взял я Артиста и спрятал, накрыв ветками, но когда немецкую атаку отбили, его нигде не было: все подумали, наверное, фашисты забрали», — это тоже слова из рассказа ветерана в 2009 году, который (запись 2016 года) можно прослушать и увидеть в интернете. Так командир и думал восемнадцать лет, дойдя до Берлина и послужив в армии (в Германии). А через восемнадцать лет он совершенно случайно встретился с Алексеем Спиридоновичем Польшинным на поселке машзавода, у колонки (в районе бывшего ателье). Он не помнил имени однополчанина, а помнил лишь Артиста, которого и окликнул. Можно представить, что это была за встреча! Война, лихоманка, развела, а Лебедянь, судьба, соединила! Интересно, что в Лебедянь они переехали из других мест. Еще до видеointервью по рассказу Субботникова Игоря Наумовича в 2009 году мною было написано стихотворение «Поход».

*Воинам 74 гвардейского стрелкового полка,
27 гвардейской стрелковой дивизии,
8 гвардейской армии*

ПОХОД

Был цирк. Был дом. Была она...
Потом ударила война!
Плечо военкомата —
На фронт идут ребята.

Идут стрелки! Стрелки-штыки.
Все те же легкие полки.
На языке колонны —
Наумыч, Спиридоныч...

Два сердца, нерва... Два бойца:
Он санитар, а ты пацан.
И на привале быстром
Его зовут Артистом.

Был бой — лихой. Потом другой...
Опять ходили на убой.
Штыком крестили сволочь
Наумыч, Спиридоныч...

Печали вон! Сомненья прочь!
Друг другу главное — помочь.
И пополам патроны,
Сухарь... и почтальоны.

В сорок четвертом, на плацдарм —
На Вислу бросили, а там
Осколком сбит Алеша,
Наумыч ранен тоже.

Перевязав друг другу дух,
Нашел навечно друга друг.
Но разошлись, однако,
На восемнадцать с гаком...

Как свитерок, заштопан дед,
В расцвете сил, в расцвете лет.
Продолжил службу в труппе
Он в пролетарском клубе.

Пускай не цирк, а все же честь.
Серьезный зритель тоже есть.
Есть первый ряд с орлами —
Ребята с орденами.

Друг Игорь бился до весны:
Награды, доблести, чины.
И встретились земляне
Однажды — в Лебедяни.

Спасали Русь, спасали мир
Артист и мудрый командир.
Как водится — умело —
Всех помянули белым.

Прошло с тех пор полсотни лет,
От ран давно скончался дед.
Наумыч ходит тяжело.
Кому же больше повезло?..

*Из рассказа Субботникова Игоря Наумовича
о дде — Польшине Алексее Спиридоновиче*

9.07.09. Лебедянь

С днем рождения и низкий поклон от всех земляков Вам, уважаемый Игорь Наумович!!!

Наумычу — 01 ноября 2019 исполнилось 96 лет. УРА!

P.S. 05.06.21 Наумовича не стало! Донес я его от кладбищенской ограды до могилы.

Круг замкнулся?..

Пока я нес гроб — это метров 150, в голове промелькнуло много чего — о чем можно было бы подумать человеку пишущему, мыслящему.

Перед тем, как забить домовину, один незаметный член партии сунул в нее партийный билет на имя Субботникова Игоря Наумовича. Зачем? Большой вопрос, требующий внимательного рассмотрения, на мой взгляд.

Наумович был настоящим коммунистом. А идеи эти схожи с идеями христианства. Какими методами и кем утверждали этот коммунизм — вопрос другой! Ну так вот: Субботников никогда не отрекался от своих убеждений, которые вынес с войны и был в этом тверд, как сталь. Такой подход, согласитесь, достоин уважения в наше суетное время. Мы с ним иногда спорили по идейным соображениям, но никогда не ссорились. Он умел привести мощные факты, подтверждающие его точку зрения, которые меня, честно говоря, частенько ставили в тупик. Понятно... не всем нравились его высказывания. Но что поделать — ветеран, орденосец и прочее... Наумович не был анархистом и т.д. Он был патриотом! У него все формулировки были в рамках приличий, но мнение он свое имел, что в наше время большая редкость. Он, в частности, очень переживал о ситуации на Украине, где они с моим дедушкой воевали. Донецкая, Луганская, Одесская земля — вот их фронтовой путь, усеянный костями наших солдат, наших братьев. Его не могло оставить равнодушным отношение к могилам, памятникам нашим воинам и правде о Великой Отечественной и Второй мировой со стороны польских властей. Ведь он воевал на польской земле вместе с моим дедом в одном подразделении (Магнушевский плацдарм). В его видеинтервью есть об этом фрагмент! Поляки были запуганы и унижены фашистами: искали у наших бойцов рога на голове и жили в своих домах в подвалах, в отличие от немцев, обосновавшихся в их квартирах. По словам ветерана, польский народ встречал советских солдат как освободителей, помогал в т. ч. разведанными, например, в Познани.

Анализируя все это, задаю себе вопрос: кому же больше повезло — Наумовичу или Спиридоновичу, который этой страсти не увидел? Настоящим ветеранам очень трудно было осознать и понять вышесказанные события. Как объяснить вчерашним фронтовикам, что наши союзники по Второй мировой войне — уже нам не союзники, а на Украине профашистский режим, который они поддерживают, а в странах Балтии маршируют СС и их последыши. Как такое объяснить? Поруганы идеалы, сама суть! Можно было бы им рассказать, что такова наша судьба, и так было всегда с глубины веков: русские, российские солдаты, всегда отдавали свои жизни за других, и плоды их побед часто сводились на нет. Девиз Поля Куликова: «Положить живот за други своя» — никуда не делся, он актуален и сегодня!

Да, мы могли бы сказать всем фронтовикам об этом, подняв их из могил и заглянув в их пустые глазницы, но этого мало, этому нет оправдания. Можем — для очистки совести — хотя бы попросить прощения, что я, пользуясь случаем, и делаю! А Наумович? Наумович — последний из могикан — пропускал сквозь себя, впитывал в себя всю эту беду. За всех стоял!

Пролистывая книгу Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» (изд. 1972 г., стр. 641), наткнулся на такие слова: «Открыв банкет, я предложил тост за победу антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Делатр де Тассиньи, генерал американских ВВС К. Спаатс. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжелые годы. Помню, говорилось много, душевно, и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения ме-

жду странами антифашистской коалиции. Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет».

Вот что написал человек, стоявший у рычагов антигитлеровской коалиции! И что случилось с нашими союзниками, хотя воды с тех пор утекло не так много по меркам земной цивилизации, мы все хорошо видим.

Мой дедушка — Польшин Алексей Спиридонович — не дожил до пенсии 1 год, умер в 59 лет — столько и мне на момент написания этих строк, но до пенсии мне 3,5 года... Недавно узнал от сына Игоря Наумовича — Славика, что мой дед умер у него на руках: испустил дух... после искусственного дыхания и массажа сердца, сделанного Славиком, прибежавшим на помощь. Вячеславу Игоревичу тогда было 16—17 лет или 20, точно не знаю, но познания в медицине у него были, если взялся искусственное дыхание делать... Скорая помощь и тогда была нарасхват... Сердце!

Конечно, сердце! Да еще осколок с Магнушевского плацдарма, который так и остался в плече, напоминая о последней встрече с Наумовичем, там, на фронте.

Потом... Алексей Спиридонович очень переживал за людей, в том числе и фронтовиков, за их, порой, неустроенность в жизни. И тогда хватало всяких трубадуров, которые на фронте никогда не были, но кричали с трибун, что война о-го-го, даешь кузькину... Такие говоруны в итоге и великую страну проговорили...

Мой дед работал директором клуба: выступал перед фронтовиками (все как на фронте), перед жителями поселка и молодежью, вел цирковой кружок. Мы в 5-ом классе знали о войне очень много. Славик, кстати, ходил в этот кружок и ему Спиридонович прочил большое будущее в цирке, куда он ездил на просмотр.

Теперь о партбилете... Игорь Наумович был крещеным — он мне сам об этом сказал, и отпевание было, как положено, и на фронте к верующим относился с уважением: и к христианам, и к мусульманам. Это видно из его видеорассказа: «Никто никаких амулетов не запрещал!». И так было по всему советско-германскому фронту. А как они под Сталинградом переживали о замерзшем на посту узбеке и согревали этих теплолюбивых ребят! Такое отношение к верующим было на всем его фронтовом пути — от Сталинграда до Берлина. По словам ветерана, богобоязненные бойцы были, в основном, из сельской местности, а молодежь — наоборот. Но молодежи только так казалось... На самом деле Господь всегда был с ними — рядом, на уровне подсознания! Наумович 6 раз ранен и ни разу не убит, до 97 прожил. Как такое возможно без Всевышнего промысла?

Подтверждение этому можно найти у липецкого поэта-фронтовика Панюшкина Сергея Порфирьевича, которого я хорошо знал:

*Я когда-то видел в храме фрески:
Ангелы-хранители крылаты...
Ныне — из Кронштадта
на Карельский
Я лечу на крыльях
маскхалата.*

1941

(лыжный отряд моряков)

Заметьте, лыжный отряд моряков — это своего рода спецназ! Туда набирали самых проверенных и политически грамотных. А стихотворение христианское! Порфирьевич тоже с партбилетом был, как и многие другие морпехи, но Бог был в их сердцах, был в их душах. И строчки эти — тому подтверждение!

Воспоминания, в том числе и этих людей, вошли в основу стихотворения «Штык», две части которого я написал достаточно давно, а также песни на эти слова

в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» из города Данкова. Третью часть планирую написать после посещения города-героя Волгограда-Сталинграда. Хочу посмотреть воочию Мамаев курган, переправу, заводы, музей, пропитаться сталинградским духом. Когда-нибудь я доживу до пенсии!..

ШТЫК

1

*Бушлаты, бушлаты, бушлаты...
Травят прожектора хобот.
Солдаты, солдаты, солдаты...
Волгой крадется пехота.
На переправе — засада!
...Идет морская бригада.*

*Баржою, усталой и древней,
Как будто славянские други,
Струятся ребята на древки —
В пасти тяжелых орудий.
Ныряют бойцы куда надо —
На широту Сталинграда.*

*Братишки кемарят, как дома.
Опасность им — сладкая брага.
И там, на корме у старпома,
Не дрейфит вчерашний салага.
Мальчишки слагают молитвы
И где-то партийные ритмы.*

*Ударило слева и справа!
Накрыла фугасом полночным
Немецкая та переправа
Вчерашних крестьян и рабочих.
...Рабочие в рост за штыками,
Крестьяне, как за топорами.*

*Такая братишкам работа...
Идет морская пехота!*

2

*С Богом они... И «без» Бога...
С Курска, Москвы и Тамбова...
Плачет тельняшками Волга,
Крепчает русское слово.*

*Лейтеху подрезал снайпер.
Упал он, как парус рваный.
И видит братишка Каспий,
И видит лейтеху маму.*

*Лежат они, словно глыбы!
Синего моря кольчуги!*

*В небе — крестовые рыбы,
Сзади — горящие струги.*

*Лежат они в благовесте
На переправе стабильной.
В кармане дедовский крестик,
А где-то билет партийный...*

*Живые идут, не прячась,
Штыками дырявя воздух.
Кому-то — оячь удача!
Кому-то — на холмик звезды...*

*А Волга в тельняшках плачет.
Где, Волга, твои солдаты?!
Солдаты! Те, без удачи,
Услышите мой стих горячий
На широте Сталинграда.*

(окончание следует)

О Сталинграде хотелось бы вспомнить еще одну историю... От одного липецкого литератора я узнал, а он слышал рассказ от своего деда, воевавшего, бравшего город-крепость Кенигсберг в Восточной Пруссии — ныне город Калининград.

Во время допроса немецких военнопленных был и такой вопрос: зачем им живые помощи на животах? Те отвечали, что видели такие у русских в Сталинграде, и что Бог даровал им победу...

Но вернемся к партбилету: так, наверное, Господь распорядился, что Наумовичу в гроб билет положили. Сделал это один местный активист из КПРФ: активист на бумаге, на мой взгляд, на стуле, на котором не одни штаны протер, будучи депутатом городских созывов во все времена. Лично я ни одного слова от этого человека никогда не слышал. Одно время мне казалось, что он немой! Но как «немой» может быть депутатом городского созыва, мне не совсем понятно?! Однако... партбилет в домовину опустил, значит, не зря свой партийный хлеб ест! По-моему, у таких неприметных субъектов, как этот, и списки есть для лучших времен...

У Бога, в чем я глубоко убежден, все равны: и партийные, и беспартийные, и коммунисты, которые в церковь ходят, и просто люди с улицы. Но там пред Ним придется ответ держать! И Игорь Наумович выдержит этот экзамен, но билет ему точно не понадобится, да и положить будет не во что...

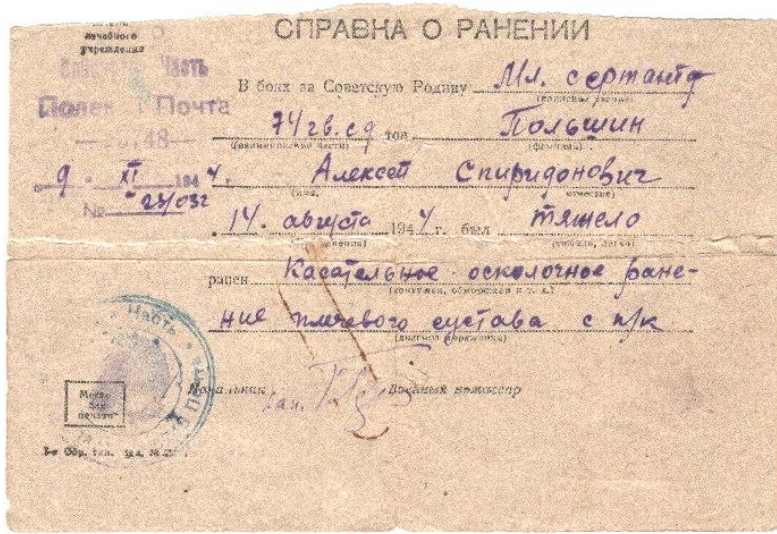
Незадолго до смерти ветерана я к нему заходил, и он жаловался, что видит какие-то тени (будучи полностью слепым). Может быть, это были тени бойцов, лежащих в украинской земле и вопиющих о справедливости? Но это сейчас я додумываю, а тогда, недолго размышляя, я сгонял домой, благо живу рядом, и принес баклажку святой воды, которой напоил и умыл ветерана. Ему стало легче! Оставил воду сиделке, но после обмена мнениями... понял — бесполезно... Собравшись уходить, предложил фронтовику привести достойного священника (отца Бориса из церкви под горой). Игорь Наумович как будто ждал этого предложения: весь просиял, заулыбался, какая-то тяжесть с души его упала, как мне тогда показалось. Мы условились на следующий день! Договорившись с отцом Борисом, позвонил Наумовичу на городской телефон... В ответ сиделка, а она с ветераном недавно, ответила: никаких, мол, священников — Славик запретил, и меня пущать тоже не велено. Вот и дела?! Посмотрел бы Слава и остальные видео со своим отцом, которое я записал, может быть, чего-то и понял бы. А так?!

За две недели до смерти я разговаривал с Субботниковым Игорем Наумовичем в последний раз по телефону. Он сказал: «Мы вместе!» Наумович всегда считал меня своим — не по партийной принадлежности (в партии я никогда не состоял), а по духу. Он знал о моем даре, которого нет у других (в т.ч. и у членов партии), а именно — видеть и чувствовать слово русское. Зайти я не мог: домоправительница... только через дверь со мной разговаривала. Конечно, Игорь Наумович давно себе не принадлежал, но не до такой же степени охранять старика. Опять же, от кого?.. В такое же положение попал и мой знакомый — соратник Субботникова по партии — парень хороший и честный!

На кладбище все прошло чинно и благородно: присутствующие в большинстве своем о чем-то мило беседовали, как на пикнике. У меня же слеза накатила, ведь хоронили последнего окопника Великой Отечественной войны, о том же напомнил почетный караул выстрелами в воздух из автоматов. На похоронах родственники меня сторонились, и на поминки я не пошел, потому что никто не сказал: где и во сколько. Парень тот... сам узнал, звал, но я не сподобился... То же самое было и на 40 дней!

Круг замкнулся? Думаю — нет! «Штык» предстоит дописать — в память о Наумовиче.

18.04.2015

Mail.Ru Письмо от polshin_aa@nink.ru

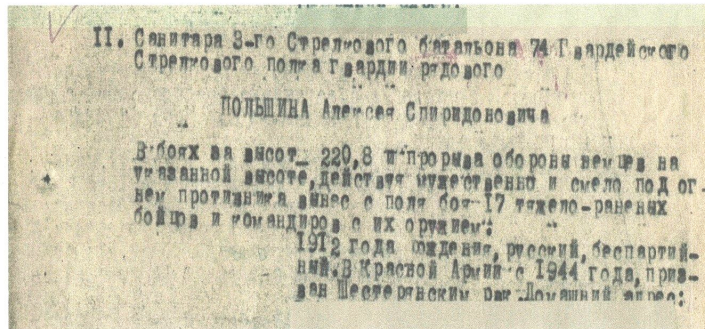
Чтв, 16 Абр 2015 9:01

ПОЛЬШИН-АЛЕКСЕЙ СПИРИДОНОВИЧ

От: Polshin, Artem <polshin_aa@nink.ru>

Кому: Екатерина Борцова <katena.borцова.92@mail.ru>

ΩΩΩΩΩ

Николай Макаров
(г. Тула)

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ
(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Да-да, прошло именно сорок лет с того момента, когда я последний раз ходил по улицам своего родного села Ново-Тарбеево. И все эти сорок лет меня не покидало желание, усиливающееся год от года, посетить свое родное село, село своего детства.

Сорок лет Моисей водил свою паству по пустыне, чтобы евреи напрочь забыли свое прошлое, свои корни, а забыл ли я?..

...Дорожный знак на окраине села показал, что села Ново-Тарбеево больше не существует, Джиписэс моментально подтвердил эту информацию.

Новое Тарбеево — кому-то в голову пришло (вернее, стукнуло) изменить одну букву и убрать дефис. Кому-то другому придет в забубенную головушку изменить или убрать целое слово из названия села, а еще лучше — совсем стереть это название, совсем вытравить из сознания и памяти не только название, но и само село.

В Туле до 2016 года выходил литературный сборник «ИВАН-ОЗЕРО», затем это название «умники» из Союза писателей заменили на «ТУЛЬСКОЕ СЛОВО». Иван-озеро — из него берет начало великая русская река Дон, а «Тульское слово» — газета тульских анархистов начала XX века.

...Царапая машину ветками кустов, с обеих сторон окруживших проселок, оказались на центральной улице. Вот и родной дом — бывшая ЦПШ (Церковно-приходская школа; не путать с Центральной партийной школой) — отреставрированный, с жилым вторым этажом дом рачительного хозяина; огромный двор, сараи, амбары, загоны для скота и птицы, сельхозтехника неподалеку и... старый, покосившийся сарай прямо напротив дома. Сарай, которому более не только сорока, но и более пятидесяти или, может даже — шестидесяти лет.

— Уж, очень добротный и большой в сарае погреб, — поясняет новый хозяин дома, дома, в котором жили три семьи учителей: наша семья (пять человек; три комнаты), семья завуча школы Чеканова Сергея Ильича (четыре человека; две комнаты) и семья учителя начальных классов Богоявленского Михаила Андреевича (четыре человека; две комнаты).

В этот погреб, отдыхая у бабушки и дедушки, падал один из трех внуков — мой сын Алешка, сыновья средней сестры Татьяны Дениска и Егорка. Доставала непутевого всего в слезах, но без каких-либо повреждений, Егорку моя младшая сестра Ольга.

Чуть дальше от нашего (нашего, нашего — жив курилка) дома — мост через ручей, заросший с обеих сторон непролазной чащей из всевозможных кустов, лебеды и крапивы в человеческий и выше рост: воды совсем не видно. Но не только ручей зарос, все свободное пространство в селе и за околицей в отсутствии стада (да что ста-

да — единичные экземпляры крупнорогатого скота и те встречаются редко, а о блеющих и говорить-то нечего) коров, овец и коз медленно превращается в первозданные джунгли средней полосы России.

В то далекое время моего детства мост, вернее, не мост, а этот ручей служил индикатором весенних каникул. По расписанию школьные весенние каникулы проходили между третьей и четвертой четвертью. В нашей школе каникулы зависели от этого ручья, в паводок своими разбушевавшимися водами затопляя дорогу с обеих сторон моста, что, естественно, отрезало дорогу в светоч знаний. И каникулы иногда в очень сильный паводок могли длиться более семи положенных дней.

Теперь — штришок о мосте из моего отрочества...

...Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год (7476 год по арийскому календарю). Сентябрь. Конец месяца. Три часа, ночи ли, утра ли? Три часа.

Весь окрест сотрясающие раскаты грома заставили нас (меня и Раиску Попову, училку английского, мою ровесницу) выползти из шалаша. Над нами безлунное, безоблачное (!) небо, звезды; потянуться получше, рукой достанешь. И... раскаты грома. И... молнии, сплошной стеной падающие в землю около моего дома (от шалаша до дома ровно двести пятьдесят три метра — специально измерил на следующий день).

Рядом с моим домом, метрах в двадцати, протекает неширокий и неглубокий ручей, прямо перед домом — горбатый мостик без перил, соединяющий дорогой две сельские улицы. И в этот мостик, и в этот ручей, в землю вокруг мостика с безоблачного (!), звездного неба, жутким грохотом падали зигзаги молний. Падали не стремительно, неуловимо, не как бросок кобры, не вонзались огненным кинжалом в землю, а именно падали. С отчетливо различимыми зигзагами. Сплошной частокोल стоял из этих молний. А мне идти домой. Не компрометировать же училку, мою будущую несостоявшуюся невесту, и не играть перед ней труса.

И я пошел.

Пошел в неизведанное. В неизбежное. В неотвратимое. Страшно! Жутко! Кошмарно! Ужасно! Но в то же время меня тянуло, притягивало что-то неведомое к этому злополучному мосту, к этой электрической вакханалии.

Слышалось, по мере моего приближения, шипение воды от попадавших в ручей молний, через адский грохот доносилось даже это злое шипение.

Вот — молнии рядом. Они, эти гигантские змееподобные, огненные чудовища рядом. Запах концентрированного озона, почти раскаленный воздух. Я делаю еще шаг и... молнии передо мной раздвигаются, образуя неширокий коридор. Я передвигаюсь на полусогнутых. Волосы в электрическом поле стоят дыбом, потрескивая от статистического (или там какого?) электричества. Но я живой, я продолжаю в полшага пробираться, продираться вперед.

Центр моста. Я оказываюсь в сплошной полосе сплошного огня: справа, слева, впереди, сзади, сверху — одни молнии. Я глухой от грохота...

Наконец, мост пройден. Сзади — продолжающийся грохот и сполохи молний. Впереди — сплошная темнота, одно светлое пятно: светящееся кухонное окно моего дома.

Отец никогда не ложился спать, пока я не приходил домой с гулянок. Оторвавшись от чтения (читал-то, читал-то, вернее, как и вся настоящая русская интеллигенция, не читал, а перечитывал Гоголя, «Вия» перечитывал), поправив очки, осмотрев меня с головы до ног, он недоуменно констатировал:

— Почему ты — сухой?

Я не понял, не врубился: почему я сухой, почему не мокрый...

— На улице ведь дождь, гроза: гром, молнии...

...За мостом, метрах в шестидесяти — школа. Вначале — двухэтажная деревянная, затем — большая одноэтажная, теперь — опять двухэтажная, но вся из кирпича.

Нет, соврал — не школа, а недостроенный каким-то новым, не то сверхновым «русским» кирпичный монстр.

Нет школы — нет учеников, или, нет учеников — нет и школы. 15 (пятнадцать детишек)!!! со всего села возят за десять километров в еще уцелевшую сельскую десятилетку.

В конце сороковых — начале пятидесятих годов прошлого века в Ново-Тарбеевской школе выпускались от шести до восьми классов по сорок человек в каждом. Не считая вечерней школы.

...Школа. Двухэтажная деревянная сельская школа. В нашем наборе, наборе пятьдесят пятого года, было два первых класса и пять (пять!) десятых. По сорок и более человек в каждом классе.

В нашу школу-десятилетку ходили учиться из пяти-шести соседних сел и деревень, где были только четырех— и семилетки (в то время выпускными классами были седьмой и десятый). Это только печально знаменитый «кукурузник» влез и в образование своим грязным сапожищем — или ООНовским ботинком? — и сделал выпускными восьмой и одиннадцатый; я тоже попал под «раздачу» — единственный одиннадцатилетний выпуск в школе и «смерть фашизму» на вступительных экзаменах в институт, где конкурс среди школьников — восемнадцать с половиной человек! На одно место.

...Подъезжая к селу, вышел на обочину дороги (шоссе Мичуринск—Липецк) и окунулся в тридцатипятиградусное пекло. Пекло — не городское с привкусами выхлопных газов и ядовитых испарений асфальтовых покрытий, а пекло — обволакивающее целебным запахом полыни и подсолнухов, растущих на бескрайних частных полях по обе стороны дороги, ласковым теплом, достающее до самых «печенок». Пекло... да, и не пекло вовсе, а свое, родное, давно забытое ощущение счастливого деревенского детства, ощущение, заставляющее наворачиваться слезам на глазах.

Рядом, вон, на том пригорке, стояли вагончики монтажников, тянущих две нити ЛЭП «Волгоград — Москва». Туда все пацаны села ходили за кусками алюминиево-стальных толстых проводов, чтобы потом из них соорудить подобие сетки «рабица» и огораживать свои приусадебные участки от всюду пролезавших цыплят.

Чуть дальше стояли вагончики строителей нефтепровода «Дружба», где в поле-вом магазинчике продавали всяческие деликатесы. Но мы покупали там только ситный хлеб — большие караваи пшеничного (белого) хлеба, которого не пекли ни в самом селе, не привозили из Города (так именовался у нас Мичуринск — Город).

...Наконец — долгожданная встреча трех Колек: Колька Макаров — автор этих строк, Колька Грезнев — на два года моложе автора, Колька Климанов — на два года моложе Грезнева. В этой компании не хватает Бэна Джойса — Тольки Жданова, на два года старше автора.

...Бэн Джойс!

Имя это я вначале услышал, а потом прочитал «Остров сокровищ». Но это было ни имя, ни прозвище, ни кличка. Так звали Тольку Жданова из того самого 5 «А». А кличка, дразнилка у него была другая: «Бык».

Коренастый, упрямый, несокрушимый ни в драках, ни в играх Бык. И в справедливости, в честности несокрушимый. Б-ы-к!

Из простой крестьянской семьи, с детства приученный (да, как и все из нас) к тяжелой сельской жизни. Но учился плохо; двойки-тройки. Не успевал он учиться. Все хозяйство держалось на нем: отца не было (не помню почему, врать не буду, но знаю точно, семью отец не бросал), мать больная, младшая сестра Валентина училась со мной в одном классе.

Уважали его все: и взрослые, и сверстники, и младшее поколение. В десятом классе бегал на лыжах по первому разряду.

После десятилетки задумал он поступать в военное училище (это-то с его от-

метками, но... но первый разряд по лыжам, он и в Африке — первый разряд). А его невзлюбил завуч (Чеканов Сергей Ильич, преподаватель истории; его никто не то что не любил, а мало кто и уважал; не было таких, практически). Невзлюбил за упрямый, открытый характер и пообещал, что наш Бэн Джойс закончит школу без аттестата, т. е. по истории у него будет не более двух баллов, и прощай, училище.

Отец всегда равнодушно относился к Бэн Джойсу. Наверное, и у него такое же было детство (да не наверное, а точно такое, безотцовское, детство). И всегда, чем мог, помогал ему. Помогал, вплоть до последнего экзамена. Ну, не су... собака ли эта судьба-злодейка: в день экзамена по истории (последнего выпускного экзамена!) отца вызывают в Мичуринск в РОНО (Районный отдел народного образования) по каким-то неотложным, сверхсрочным делам (а не козни ли это завуча — пришло мне в голову только сейчас, когда пишу эти строки).

«Закон подлости» не подвел и в этот раз: по истории у Бэна Джойса — «двойка». Бэн Джойс без аттестата. Выпускной вечер без Бэна Джойса. Без нашего Тольки Жданова.

Конечно, на отца донесли, стукнули куда следует за исправленный экзаменационный протокол по истории (как-никак, директор школы — председатель экзаменационной комиссии, имеет право).

Донесли!

Донесли за выданный Бэну Джойсу Аттестат Зрелости.

Последний раз я, лейтенант медицинской службы, встречался с Бэном Джойсом, с гвардии майором Анатолием Ждановым, слушателем военной Академии имени М. В. Фрунзе, неоднократным призером первенств страны по самбо, в далеком семьдесят четвертом году в мае, случайно, у метро «Парк Культуры».

Где он сейчас? Бэн Джойс... Из моего детства...

...Колька Грезнев — Грезнев Николай Васильевич, прошедший за тридцать девять лет путь от простого рабочего до директора крупнейшего завода по производству заслонок для газовой отрасли в Усть-Каменогорске, лично знакомый с президентом Казахстана Назарбаевым. Грезнев и заехал за мной из Москвы, где живет после выхода на заслуженный отдых.

— Моя секретарша, имея высшее филологическое образование, — стоя напротив бывшей школы рассказывает Грезнев (Пузанок — его детский «псевдоним»), — перед тем как принести мне на подпись, тщательнейшим образом проверяла и отбраковывала за любую грамматическую или там какую другую ошибку документы. Поясняя при этом: «Я не хочу быть уволенной из-за ваших ошибок! Николай Васильевич учился русскому языку и литературе у Самого Алексея Дмитриевича Макарова!».

— Да, твой отец, — обращаясь ко мне, продолжает Грезнев, — давал нам капитальнейшие знания. А вот мать математике нас, и меня в том числе, не научила.

И, видя мое недоумение:

— Твоя мать доводила нас до восьмого и в девятый класс передавала Коту — Борозину Владимиру Дмитриевичу, никудашнему и никчемному математику даже по сельским меркам.

— У матери не было высшего образования, поэтому ее потолок — семи-, затем — восьмилетка.

...Мать всегда (!), к каждому (!) уроку за всю свою педагогическую деятельность писала подробные планы уроков. Всегда!

И кучи тетрадей. Кучищи! Монблан! Эверест! Тетрадей учеников — с домашними заданиями, с контрольными работами (к следующему уроку все должны быть проверены, с разбором каждой ошибки). И не у одного класса, а у трех-четырех. Каждый день! Отец никогда планов не писал, черкнет пару строк — и готов к занятиям. Он в основном преподавал в вечерней школе (вечерняя школа — это после двух дневных смен, где занимались нормальные по возрасту ученики, по вечерам приходи-

ли те, кто не успел получить образование (семи — или десятилетки) в войну, в тяжёлые послевоенные годы, т. е. простые советские колхозники разных возрастов (помните многосерийный фильм «Большая перемена»? Все точно так же происходило — только со скидкой на время и место). И он там тоже преподавал. На уроках его (как говорили ученики) слышно было, как летают мухи по классу, как вибрируют стекла в окнах от малейшего ветерка.

Как жаль, что мне не пришлось учиться в его классе, хотя, по большому (!) счёту, вся его жизнь для меня была уроком. Отца в школе не боялись. Нет! Мать боялись — на ее уроках тоже стояла тишина. Но... Другая тишина. Отца не боялись. Директора школы не боялись. Что такое директор школы в большом селе? В середине двадцатого века? Третий человек в сельской иерархии: председатель сельсовета, председатель колхоза, директор школы. А учитывая его военное прошлое, его орден, на всю округу всего два Красных Знамени, его высшее образование (по-моему, в те времена — только одно на весь колхоз) плюс его постоянное депутатство в Сельском Совете, непререкаемый авторитет среди сельчан. Со всеми бедами и радостями шли к нему со всего села. Занесет кого-то судьба из его выпускников с облачных высот (а для села того времени — работа в Москве, служба в армии — большая высота!) в родные просторы, обязательно приходят к отцу.

И что характерно (по своей природе дети жестоки, безкомпромиссны в своих суждениях, их на мякине не проведешь), в школе у всех (до самого последнего сторожа) были клички, дразнилки, устный фольклор, своей безжалостной точностью и меткостью характеризующих каждого. В письменном виде это творчество появлялось везде (на стенах туалетов — естественно, удобства, как и во всем селе, на улице), на партах, на деревьях, на стенах классов и коридоров.

Еще раз повторю: у всех учителей (у всех!) были клички. У отца, за всю его педагогическую деятельность, никогда (н-и-к-о-г-д-а!!!) не было кличек. У него одного на всю школу. А может — и на весь район...

...При каждом приезде в родное село Грезнев обязательно посещает погост и наводит порядок на могилах, где похоронены его родители и двоюродный дед, все с фамилией Грязнев.

— Половина нашей семьи носит фамилию Грязнев, половина, в том числе, и я — фамилию Грезнев. В сельсовете разные сидели «писарюги».

И продолжает с гордостью.

— Через Интернет нашел своего деда, вернее, его могилу во Львове, где он погиб в Первую мировую войну в пятнадцатом году.

...У Кольки Климанова — Николая Григорьевича Климанова, подполковника в отставке — в селе свой дом. Здесь, то есть в селе, он родился, здесь вырос, здесь поступил в Камышенское высшее военное строительное командное училище. По увольнении из Армии и получив квартиру в Воронеже, он по несколько раз в год приезжает в село, где у него имеется небольшой огородик и такой же небольшой дворик.

— Половина команды — чемпионы Тамбовской области по эстафете четыре по сто — в сборе, — обнимаясь со мной, он смахивает слезу и поясняет Грезневу, — на чемпионате ДСО «Урожай» Макаров бежал первый этап, передавая мне эстафетную палочку; на третьем и четвертом этапах бежали также наши, новотарбеевские школьники.

— Нет, — поправляю Климанова, — у меня — два чемпионства. Ты — числился трактористом, а я проходил комбайнером широкого профиля.

...По приезде на летние каникулы в родное село спорткомитет Мичуринского района трижды приглашал меня выступить на первенстве области по легкой атлетике за спортобщество «Урожай». Естественно, в документах я значился комбайнером колхоза имени Ленина, куда входило и село Ново-Тарбеево.

Так как в Мичуринской школе № 8 и Рязанском мединституте я тренировался у профессиональных тренеров, то тренировки бегунов по приезду на соревнования в Тамбов входили в мои обязанности. И в Мичуринске, и в Рязани в самой престижной эстафете четыре по сто метров мне всегда доверяли первый этап — у всех выигрывал стартовый рывок.

В Тамбове мне тоже пришлось бежать первый этап, но в этой эстафете первый и третий этапы бежали мужчины, а второй и четвертый — девушки. На тренировках самым сложным элементом оказалась передача эстафетной палочки от первого этапа, то есть меня, второму этапу, то есть девушке из соседнего колхоза «Рассвет».

И в очередном тренировочном забеге, как обычно, на максимально возможной скорости передаю палочку правой рукой в ее левую руку и она...

Она, получив палочку, резко берет вправо и левой стопой попадает под мою шпильку на правой ноге. Стопа пропорола насквозь в трех местах, кровяницы — ужас. От девушки — не помню ее имени-фамилии — ни слез, ни стонов. К счастью, ни сухожилия, ни кости не задеты.

Срочно четвертый этап переставляем на второй, а на четвертый этап ставится спортсменка из запаса.

Финальный забег даже в таком ослабленном составе мы выигрываем с рекордом области. Меня приглашают войти в сборную области на первенство России ДСО «Урожай» в Волгограде. Я скромно отказываюсь, не называя причины, — числился в то время по рязанскому «Буревестнику».

...Перекусив с дороги, наше трио Николаев среди зарослей тех же кустов, крапивы и лебеды выдвинулись на речку. Речка, кстати, река Воронеж, к сожалению, являла собой тоже удручающее явление. Только небольшой пяточок чистой воды и незаросшего берега, на Джипиэсовской карте именуемый «пляжем», манил нас более-менее какой-то свежестью и прохладой.

По дороге Климанов нас предупредил, что в селе отмечается нашествие змей — гадюк и медянок, поэтому ходить необходимо с оглядкой и осторожностью. Да-а, в детстве в лес по грибы и ягоды ходили, не обращая внимания на змей. И в лес-то дорога, как и все сельские дороги, была в приличном состоянии. Сейчас же в лес и пройти-то можно с превеликим трудом: от речки до первых деревьев сплошные заросли многолетней сухой травы в человеческий рост и никаких дорог.

Искупались, вспоминая заплывы на противоположный берег за арбузами и дынями, созревающими на обширных колхозных полях, вспоминая, как мой отец здесь ловил рыбу.

Возвращаясь с купания в село, Климанов закурил, а я вспомнил свое первое и последнее знакомство с этой «дрянью».

...В детстве курить, наверное, пробовали все деревенские, а может и городские, мальчишки.

Не обошло и меня это увлечение.

После весенних каникул — в большинстве сел и деревень каникулы соответствовали весеннему паводку — в одно солнечное воскресенье ватага сельской ребятни собралась на уже просушенном заливном лугу.

Разожгли костер из сухих водорослей, нашли корни какого-то болотного растения, похожие на стебли бамбука, смастерили из них подобие курительных трубок и... и набили эти трубки растертыми до порошка сухими водорослями.

Стали курить. Дошла очередь и до меня — глубокий вдох... Мои легкие вывернулись наизнанку — кашель, слезы, сопли: минут пять длилось это мое первое и последнее знакомство с курением.

На всю жизнь осталось это отвратительнейшее состояние организма, отбив напрочь возможные будущие попытки курения.

...Вечером я пошел в гости к своей детской подруге, однокласснице Нинке Ткачевой — Нине Григорьевне Ткачевой. На другой конец села.

На центральной улице — асфальт, где лучше, где хуже; на обочине улицы стоят мусорные контейнеры; в каждом доме — газ и вода, у кого-то — и канализация, электричество — это естественно; на некоторых домах — тарелки телевизионных антенн. Но многие дома пустуют, многие разрушены, огороды в непролазных зарослях из все тех же кустов, крапивы и лебеды.

...В памяти всплывает зима: по Цельсию — ниже тридцати. Март пятьдесят третьего. Пятое число. Растерянные, осунувшиеся лица, красные флаги с черными лентами.

Мы (наша семья — отец, мать, сестра Татьяна и я) живем в деревне, вернее, в селе.

Село Ново-Тарбеево — в двадцати километрах западнее Мичуринска, на берегу реки Воронеж, в ту пору полноводной широкой реки.

Отец и мать — учителя. Окончили Мичуринский учительский институт. Мать (Макарова Татьяна Сергеевна) так всю жизнь и писала во всех анкетах в строке образование: «незаконченное высшее» (не среднее и не высшее), специальность — математика. Отец после учительского, в пятидесятом заочно окончил Тамбовский педагогический (что автоматически подразумевало на пиджаке ромбик высшего образования — «поплавок»); русский язык и литература.

Март пятьдесят третьего. Начало месяца. Утопающие в сугробах дома. По улицам только санные следы, укатавшие дорогу до асфальтовой твердости («асфальтовая твердость» — тогда в селе такого и понятия-то не было; это из нынешнего времени такие ассоциации). Электричества нет и в помине. Вода в колодцах, «удобства» — во дворе. Радио проведут только через несколько лет.

На все село пять радиоприемников (громоздкие агрегаты с тяжельми угольными батареями питания и антеннами на крышах; у нас был радиоприемник «Искра»).

Кто имел эти чудо-машины (по тем временам в сельской местности так оно было на самом деле): в сельсовете; в правлении колхоза (колхоз имени Ленина — середнячок-колхоз по всем показателям во все времена, но «железный» середнячок); в школе; у директора школы; у нас (отец в ту пору был уже завучем — вторым человеком в школьном табеле о рангах).

И у этих очагов культуры собрались все жители нашего села. Все!!! Даже женщины (сельские замордованные непосильным трудом бабы) с грудными младенцами. Все!!! Все внимали жутким, страшным словам диктора: «Умер Сталин»...

Умер Сталин...

И я этот день помню. Помню!!! Отчетливо помню этот день — было мне всего чуть больше пяти лет...

...Не успел я открыть калитку усадьбы, как с крыльца дома сбегает Нинка и бросается ко мне в объятия. Среди поцелуев шепчу ей на ухо:

— Муж-то — не ревнивый?

Она смеется тем таким далеким детским смехом четвероклассницы Нинки Ткачевой, а у меня екает под сердцем:

— Не бойся — не ревнивый,— и продолжает, видя спешащего ко мне с такими же объятиями мужа, Виктора, на три года раньше нас окончившего школу,— ты такой же циник, какой и был.

— Врачи все по определению — циники.

...Первый класс сельской школы.

Белоснежная рубашка, только вчера купленная матерью в сельпо, опрометчиво оставленная без защиты снятого пиджачка; гвалт большой перемены, напоминающий многократно увеличенное броуновское движение и...

И столкновение с Нинкой Ткачевой, моей соседкой по парте; вернее — не с ней, а с ее огромной пластмассовой чернильницей.

Результат, ясное дело, оказался до безобразия предсказуем: рубашка от ворота до ремешка брюк — вся фиолетовая; слезы на лице Нинки, размазанные испачканными ладонями, тоже фиолетовые.

В классе мгновенно устанавливается злоеце-звонящая тишина, нарушаемая всхлипываниями виновницы «торжества». Как же — испорчена рубашка сына самого директора школы. В еще несмышленых головах первоклашек возникают кошмарные видения наказания моей соседки — вплоть до исключения из школы.

Вместе со звонком на третий урок в классе появляется моя мать — учитель математики старших классов, награждает меня увесистым подзатыльником — сам, мол, виноват, смотри куда летишь,— успокаивает уже рыдающую навзрыд Нинку, уводит ее из класса.

Через долгих десятков минут в класс, спросив разрешение, входит улыбающаяся, умытая, причесанная, с большой конфетой в руке моя соседка.

Со мной «разбор полетов» продолжался дома, в узком кругу. Впоследствии что бы не происходило в классе, что бы не случилось — всегда оказывался виноватым я — сын самого директора школы — никакого спуска мне родители не давали...

...На кухонном столе чистого уютного домика сельские разносолы (все со своего огорода) и яства (городские колбасные и другие нарезки), своего производства алкогольсодержащие напитки от легкого вина до неподражаемого деревенского коньяка (пятизвездочный «Арарат» отдыхает в сторонке).

Естественно, налегаю на только что выкопанную и сваренную картошку, посыпанную зеленью, малосольные огурчики, маринованный чеснок, разрезанные на куски огромные желтые и красные помидоры, дыню и арбуз, также выращенные на своем огороде.

— Нин, ты изменилась...— выдерживаю паузу,— на чуть-чуть. Сними очки — и вот она, девчонка с озорными глазами моего детства.

— А ты — такой же сельский, наш сельский пацан — не директорский сынок, не городской зазнайка и выскочка, а наш — новотарбеевский.

Взяв лопату, пошли с Ниной в огород, я вырыл небольшую ямку, руку погрузил в тамбовский жирный чернозем и насыпал пяток пригоршней в приготовленный для этого мешочек.

— Давно хотел привезти в Тулу горсть родной земли.

— Что и не говори: Мать — сыра земля.

Так прошел один день моего пребывания в родном селе спустя долгих сорок лет...

Абдуллох Абдумоминов
(г. Ташкент, Узбекистан)

ПОХИТИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Первая публикация молодого дарования; 13 лет. Юный художник. Место учебы: 102-я школа, 7-й класс.

Абдуллах, который живет по соседству, и я — очень близкие друзья. Мы не только соседи, мы и учимся вместе. Однажды вечером мы не знали, чем заняться, и начали что-то мастерить из большого куска дерева. Отец мой проснулся от внезапно-го шума и, сидя с еще полуоткрытыми глазами, сказал:

— Да вы похитители времени! Вы зря теряете время.

Я не понял значения слов «похитители времени». Когда я хотел спросить отца, он уже опять уснул.

— Мы, должно быть, воры, — дрожа от страха, сказал мой друг Абдуллах и пошел к себе домой. Я заснул от волнения.

Когда взошло солнце, я вспомнил, что надо торопиться в школу, быстро вымыл лицо и руки и поспешно выпил чай. Я боялся опоздать в школу, но оказалось, что урок еще не начался.

Как только я сел на место, вошла учительница.

— Дорогие ученики! Я рада вас видеть. Моя радость безгранична.

Когда наша учительница уже объясняла нам новую тему урока, вошел мой одноклассник:

— Учитель, мне очень жаль, что я сегодня опоздал.

— Данияр, не опаздывай. На этот раз я прощаю тебя, но в следующий раз накажу. Уважаемые ученики, вы должны построить новый Узбекистан и в то же время оправдать доверие своих родителей, которые готовы пожертвовать своей жизнью ради вас. Если кто-то из вас станет знаменитым, я с гордостью скажу, что учила этого ученика, — сказала наш учитель.

Эти слова произвели на меня особое впечатление и повысили мою уверенность в себе.

В какой-то момент в классе начались всевозможные перешептывания. «Ты придешь завтра на мой день рождения?»

Было очевидно, что наш учитель услышала эти слова.

— Похитители времени, — сказала учительница. Острый взгляд ее на учеников был полон сожаления.

«Похитители времени»... Я услышал вчера эти слова от отца, когда играл с другом. Вот почему я не так сильно удивился, снова услышав их. Зато мои одноклассники были ошеломлены. Данияр дрожал от страха, как и мой друг Абдулла.

— Данияр, почему ты дрожишь? — спросила в тот момент учительница.

— Вы назвали нас ворами, не так ли? Разве за воровство виновников не наказывают?

— Вы причиняете вред себе. Время накажет воров.

— Учитель, я не понимаю всего смысла этого предложения, но расскажите нам о краже времени.

— Обычно тех, кто ворует, наказывают. Воры времени — исключение. Правда, похититель времени не понесет наказания. Он даже не несет ответственности перед законом. Но тратить время сейчас равносильно краже вашего времени, вашего будущего. Если вы будете проводить все свое время в учебе, вы сэкономите время и станете лучше в будущем.

Слова учителя воодушевили Даниера. В этот момент Даниер понял, что такое «похититель времени». Он даже к нам в дом очень спешил:

— Анвар, ты здесь? Отныне я понимаю цену времени, правда?!

— Да, Даниер и Абдуллах, вы понимаете, что мы не зря теряем время, мы просто учимся.

В будущем мы будем такими, какими учит быть нас учитель.

Я, Абдуллох АБДУМОМИНОВ, ученик 7-го класса школы № 102 города Ташкента, согласен с этим. Не тратьте время зря! Я всегда буду помнить, что оно бесценно!

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ...

Родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работал учителем и преподавателем. Живет на Брянщине, в г. Сельцо. Публиковался во многих изданиях периодики. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор десяти сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Руководитель литературного объединения «Парус» (г. Сельцо).

Весть о том, что Виталика Осокина привезли из военного госпиталя обезноженным, мигмом облетела Сосновый бор. В поселке знали, что Осокин воевал в Чечне, где в одном из боев получил тяжелое ранение. Уникальная операция по удалению осколка из позвоночника, которую провели военврачи, сохранила Виталику жизнь, но надежды на подвижность практически не дала. «Благодари Господа, что остался в живых,— сказал при выписке Осокину убежденный сединой хирург.— Мы сделали все, что могли, остальное за тобой. Надежда на то, что будешь ходить, пусть и призрачная, в таких случаях всегда остается, а пока надо думать об инвалидной коляске».

Осокин жил с матерью в частном доме на окраине поселка. Отец умер вскоре после того, как Виталика призвали на службу в морскую пехоту. Спустя полгода Осокин заключил контракт на три года, что позволило получать хороший оклад, материально помогать матери и посылать подарки любимой девушке Ларисе Звягиной, которая обещала его ждать.

На втором году службы подразделение, в котором служил Осокин, направили в «горячую точку». Морские пехотинцы дрались, как львы. Фортуна благоволила им, но везение не бывает бесконечным. Тот бой под Ведено был жестоким. Морпехи зачистили Веденское ущелье, заняли позиции, но неожиданно оказались под шквальным огнем и понесли потери. Один из снарядов боевиков попал в окоп, где держали оборону «черные береты». Двое бойцов погибли на месте, а командира отделения сержанта Осокина друзья вынесли с поля боя без сознания...

Была поздняя осень. Темное небо сеяло холодным дождем, но в дом Осокиных то и дело заглядывали гости. Приходили друзья, соседи, учителя, интересовались здоровьем Виталика, обстоятельствами, при которых он получил ранение, сочувствовали, приводили примеры, как в подобных случаях люди преодолевали себя, вставляли на ноги. Уходя, обещали навещать, но вскоре все куда-то исчезли, перестали заходить, звонить.

Когда в доме стало тихо, Виталик, сдерживая волнение, сказал матери:

— Я ожидал, что друзья могут прийти отметить и забыть. Их можно понять — у них своих забот полно. Но очень печально то, что Лариса не показала глаз. Это для меня полнейшая неожиданность...

— Сынок, это я виновата,— с грустью в голосе сказала Анна Михайловна.— Когда позвонили из госпиталя, я тут же собралась к тебе и позвала с собой Ларису, но она сослалась на то, что сдает сессию. А когда я вернулась, она примчалась, стала расспрашивать о ранении, об операции, и о том, какой прогноз дают врачи. Я не стала скрывать, сказала — надежды, что Виталик встанет на ноги, нет. В лучшем случае — инвалидная коляска.

— Мам, ты все правильно сделала. Нельзя обнадеживать человека. Пусть устраивает свою жизнь. Зачем ей возиться с калекой. Она молодая, красивая, имеет право на счастье. Я ей это счастье дать не смогу, поэтому не осуждаю ее. Но навестить-то могла. Ведь два года встречались, любили друг друга...

— Выбрось ее из головы, сынок. Лариса испугалась трудностей. Люди поговаривают, что она уже встречается с Ромкой Корсаковым, сыном главы поселка. Ромка ее на своей шикарной машине катает.

То ли слова матери больно ранили сердце, окончательно перечеркнув таившуюся в глубине души надежду на встречу с любимой, то ли осознание того, что остатки жизни предстоит доживать беспомощным инвалидом, но Виталик тяжело застонал, на глаза навернулись слезы.

— Ну что ты, сынок? Крепись, я буду помогать тебе до конца своих дней. А даст бог, может, еще поправишься, в колясочке буду катать.

— Мам, мне сегодня особенно худо,— с горечью произнес Виталик.— Сходи, купи бутылку белой. Хочу выпить, унять душевную боль...

— Хорошо, сынок, сейчас схожу в магазин. А ты успокойся, поспи пока.

Рано утром к Осокиным заглянул Генка Тербилов. С Генкой Виталик дружил с малых лет. Вместе учились, вместе призывались в армию. Оба мечтали о службе в ВДВ, и Генку определили в десантники, а Виталика в морские пехотинцы. После армии Тербилов поступил на службу в батальон внутренних войск и упорно готовил себя к службе в спецназе.

Виталик спал, когда Генка вошел в его комнату и увидел у кровати друга недопитую бутылку водки.

— Ну, дружище, так дело не пойдет. Не с того начал,— с нескрываемым возмущением сказал Тербилов.— Это удел слабаков, а ты всегда отличался сильным характером, подавал нам пример, был всегда на шаг впереди — и в спорте, и в учебе. Не зря тебя определили в морпехи, не зря направили в «горячую точку», где ты проявил свои лучшие качества и заслуженно получил «Орден Мужества». Мы все тебе завидуем, а я особенно.

— Друг Аркадий, не говори красиво! Не надо этих высокопарных слов. Нашел кому завидовать,— возмутился Виталик.

— Да, завидую и твердо знаю, что, имея такой сильный характер, ты обязательно победишь свой недуг и встанешь на ноги. И Лариска твоя, как говорит моя Наташка, еще ой как пожалеет — будет локти кусать.

— Передавай привет своей Наташке — замечательная девушка у тебя.

— И у тебя будет замечательная, только надо потрудиться,— твердо сказал Генка.— Ты же знаешь, что самое ценное приходит через тяжелый труд, а то, что дается легко — ценится дешево. Я вот принес тебе резиновые жгуты. Сейчас закреплю на спинке кровати. Начинай с них. Нагрузки не форсируй, через боль не работай. Почувствуешь себя плохо — прекращай. Сегодня же дам задание ребятам, чтобы изготовили для тебя блоки. Чертежи у меня уже есть. Будешь тренироваться по пособию. Там все расписано.

— Спасибо, друг,— дрожащим голосом сказал Виталик и протянул Генке руку.— Я думал об этом, но не знал, с чего начать. Ты вдохнул в меня силы.

— Благодарить будешь позднее, когда встанешь на ноги,— слегка пожал протянутую руку друга Тербилов.

Как только Генка скрылся за дверью, вошла мать. Виталик показал рукой на бутылку:

— Мам, убери ее. Прости мою слабость. Больше этого не позволю...

Первые тренировки давались очень тяжело. Виталик быстро уставал, хотя качал в основном руки и плечевой пояс. Стоило только перейти к спине и прессу, как боль давала о себе знать, и лоб покрывался испариной. За неделю освоил несколько упражнений, повторял их десятки раз.

В выходной день, когда редкое зимнее солнышко, пробившись сквозь белую мглу, заглянуло бледными лучами в комнату Осокина, на пороге вновь появился Тербилов. Увидев, как друг работает со жгутом, отметил:

— Вижу, что начало положено. Первые тренировки самые трудные. Идет адаптация организма. Смотри только, не переусердствуй. Береги спину, поясницу и ноги. На болях не работай — это опасно.

Генка достал из сумки гантели и блоки с кронштейнами.

— Сейчас закреплю блоки, объясню принцип действия, и не спеша начинай работать. Чередуя упражнения со жгутом, гантелями и блоками. Проси мать, чтобы надевала ремни на ноги и снимала после тренировки. Будь предельно осторожен, чтобы, не дай бог, не задеть спинной нерв, иначе — парализация. Вот тебе пособие,— протянул тоненькую, изрядно потрепанную книжку Генка.— Автор сам был спинальником, знает, о чем пишет. Изучи и свято следуй его рекомендациям. Они уже многим помогли. Здесь все расписано предельно ясно. Пока не чувствуешь ноги — посылай им мысленные сигналы. Давай команду, чтобы ноги наливались теплом, пытайся мысленно шевелить пальцами. В дальнейшем подумаем о массаже ног. Не переутомляйся. Буду следить, как идут дела. Наташа шлет тебе привет. Мы с ней верим в тебя.

Чуть свет Виталик уже проводил первую тренировку с блоками. Ног не чувствовал, были легкие боли в пояснице и спине. Сделав несколько усилий ногами, Виталик решил, что на первый раз достаточно. Он хотел позвать мать, чтобы освободила ноги от ремней, но тут услышал незнакомый голос — мать с кем-то тихо разговаривала на кухне.

Голос был чистый, звонкий, словно весенний ручеек, звучал призывно, как хрустальный колокольчик. Виталик поймал себя на мысли, что ему приятно слушать этот голос, от которого, словно от волшебной мелодии, сладко сжималась сердце, утихала душевная боль.

Голос смолк, и в комнату вошла мать. Виталий обратился к ней:

— Мам, освободи мои ноги от ремней. Кто это был у нас?

— Это Света Голубкина заскочила, дочь нашей соседки Надежды Васильевны, которая работает в больнице санитаркой. Лекарство и баночку малинового варенья принесла. Света — душечка, мне помогала, пока ты был в армии и в госпитале. Картошку копали вместе, ухаживала за мной, когда я захворала, на хозяйстве оставалась. И сейчас выручает, то в магазин, то в аптеку бегают.

— Она же девчонкой сопливой была, когда я на флот призывался,— с удивлением произнес Виталик.— Неужели так быстро выросла?

— Сынок, ведь с той поры прошло четыре года. Ей уже девятнадцать. В медицинском училище учится на медсестру. А красавица какая! Но, главное, душа у нее, как у сестры милосердия.

Виталик глубоко задумался. Мать ушла и вернулась. Принесла завтрак.

— Мам, ко мне Свету пока не пускай. Не хочу никого видеть, кроме тебя и Генки. То, что рана, полученная в бою, болит — это одно, но еще сердечная кровотоцит...

Генка наведывался часто. Видя, что все идет, как задумано, одобрял усилия друга:

— Вижу, что поверил в успех. И есть уже результаты. Но очень прошу, прислушивайся к организму, не переусердствуй. Выправлять будет сложнее.

— Я не враг себе,— сказал Виталик.— Хочу иногда прибавить нагрузку, но зная, чем это чревато, сдерживаю себя. В книге, которую ты дал, есть предостережение от ошибок при работе с тяжестями.

Еще несколько раз забегала Света. Виталик слышал ее нежный, звенящий голос, наслаждался им. Не раз мысленно просил ее, чтобы задержалась подольше, поговорила бы о чем-либо с матерью. Возникало желание позвать ее в комнату, но он считал, что еще не пришло время.

Двадцать третьего февраля Виталик проснулся, услышав призывный звон серебряного колокольчика, и ему так захотелось увидеть Свету, что он едва сдержался, чтобы не позвать ее. Но, известно, что мысли материальны и передаются на расстоянии. Тотчас в комнату к нему вошла мать.

— Виталик, дорогой сыночек, с праздником тебя! — Анна Михайловна нежно поцеловала сына, вручила подарок, спросила:

— Света тоже хочет поздравить тебя с праздником. Разреши ей зайти.

— Пусть войдет,— сказал Виталик,— решив, что это перст судьбы...

Света вошла и смущенно замерла у порога. Светлая, пухленькая, курносенькая, с выразительными глазами, до краев наполненными синевой, как утреннее небо весной. От нее пахло снегом, и в то же время Виталику показалась, что к нему в комнату до срока заглянула сама весна.

— Ну что же ты робеешь — ты ведь будущая медсестра? Проходи, присаживайся,— с улыбкой произнес он.

— Виталий, поздравляю тебя с Днем защитника Отечества! — несмело шагнула она к кровати.— Желаю, чтобы выздоровел, чтобы сбылись твои мечты! Вот тебе мой скромный подарок — одеколон и бритвенный прибор.

Он взял ее за руку. Рука была теплой. Виталик коснулся руки губами.

— Спасибо! Зачем ты тратилась?! Ты ведь еще не на своих хлебах.

— Я сейчас на практике. Немного подрабатываю, дежурю у больных.

— Это другое дело,— заметил он.— А я решил, что ты у мамы деньги взяла. Можно было поздравить и на словах. Мне и так было бы приятно.

— Но это не все,— сказала Света.— Я достала тебе книжечку одного известного спортсмена, ныне писателя, под названием «Верить!». В ней он рассказывает, как во время соревнований поднял тяжелую штангу над головой, и она повела его в сторону. Пытаясь удержать ее, получил травму позвоночника. Ему сделали операцию, извлекали раздробленный позвонок и вставили металлические пластины, а спустя время сделали новую — по удалению пластин. И он, запакованный в гипс с головы до пояса, вновь учился сидеть, вставать, ходить.

— Это интересно. За это отдельно благодарю тебя,— улыбнулся Виталий.

— А между физическими упражнениями он укреплял силу духа волевыми настроями — формулами воли. Придумывал их и повторял в ходе тренировок. Вот я записала их для тебя,— протянула Света листок Виталию.

Он пробежал листок глазами и сказал:

— Какая же ты умница! Мне это очень пригодится. Потом снова заглянул в листок и с улыбкой заметил:

— А ведь мне знаком этот округлый почерк. Я хорошо его запомнил! Так это ты прислала мне в госпиталь трогательное письмо без обратного адреса? А я терялся в догадках, кто это проникся сочувствием ко мне и верой в то, что я способен преодолеть все испытания, выпавшие на мою долю.

Он посмотрел на нее. Лицо ее зарделось. В глазах блеснули слезы.

Виталик нежно погладил руку девушки:

— Спасибо тебе, дорогая Светлана! У тебя большое и доброе сердце. Правильную профессию ты себе выбрала. И мне повезло, что у меня теперь такая надежная, заботливая подруга.

— Можно я буду приходить к вам чаще и делать тебе массаж ног? — тихим голосом, не поднимая глаз, спросила Света.— Это очень необходимо тебе, да и мне нужна практика по уходу за больными.

— Спасибо, что моей матери помогала и помогаешь. Приходи, когда пожелаешь, буду только рад. Чувствую, что нас не случайно свела судьба,— посмотрел на нее Виталик с нескрываемой симпатией.

Света встала, поцеловала его в щеку и убежала.

Она приходила теперь каждый день. Анна Михайловна вся светилась от счастья, когда на пороге появлялась Светлана:

— Проходи, голубушка, проходи, наше солнышко. Мы тебя заждались. Виталик уже не раз просил: «Мам, посмотри в окно, не идет ли Света?»

Светлана приносила лекарства, витамины, следила, чтобы Виталик принимал их вовремя, справлялась о самочувствии друга, делала ему массаж ног. Она первой замечала перемены к лучшему в состоянии Виталика. А он с неподдельной радостью сообщал ей, что стал частично чувствовать ноги, даже может слегка шевелить пальцами.

Как-то утром к Осокину заглянул Генка и, застав Свету за массажем, посмотрел на улыбающегося Виталика, дружелюбно подмигнул ему.

— А я-то смотрю, почему твои дела так резко пошли в гору? Оказывается, ты нашел себе ангела-хранителя в лице этой курносой голубоглазой красотки. Вот она-то точно поставит тебя на ноги.

— Да я, в общем-то, и не искал,— ответил довольный Виталий.— Небеса послали мне в награду это милое создание, хотя никак не могу понять, за какие заслуги. Ты был прав. Я, наверное, в самом деле, везунчик...

Света встала, смущенно сказала:

— Ладно, ребята, мне пора. Не буду вам мешать. Она подошла к Виталию, поправила одеяло, мило улыбнулась ему, чмокнула в щеку.

— А меня? — спросил Геннадий, показывая пальцем на щеку.

— Тебя пусть Наташа твоя целует. Кстати, передавай ей от меня привет. Мы с ней дружили в школе, а потом наши дорожки разошлись. Она пошла в педучилище, а я — в медицинское.

Виталик торопился, хотелось быстрее встать на ноги, хотя его предостерегали и Геннадий, и Светлана, и мать. Сильно вдохновляли волевые настроения, которые он заучил наизусть и часто повторял вслух. И однажды он чуть не навредил себе. Попытался встать у кровати без посторонней помощи, но боль пронзила тело, и он упал на пол без сознания.

Анна Михайловна страшно испугалась. Трясущимися руками поднесла к носу сына ватку с нашатырем, протерла виски. Виталик пришел в себя. Она подложила ему подушку под голову, сказала: «Подожди, сынок, я сейчас». Позвонила Светлане, и та примчалась быстро. Вдвоем подняли Виталика на кровать. Он был бледен, лоб покрылся испариной, глаза мутноватые.

Светлана вызвала врача. Она приехала, прописала уколы и запретила дальнейшие нагрузки. От первых же уколов, которые делала Света, ему стало лучше. И вскоре Виталик вновь приступил к тренировкам...

Весна пришла ранней, яркой, звонкой. Отзвенела капель, отшумели ручьи. Буйно зацвели сады. По поселку плыли сладкие дурманящие ароматы. Света каждый день вывозила Виталика во двор на коляске, замечая, как он набирается сил. Он уже мог вставать, но делал всего несколько шагов. Они не спешили торопить события, считали, что надо закрепить достигнутое. Анна Михайловна следила за ними из окна, и слезы радости застилали ей глаза. Она смогла рассмотреть под свободным халатиком Светы ее заметно округлившийся животик, и была вне себя от счастья.

На этот раз Светлана привезла Виталика к лавочке в саду, укрытом белоснежным

покрывалом. Они присели, и Виталик попросил ее принести гитару. Настроив инструмент, он проникновенным голосом запел:

«Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...»

Света слушала и тихонько шмыгала носом.

«Я теперь скупее стал в желаньях. Жизнь моя? иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...»

— Ты знаешь, Виталик, мне вспомнилось сейчас, как ты на этой лавочке сидел с Ларисой, как играл и пел ей свои трогательные песни, а я наблюдала за вами из своего сада. А потом вы целовались, а я пряталась за яблоней и плакала...

— Ах, ты мое милое, несмышленое дитя! Ведь малявкой еще была.

— Не скажи. Мне шел уже шестнадцатый год,— возразила Света.

— Я тогда никого не замечал. Для меня была она одна... На вот, прочти, вчера вечером мальчишка принес,— протянул Виталик листок Светлане.

«Виталик, прости меня! Я испугалась, что ты уже никогда не встанешь на ноги. А ты нашел в себе силы, чему я очень рада. Я по-прежнему люблю тебя, и стоит тебе только позвать, я приползу и буду валяться у твоих ног...».

Заметив слезы в глазах любимой, Виталий обнял ее, нежно поцеловал, шепнул на ухо:

— А теперь для меня только ты одна на всем белом свете!

Игорь Карлов
(г. Москва)

АРАБЕСКИ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

А пальмы, похоже, стали меня узнавать! Едва вышел за ворота, чтобы, перейдя через Тридцатое шоссе по пешеходному мостику, из Пятого блока района Даиа попасть в Четвертый (а тут и ходу-то минут пять), едва успел пройти метров двадцать, поживаясь от прохладного ветра, дующего с Залива, как вот уже машет мне приветственно короткой мясистой многопалой ладонью подросток-крепыш, который скоро уже дождется первых своих фиников. Привет, тинейджер, привет!

Прошел еще метров с полста, а там издали благосклонно кивают гордыми коронами роскошные молодые пальмы — настоящие королевские, в точности такие же, какую выбрали для своей эмблемы короли Саудовской Аравии. С королевским достоинством, но душевно приветствует меня эта чета пальм, увенчанная роскошными зелеными венцами. Да и как иначе? Мы ведь старые знакомцы, видимся иной раз дважды-трижды в день. И даже не в том дело, что встречаться приходится часто, но пальмовый король и королева, наверняка, чувствуют мое к ним хорошее отношение и платят ответным расположением. И я невольно улыбаюсь в ответ на их поклоны, улыбаюсь, как старым знакомым, как будто знаю в подробностях всю их жизнь.

Однако своим стал я не только для благовоспитанных деревьев Аравийского полуострова, выведенных в свет садовником, но и для редких в пустыне саморосов-дичков. Вот кланяются в пояс скромные желтые цветочки, нечто вроде пастушьей сумки или гулявника нашей Средней полосы. В России-то это незаметные, тонущие в океане зеленой травы крестоцветы, а здесь скромный цветок смотрится красой и гордостью песчаных обочин.

И даже странный древесный фрик, корявый выродок с загнутыми вверх и назад узловатыми ветвями, высаженный на разделительной полосе проезжей части, радостно завывает, завидев меня,— то посвистывает ветер в мерзкого вида безлистных отростках, которые пытаются ухватить себе кусочек неба, и весенняя просинь во всклокоченной прическе городского дурочка смотрится, будто голубые муаровые ленты, вплетенные в серые нестриженные космы. Что за урод, какого роду-племени — не поймешь. Только вялые кудряшки на концах скрюченных сучьев позволяют опознать в нем акацию. Кора дерева треснула, поэтому с одной стороны ствола виден вроде как дубленый морщинистый кожух, а с другой — гладкая древесина. Словно нагольный тулуп накинул на себя этот юродивый... Кто другой, может, брезгливо поморщится, обогнет уродца дальней дорожкой, я же, проходя мимо, сочувственно поглаживаю его шершавый бок. Знаю, понимаю, что пришлось ему вытерпеть, отчего безумен он, отчего треснула кора, отчего не родятся более его листочки — обожжен аравийским солнцем, пережил местное лето, претерпел такую страшную пытку, ко-

торой не выдержит ни душа, ни тело, пусть даже тело — бревно. Настрадался. И ума лишился, и облика древесного. Пожалеть его надо.

И все эти растения — мои друзья, без различия их положения в ботаническом бомонде. Все друзья, но любоваться хочется пальмами. Хочется подойти и тихонечко обнять их... Оно, вроде бы, мне, русскому, положено березки обнимать. Да и обнял, обнял бы! Пусть банально, пусть слащаво это может показаться со стороны... Но нет здесь берез, природа же, какая ни на есть, достойна любви и преклонения. Это понятие каждому человеку свыше дано — и Ивану, и Али.

Солнце в осаде. Целый день. Пожалуй, лишь ранним утром оно, восходя на свой трон, успело во всю ширь оглядеть Аравийскую землю, и сделало это по-королевски: в меру строго, притом благосклонно, с достоинством хранителя и защитника веры. Поднимавшаяся ему навстречу прозрачная дымка испарений светила не помеха, ибо придворная фронда не мешает уверенному в себе государю, напротив, изящно подчеркивает выгоды просвещенного абсолютизма.

А затем... чем выше поднималось солнце над горизонтом, тем гуще кучились облака. Грудились легкой кавалерией, летучими отрядами обкладывали небо со всех сторон. Скуднее стал ниспадающий на землю свет, ниже спустились встревоженные птицы. Солнце не уступало, продолжало щедро осыпать подданных пригоршнями блистающих самоцветов, однако все чаще перехватывала монаршие дары нагрывавшая из пустыни серая пыльно-песчаная мгла, все меньше доставалось людям сиятельной милости.

Борьба за будущее этого дня покуда оставалась борьбой великодушных поединщиков. В просветы хмар солнечные лучи блистали уверенно, мощно охватывая небосклон, даря животворящие вспышки дольнему миру. Облака же с уважением расступались перед скоплениями солнечных лучей, придавали пучкам светлых стрел объемность, делали зримой их светозарную силу. Эта-то рыцарственная почтительность и сами тучи превращала в драгоценную сапфирово-жемчужную субстанцию, сквозь причудливые прогалины отрывающую взгляду непостижимую разумом высоту, горящую радужным светом.

Итак, в первой половине дня мы наблюдали за единоборством двух благородных соперников. Так могли бы сражаться Саладин и Ричард Львиное Сердце.

Но миновали времена джентельменских дуэлей! Вслед за ратью облаков-мамлюков притащилась армада грозных туч, начала изнуряющий обстрел неба и земли. Канонада громыкала долго, то удаляясь, то приближаясь. Иногда поблескивала молния, иногда проливался дождь, но не обильный ливень-удалец, способный влагой своей резко освежить воздух, разрядить разлитое в атмосфере томительное напряжение, — мелочный сквалыга, дрожащий над каждой растроченной капелькой. А солнце все не сдавалось, держало осаду.

Тогда коварные налетчики использовали гнуснейший прием: призвав на помощь знойный ветер из самого сердца пустыни, они вместе с дождинками бросили в бой тучи песка. Скупое ниспадающая влага не могла прибить к земле и сотой доли этой массы песчинок, которые вместе с облаками закрывали дневное светило, пытались заставить его померкнуть.

Едва пробивающееся сквозь песчаную бурю солнце осветило мир подленьким желтоватым светом. На виллы, пальмы, мечети, на слегка изогнутые полосы шоссе, на плиты набережной, даже на само море лег раздражающий отсвет тусклого золота, померкшего от пролитой на него крови. Такое золото достается предателю, открывшему врагу врата осажденной крепости. Такое золото получает в качестве контрибуции жестокий завоеватель, таящий планы дальнейших захватов.

Солнце и в эти тяжелые часы не покидало своего престола, но за двойным фильтром дождевых облаков и летучего песка являло вид дряхлого, доживающего

последние часы эмира, на которого из уважительного сострадания уже не глядят визири и наибы его.

Не приведи Всевышний видеть солнце столь немощным! Зрелище не для глаз смертного! Именно такой наша звезда стояла в небе над вымирающими динозаврами, почти не освещая конец их мира. Именно таким солнце тускло глянет в очи тем, кто (не дай Бог!) останется на планете коротать ядерную зиму. Страшное это было солнце, но оно было. Оно не сдавалось.

И непобежденным ушло в иные сферы, когда наступило время ночи. Ушло под грохот отдаленных, но страшных громовых раскатов, под редкое шлепанье ленивых дождевых капель, под чавканье песчано-пыльной слякоти.

Впрочем, с его уходом борьба стихий не окончилась! Но людям уже не дано было лицезреть следующий акт вселенской драмы. Лишь по приглушенной канонаде грозы в глубине полуострова они догадывались, что где-то далеко продолжается борьба света и тьмы.

*Все, все — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!*

А. Блок

Еще вчера гаджет погоды бодро уведомлял: «Кувейт, +40, солнечно». А сегодня с утра: «Кувейт, +32, пыльная буря».

Не пробиться солнечным лучам к земле. Пыль, пыль и пыль. Выглядывать в окно не веселее, чем смотреть на дисплей электронного устройства. Серость, клубящаяся серость. Безлюдны улицы, безмашинны шоссе — всех держит в заточении пыльная буря, все заперлись, закрыли окна и даже кондиционеры не спешат включать, ибо всюду проникает мельчайшая пыль. Наверное, так же будет происходить через много-много лет, когда люди создадут колонии на других планетах. Раздастся сигнал: «Пылевая буря!» — и опустеют марсианские супермаркеты, и поспешат в ангары марсоходы, и в стальных сферических коттеджах закроются, сипя вакуумными запорами, герметичные двери и окна. Надо укрыться, надо переждать.

А сколько ждать? Пыль бесконечна. Столько ее на нашей планете, что может она годами виться вокруг твоего дома, скрывая солнце, ограничивая видимость тремя десятками метров, запорашивая и без того уже покрасневшие глаза, забивая ноздри, садня носоглотку, оседая в легких. Годами.

Бессилен человек перед пылью. Ничего не в силах противопоставить венец творения выющемуся по ветру праху. Ни-че-го. Окажись он сейчас в пустыне — верная смерть. Да и все человечество со всеми его дворцами и небоскребами существует ровно до тех пор, пока пыль клубится в одном только месте. К вечеру на ступеньках у подъезда уже собрались приметные сугробики пыли, и даже вода в бассейне отсвечивала под фонарем, как масло — даже на воде лежала тончайшая пылевая пленка. А что будет за два дня? За десять, за пятьдесят дней владычества хамсина? Город станет похож на мертвое древнее селение, открытое дотошным археологом.

Земля наша — Земля Пыли, сколь ни грустно это признать. Из праха мы созданы и в прах обратимся. Значит, прах был прежде человека и пребудет после исчезновения человечества. Прах один вечен и всепобедителен.

В самом центре города, на Сальмии, за автостоянкой торгового центра, чудом уцелевший осколок прошлого — кварталчик из пяти — шести трехэтажных домов, выстроенных, пожалуй, полвека назад. Вокруг заброшенных, обветшавших, отключенных от коммуникаций зданий — буйные заросли тростника. Подозрительный в своей неожиданности уголок дикой природы в двух шагах от главной улицы мегаполиса. А по соседству — улетающие в небо клубящиеся кремво-розовые бетонные

облака высоток столь вычурной архитектуры, будто то не человеческое жилье, но предназначенные для фей и эльфов пуки приторной сахарной ваты с бельведерами на крышах. А по соседству — устремленные в олимпийскую высоту многоэтажки с псевдоклассическими колоннами и фронтонами, махины фисташкового оттенка, отсвечивающие панорамными стеклами. А по соседству — серо-черные небоскребы хай-тековского стиля.

За роскошью фешенебельной застройки не сразу заметишь пяток облупившихся трехэтажек, похожих на пятно лишая на лице зажиточной столицы нефтедобывающего эмирата. Непонятно, как уцелели эти домишки во время урбанистического бума, непонятно, кому принадлежат и зачем сохраняются. Как и непролазный тростник, достигающий подоконников второго этажа, покачивающий верхушками над оградой, будто бы одним только этим забором сдерживаемый от того, чтобы ринуться на сити, в несколько часов захватить его весь, превратить в живописные дебри.

За растрескавшейся бетонной стеной тростник под порывами налетающего ветра колышется так шумно, так по-хозяйски, что представляешь, как в такую же весеннюю пору здесь, в пустыне, по берегам пресных источников буйно взрастала зелень еще в те времена, когда никто и не помышлял о закладке города. А вот возник-таки город, разросся и оставил тростнику лишь захудалый ненужный клочок земли, где растения содержатся будто бы в плену, будто бы в заключении, подобно преступникам или изгоям. Только и радости тростнику, что ловить плоскими листьями свежий ветерок, лепетать что-то, вспоминая былое...

Точно так же шумел тростник, пропуская мимо экспедицию деловитых британцев, предположивших наличие под песками нефтеносных пластов и задумавших теперь обосноваться здесь надолго. Точно так же шумел тростник, встречая штандарты Османской империи, утвердившейся (казалось, навечно утвердившейся!) на берегах Залива. Точно так же шумел тростник при правителях шумеро-вавилонского царства... И вот все правители, все империи с их величием и мощью канули в Лету, а шелест тростника остался. Так что же значимо в подлунном мире? Что имеет в нем большую ценность?

Шелестит тростник, готовый рассказать слушателю, буде найдется таковой, о Гильгамеше или о Синдбаде, о многих героях мифов, легенд.

Но никто не слышит этого многозначительного шелеста: шорох шин по дорожному покрытию, нетерпеливые клаксоны, самодовольное урчание двигателей дорожных автомобилей, шаги пешеходов, спешащих окунуться в веселье столичного вечера, заполняют Сальмию. Никому не нужны легенды и мифы.

Так выдворяет человек из своей жизни природу, загоняет в мрачные резервации, где она тихо умирает бездомным маргиналом. А сам человек надеется жить. Да не просто жить — наслаждаться жизнью. Получится ли, если никто не слушает шум тростника?.. Увидим.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ДОЛГАЯ ПЕСНЯ КУРАЯ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Чертыхаясь, когда ветви хлестали по лицу, Александр долго пробирался по густым зарослям за другом, стараясь не отставать от него. В такой гуще легко было заблудиться. Потом обратную дорогу не найдешь и не разыщешь — это точно Миннура, который легко шел где-то впереди него, словно шагал по накатанной дороге...

— Ну, ничего себе! — воскликнул Александр, неожиданно ткнувшись в спину Миннура, взглянул на него, хотел было обойти, но отшатнулся и с опаской глянул под ноги. — Ты куда меня привел, Иван Сусанин? Хочешь сказать, что будем в этом месте спускаться со всем снаряжением? С ума сошел, что ли? Да мы же разобьемся!

И снова с опаской посмотрел вниз, где шумела река.

— Ай, не волнуйся, Салим, — так, по-башкирски, Миннур назвал друга. — Я много раз спускался в этом месте, и все было нормально. И с мальчишками прибежали сюда. Не боялись, спускаясь к реке. И сейчас все будет хорошо. Поверь мне...

Взглянув на друга, он поправил рюкзак за спиной.

— А почему по тропке не пошли? — сказал Александр и ткнул в тропинку, которую заметил среди деревьев. — Мне кажется, там побыстрее бы спустились вниз. Можно за деревья придерживаться, чтобы не упасть, а тут...

Он замолчал и опять глянул вниз.

— Ай, Салим, не бойся! — сказал Миннур, махнул рукой и направился к крутому спуску. — Ничего с тобой не случится. Айда...

Миннур кивнул, опять поправил рюкзак и, придерживаясь за кусты и корни, стал спускаться.

— И зачем я согласился пойти с тобой — не понимаю. Поехал в такую даль, а для чего, — ворчал Александр, осторожно ступая по осыпающимся камням и придерживаясь за кусты и редкие деревья, растущие на крутом склоне. — Здесь без головы можно остаться, если слетишь вниз.

Ойкнул, когда нога скользнула по склону, и торопливо схватился за корень, стараясь удержаться.

— Правда, Салим, останешься без головы, но только не из-за того, что упадешь, а от красоты, какую увидишь, — не оборачиваясь, сказал Миннур, спускаясь по крутому склону к реке, откуда доносился громкий шум несущейся воды. — Редкое место может сравниться с этим, куда я веду тебя. Сам увидишь...

И замолчал...

Александр, продолжая ворчать, осторожно спускался, поглядывая под ноги, и увидел Миннура, который уже стоял на узкой прибрежной полосе, сбросив рюкзак. Александр заторопился к нему. Не заметив корень, споткнулся, чертыхнувшись, те-

ря равновесие, выскочил на берег и, пытаясь удержаться, ухватился за друга, но опять споткнулся и повалился, ударившись об острые камни.

— У, завел, Иван Сусанин! — застонал он, хватаясь за ушибленные места, и стал подниматься.— Здесь быстрее кости переломашь, чем увидишь твое красивое место. Красивое место! Красивое мест...

И Александр замолчал, с удивлением посматривая по сторонам.

Перед ним была стремительная река в белых бурунах, а за ней скалы. Огромные скалы, изрезанные узкими расщелинами, словно старческими морщинами. Эти скалы вертикально уходили в стремительную воду, которая неслась, словно пыталась вырваться из плена каменных исполинов, что нависли над рекой, сжимая ее в крепких каменных объятьях, пытаясь преградить путь своенравной реке.

Приподняв голову, Александр присвистнул, удивляясь высоте. Но еще больше удивился, когда увидел в одной из расщелин невесть откуда взявшуюся березу, что выросла там. На темном старческом фоне скал она казалась невестой в белом платье, отсвечивая белизной своего ствола. Зеленая крона шелестела под ветром, который словно играл с ней, сплетая и расплетая длинные косы. И было удивительно, что береза не только смогла выжить в суровых условиях в этой расщелине, но и превратиться в сказочную красавицу. Ствол ее изогнулся, словно стан девичий, и казалось, что она прижимается к камням холодным и безжизненным...

— Миннур, посмотри... Красиво, правда? — громко сказал Александр и показал на березу, и эхо завторило вслед, постепенно затихая вдали.— Да... да... да...

Александр оглянулся на друга, снова кивнул, чтобы он посмотрел, и опять повернулся к березе, что росла в расщелине.

— Не кричи, не нужно,— тихонечко сказал Миннур, доставая палатку.— Насмотришься на нее, а еще кое-что услышишь, но это будет позже, а пока нам нужно подготовиться к ночевке.

Он направился поближе к ближайшим кустам, выбрал ровное место и стал возиться с палаткой.

Следом подошел Александр. Скинув рюкзак, стал помогать другу.

Установив палатку, они натаскали внутрь мягкого лапника, разложили его и укрыли брезентом, поверх бросили спальные мешки, а в изголовье пристроили рюкзаки.

И сразу же отправились за дровами. Ночь долгая. Дров понадобится много. В густых зарослях наткнулись на сухостой. Два небольших деревца повалили и приволокли к палатке. Следом притащили хворост. Развели небольшой костер. Открыли тушенку и поставили разогревать с краю костра. А потом уселись на бревнышко, чтобы немного отдохнуть, пока готовится ужин.

Александр сидел, с интересом посматривая по сторонам. Миннур давно уже звал съездить в эти места, но лишь сейчас он выбрал время, чтобы побывать тут. Почти весь день ушел на дорогу. И в автобусе Александр больше смотрел в окно, чем разговаривал с другом. Чем дальше забирались, тем выше становились горы, заросшие густым лесом. Мелькали проплешины полян, сверкали речки-быстрицы и снова по обеим сторонам дороги поднимались горы. И так, пока не добрались. А потом еще долго продирались через густые заросли, чтобы попасть сюда.

— Миннур, мне показалось, там кто-то есть,— тихонечко сказал Александр, и кивнул на дальний конец косы.— Глянул туда, сначала подумал, что почудилось, а потом и правда кто-то промелькнул. Я уж решил, что зверь забрел, а потом показалось, что это человек был.

Сказал и махнул рукой, показывая.

— Да, там человек,— покосившись, сказал Миннур, потом взглянул на небо.— Скоро все узнаешь, Салим. Не торопись. Потом расскажу, потом. Вечереет. В здешних местах быстро сумерки наступают. Айда, поужинаем, пока не стемнело.

И снова взгляд в сумеречное небо, которое виднелось среди высоких скал.

После ужина они подтащили стволы сухостоя. Комельками сунули в костер. Теперь костер долго будет гореть в ночи. Миннур зевнул и полез в палатку, устраиваясь на ночлег. Александр остался возле костра. Присел на бревно и закрутил головой, наблюдая, как быстро наступали вечерние сумерки. И смотрел на высокие скалы, на березку, что едва виднелась в сумерках, и глядел на стремительную воду, над которой уже закрурился туман, закручиваясь в фантастические фигуры.

— Салим, что не отзываешься? — Александр очнулся от голоса друга. — Зову-зову, а ты сидишь и не шевелишься. Айда в палатку. Холодно возле реки сидеть.

Приоткрыв полог, Миннур махнул рукой, подзывая друга, а потом скрылся в палатке.

— Я не слышал, что позвал меня. Сидел. Задумался. По сторонам смотрел, — сказал Александр. — Правду сказал, красиво тут.

И снова окинул взглядом стремительную реку, высокие скалы, которые упирались в темное небо, по которому кое-где промелькнули последние лучи солнца, непроизвольно глянул на березку, что едва заметна была на темном фоне скал. Хотел было откинуть полог, чтобы забраться в палатку, как вдруг заметил старика, одетого в длинную белую косоворотку навывпуск, на плечи наброшен казакин, в отблесках огня сверкнула расшитая тюбетейка, а в руках был какой-то предмет, завернутый в холстину.

— Миннур, слышь, я старика там видел, — зачастил Александр, забравшись в палатку. — Как же он сюда спустился? И для чего пришел, а? Ночь на дворе, а он...

Александр пожал плечами и стал расспрашивать, влезая в спальный мешок.

— Молчи, Салим, и слушай, — сказал Миннур, не отвечая на многочисленные вопросы, и неожиданно сказал. — А ты любишь музыку?

Он повернулся к другу, который возился в спальном мешке, поудобнее устраиваясь.

— Конечно, люблю! — сказал Александр. — Разную музыку люблю. И классику, и джаз, и народные песни, и...

И Александр принялся перечислять, что ему нравится слушать.

— Ну, тогда лежи и внимательно слушай, — перебивая друга, сказал Миннур. — Честно сказать, Салим, я для этого и позвал тебя. А теперь молчи и слушай...

Миннур замолчал и притих, к чему-то прислушиваясь.

Затаив дыхание, Александр тоже слушал, что делается на речной косе, пытается уловить мелодию, но доносилось потрескивание костра, был слышен шум и всплески воды, а вот музыки — этого не было. Он вздохнул и затаил дыхание, когда ему показалось, словно серебристый ковыль под порывами ветра зашелестел в бескрайних степях. И этот звук с каждой секундой становился все громче. А потом донесся быстрый топот копыт, окрики табунщиков, которые охраняли непуганых лошадей от волчьих стай, а еще ему почудился девичий голос, и разнеслась долгая песня над бескрайними степными просторами...

Александр вздрогнул, когда услышал девичий голос. Откуда ему взяться здесь, на этой речной косе, если песня разнеслась над бескрайними степями. Он хотел было повернуться, чтобы спросить у друга, но Миннур придержал его.

— Молчи, Салим, молчи! — едва слышно донесся голос друга. — Это курай разговаривает. О многом он говорит. Слушай его, слушай...

И снова Миннур придержал друга.

Александр закрутил головой, пытаясь понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Казалось, они неслись со всех сторон, наполняя ущелье, проникая в душу, будоража ее, заставляя смеяться и плакать от удивительной и чудной мелодии курая, от его волшебного голоса, который никого не оставит равнодушным, уводя за собой в волшебные дали...

Где-то зажурчал ручеек, и раздалось посвистывание перепелок: «Спать пора,

спать пора...». И вдруг послышался ласковый шепот. Разнесся звон монист, что были вплетены в девичьи косы. Следом раскатился мелкий веселый девичий смех и заворчали птичьи голоса, а с той стороны доносятся степные шорохи, слышно потрескивание костра и тихое сонное ржание огромного табуна, который плотной сплошной стеной окружил двух влюбленных, чтобы никто не посмел потревожить их темной ночью...

Но тут в завораживающий голос курая стали вплетаться незримые тревожные нотки, словно беду предвещали. Все громче и чаще зазвучали они. И вскинулся испуганный табун. Задрожала ковыльная степь под копытами огромного табуна, и понеслись кони в ночной тьме по бескрайней равнине, оставляя влюбленных наедине с неминуемой бедою...

В ночной тиши раздался девичий плач, но прервал его грозный окрик, а следом раздался голос юноши, который встал на защиту любимой, но не стал умолять о пощаде, а начал говорить о своей любви, но было поздно. На полуслове оборвался. И умолк смелый юноша...

И разнесся девичий крик над ковыльными степями. Полынной горечью охватило округу. Послышался быстрый бег и шорох камней, что осыпались с крутого склона. И опять раздался отчаянный и долгий крик. Заметалось эхо, словно птица между отвесными и безжизненными скалами, ударяясь о них, взлетая к черному небу и опускаясь к быстрой воде, и медленно затихло в черной непроглядной ночи.

Едва слышно звучал курай на берегу реки, словно вымаливая прощение, но не дождался и умолк печально...

Следом донеслась тяжелая медленная поступь, зашуршали камни на круче, а потом наступила тишина, прерываемая всплесками ночной реки.

Долго лежал Александр, прислушиваясь к ночным звукам и пытался заглянуть в свою душу, чтобы понять, что это было — сон или явь, но ответа не находил...

— Миннур, не спишь? — Александр не удержался и повернулся к другу. — Не спишь, говорю?

И протянув руку, дотронулся до друга.

— Не спится, Салим, — задумчиво сказал Миннур. — Лежу, думаю...

Сказал и замолчал.

— Я тоже лежал и думал, — сказал Александр и непроизвольно взглянул в сторону, где разговаривал курай. — Слушал и думал. Не могу объяснить это... — он покрывил в воздухе рукой. — А ты о чем думал?

И, приподнявшись, снова прислушался. Почудилось, что заговорил курай. Александр вздохнул. Показалось...

— Я лежал и думал о судьбах людских, жестокости, которая встречается в нашей жизни, — задумавшись, сказал Миннур. — Да обо всем думал и о жизни — тоже...

И снова замолчал.

— Я много слушал и слушаю разной музыки, частенько бываю на концертах, — сказал Александр. — Но там исполняют профессиональные музыканты, а здесь... — он помолчал и в темноте пожал плечами. — А здесь пришел старик на берег реки, достал курай, заиграл и я словно в другой мир попал. Не поверишь, Миннур, я будто в старые времена попал, увидел людей, которые жили в те времена, узнал обычаи. И табуны видел в степи, которых сейчас не встретишь. Да много всего промелькнуло перед глазами, о чем я никогда не знал и не задумывался. Что-то в душе перевернулось, когда слушал музыку. Странно все это...

Он пожал плечами, а сам нет-нет, но прислушивался к ночным звукам, а вдруг вернется курай и тогда...

— Это была не музыка, — перебивая друга, сказал Миннур. — Это курай о жизни рассказывал. Говорил про те времена, когда этот старик, которого ты видел, был еще безусым юношей. А еще курай говорил о трагедии, что произошла в этом краю...

И снова замолчал, задумавшись.

— А что за беда произошла? — не удержался, сказал Александр.— Ты никогда об этом не говорил.

— Я знаю, что ты собираешь легенды и сказания о старине глубокой, о необычных случаях и людских судьбах,— немного помолчав, сказал Миннур.— Если бы я рассказал об этом в городе, ты бы ничего не почувствовал. Тебя нужно было сюда привезти, чтобы ты увидел и услышал то, о чем хочу рассказать. Но главное, твоя душа почувствовала, как говорит курай, о чем он рассказывает. Но мне хотелось бы рассказать еще о старике, которого ты видел. И о его любви, которую он пронес через всю свою жизнь. И той боли, что носил в себе долгие годы. Эта боль уйдет с ним, но останется память о нем, которую будут беречь для потомков и передавать из поколения в поколение.

— Расскажи, Миннур,— чуть помедлив, сказал Александр.— И правда, я еще не слышал эту историю.

Он повернулся к другу.

— Ладно, расскажу,— задумавшись, сказал Миннур.— Расскажу, но меня не перебивай.

— Хорошо, не буду...— сказал Александр и опять насторожился, прислушиваясь к ночным звукам.— Почудилось...

Он замолчал.

— Так слушай...— Миннур помолчал, собираясь с мыслями, потом стал рассказывать.— Эта история произошла в далекие времена. В нашем ауле, откуда я родом, где жили все мои предки, когда-то жил богатый бай Минихан. Деда рассказывали, что были у него несметные табуны, несчитанные стада коров, а отары такие, что никому не удавалось сосчитать поголовье. Наверное, сам бай Минихан не знал, сколько у него домашнего скота в наличии. А характер у бая был крутой и безжалостный. Что хотел, то и делал в округе. И никакой управы на него не было. Хозяином здешних мест считал себя, потому что он владел не только табунами, стадами и отарами, но и степи, леса и горы — все было его собственностью.

Богатый был. В большом каменном доме жил, а люди ютились в лачугах. И охрану подобрал под стать себе. Как стая волков они рыскали по округе, готовые растерзать любого, кто слово против бая скажет или косо посмотрит на него. Вмигправлялись с такими!

Очень жестоким и коварным был Минихан, а вот дочка его, Алмабика, наоборот, выросла ласковой и доброй, а красавица такая, что в округе не сыщешь. Все удивлялись, что у жестокого бая и такая ласковая дочь. Едва отец со своей волчьей охраной за ворота, как Алмабика уже бежит в аул. С одним поговорит, другому улыбнется, тому исподтишка поможет деньгами, а этому продуктами, или еще чем-нибудь... Любому помогала, если была нужда. Никому не отказывала. Доходили слухи до бая, ругал непокорную дочь, грозился наказать ее, но бесполезно. Рассмеется в ответ. Зазвенит монисто, словно колокольчики. Хлопнет дверь. И убегает из дома. По тропке взбежит на вершину скалы, что над рекой склонилась, присядет на краю, смотрит на реку, на быструю воду и синее небо, на родной аул и бескрайние степи и начинает петь. Вроде для себя поет, а голос ее звонкий уже над округой разносится. Останавливались люди, поворачивались к скале, на краю которой она сидела, и слушали ее удивительное пение, которое никого не могло оставить равнодушным.

И Гильман слушал, байский табунщик, очарованный ее голосом и пением. А потом доставал курай, с которым никогда не расставался и начинал подыгрывать Алмабике, а еще рассказывать о том, что полюбил ее, но подойти не смеет к ней. И затихала природа в эти мгновения. Табуны стояли, не шелхнувшись, словно прислушивались к печальным рассказам курая о безответной любви.

Но однажды, когда Алмабика спускалась с крутой горы, она услышала волшеб-

ный голос курая. Сердцем почувствовала, о чем поет — рассказывает он. И не удержалась, кинулась на его зов в ковыльные серебристые степи, где и повстречалась с Гильманом — красивым и храбрым юношей. Взглянули они друг на друга, и вспыхнула любовь в молодых сердцах. Жарким огнем опалило души. Но счастье молодых продлилось недолго.

Байская охрана прознала, что единственная дочь Минихана влюбилась в бедняка — табунщика. Выследили молодых, когда они миловались в бескрайней степи. Помчались к Минихану. Все рассказали ему. Осерчал бай, разгневался. Хотел было с табунщиком расправиться, но другое дело задумал, чтобы сразу двух зайцев убить. А в ту пору сватался к Алмабике старый бай, что по соседству жил. И решил Минихан, что выдаст замуж единственную дочку за старика дряхлого, а потом с Гильманом расправится.

Велел жестокий бай запереть единственную дочь в доме и приказал готовиться к сватанью. Муллу позвали, чтобы никах совершить — брак скрепить молитвой. Старый бай примчался. Радовался, что в жены отдадут молодую девушку — красавицу, лучше которой в округе не найти. Гости понаехали. Сидят за пологом, расшумелись, распорились, не могли договориться, какой магар — выкуп за невесту платить. И не услышали, как Алмабика выбралась через окно и по тропке помчалась к высоким горам, что вершинами небо задевали, а у подножья находился табун лошадей и ее милый, любимый Гильман.

Но заметили в доме, что невеста сбежала. Понял Минихан, где нужно дочку искать. Вскочил на коня, позвал верных слуг и в погоню пустились, чтобы с Гильманом расправиться за позор, что его семье принес, оставил на всю округу.

Не успели убежать влюбленные. Услышали за спиной ржание лошадиное и грозные крики. Повернулся Гильман и увидел разгневанного бая, который держал в руках острую саблю. И встал на его пути юноша смелый, чтобы спасти свою любимую.

Заметила Алмабика, как сверкнула острая сабля, и повалился Гильман в серебристый ковыль, окрашивая его кровью. Закричала она, проклиная отца, что убил ее любимого. Бросилась бежать от него. Взобралась на вершину скалы. На мгновение остановилась. Сорвала с груди хакал — женское украшение, бросила наземь. Обвела прощальным взглядом бескрайние родные степи, взглянула в синее небо, и посмотрела вниз, где лежал окровавленный Гильман, ступила на край скалы и шагнула вниз в быструю реку. И вскрикнула раненой птицей. Заметалось эхо между высоких и безжизненных скал. Исчезла Алмабика в стремительной реке. Унесла ее вода в дали дальние...

Бросился Минихан со слугами к реке, чтобы спасти дочку, но опоздали. Лишь заметили над водой белую птицу, доселе невиданную, которая заметалась над рекой, издавая печальные крики, а потом исчезла...

На следующий день опять Минихан вернулся на это место, где Гильмана зарубил, но не нашел его. Лишь кровавый след тянулся на вершину скалы и там оборвался...

А вскоре заметили жители аула, что из расщелины появился молодой зеленый росток, протягивая к солнцу тонкие ветви. И с каждым годом росло деревце, крепло и превратилось в березу — красавицу, прильнувшую к холодному и безжизненному камню...

Замолчал Миннур, задумался...

И Александр молчал, не нарушая тишины. Он ждал, когда снова Миннур станет рассказывать.

Долго лежал Миннур. О чем-то думал, а потом снова заговорил.

— Годы прошли с той поры. Минихан продал свои несметные табуны и уехал, куда глаза глядят. А куда он делся — никто не знает, но с той поры о нем не слышали. Местные жители стали понемногу стали привыкать к спокойной жизни. А однажды, в один из осенних ненастных дней увидели, как по разбитой слякотной дороге

шагал человек в потрепанной одежде. Он добрался до полуразвалившейся лачуги Гильмана. Постоял возле нее. Открыл дверь и зашел.

Сначала жители подумали, что обычный прохожий решил остановиться в лачуге Гильмана, чтобы обогреться и обсушиться, а потом дальше пойти. Но прошел день, другой и третий, а он не уходил. И тогда жители аула решили взглянуть, что за новый сосед появился у них. Зашли и глазам не поверили. Перед ними стоял Гильман. Седой, большой шрам по всему лицу и потухший взгляд. Он стоял, смотрел на всех, но не разговаривал. Ни на один вопрос не ответил. Лишь смотрел, словно хотел спросить, а где же она — моя Алмабика, почему вы не спасли ее, но все отводили взгляд, не зная, что ответить. Ни единого слова не услышали жители от него. Навсегда замолчал Гильман.

Но в тот же вечер жители аула впервые услышали, как на берегу реки печально заговорил курай, рассказывая о той беде, что здесь произошла, и красавице Алмабике, которую Гильман до сих пор так и не смог забыть. И каждый день, в одно и то же время, нарядившись, Гильман уходил к реке. Присаживался возле скалы, что над рекою склонилась. Доставал курай и тот начинал рассказывать за Гильмана о прошедшей жизни, о красоте родного края, про бескрайние серебристые степи, о скалах отвесных и быстрой реке, а еще говорил про Алмабику, любовь к которой он пронес через всю свою долгую жизнь. И каждый день приходит к березе, что в расщелине растет, чтобы вновь встретиться с молодостью своей, давно ушедшей...

Эту историю мне хотелось рассказать, Салим. Историю о любви и курае, который умеет о ней рассказывать печально и горестно.

Сказал Миннур и замолчал.

Долго лежал Александр, думая об услышанной истории, и вспоминал курай, который умел разговаривать. Растеребил, растревожил душу рассказ и курай, какой умеет передавать чувства людские и показывать яркие образы и живые...

Над рекой за клубился густой предутренний туман, закручиваясь в фигуры фантастические. Светало, когда Александр заснул. И снились ему степи бескрайние, высокие горы и быстрые реки, а еще приснилась ему Алмабика — птица белая, парящая над быстрой водой, и береза — красавица, что прильнула к холодному и безжизненному камню, а еще услышал, как вновь заговорил курай о безответной любви, которую старик пронес через долгие годы...

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

ТВОРИЛО МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ БИОМАССЫ. КРУГ ПЕРВЫЙ

Да, русский человек не умеет лгать, но, кажется, в такой же мере он лишен способности говорить и правду. То среднее, к чему он питает величайшую любовь и нежность, не похожа ни на правду, ни на ложь. Это — вранье.

Леонид Андреев «Всероссийское вранье»

Быть так Чуриле сам господь повелел.

Былина о красном Чуриле Опленковиче

◆ Николай Андреевич, доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, шел после занятий домой. Теплая середина мая ласкала двоюко: комфортной погодой и уже скорым окончанием учебного года, «трудовой каторги», как порой с черным, но добродушным юмором говорил его друг, заслуженный профессор с биологического факультета Игорь Васильевич Скородумов. Пора, пора в двухмесячный летний отпуск! Сегодня у него по расписанию были две лекционные пары и коллоквиум по стартовой нестабильности углов тангажа и рысканья зенитных ракет. Устал и от — может нарочитой по причине майской юношеской одури? — бестолковости студентов и, скорее всего, по причине пенсионного возраста. Однако же майбаловень! А дома ждут свежесваренный супругой борщ и «фронтовые сто грамм» (ведь не зря всю сознательную трудовую жизнь работал в оборонпроме) перед ним. И пальмени домашней лепки: после замены социализма частнособственничеством магазинным «пельмешкам» не доверял. От предвкушения трапезы со стопкой на опустевший за трудодень желудок Николай Андреевич даже замурлыкал старинную разбойничью: «Там залесью, там залесью, там разбойнички шалят. Нет-нет, не пойду, лучше дома посижу».

Хотя и недавно он перешел в ранг преподавателя, до этого три десятка лет «прутрубив» конструктором на ракетно-пушечном предприятии «Меткость», но уже, раскладывая с дотошностью опытного инженера все по полочкам, начал понимать сущность характера и поведения нынешнего студенчества. То, что они все сплошняком врут по поводу и без повода, что есть искусство для искусства, особо его не заботило. Но ухо с ними всегда остро надо держать, даже опасаться порой. Вот сегодняшний пример: рассказывает он на коллоквиуме про начальную стартовую нестабильность ракеты, чуть призадумался, подыскивая нужную формулировку, а один из группы, нетерпеливый, невежливо перебил, заторопил преподавателя: «А что потом?» — «А потом суп с котом!» — непедагогично осерчал на невежу Николай Андреевич. Студенты хмыкнули, но староста группы Шелудякин, сын полицейского подполковника, сам по характеру службист, совершенно серьезным голосом и глядя прямо в

глаза шутнику доценту огорошил: «Про котов в супе, Николай Андреевич, сейчас как-то неполиткорректно упоминать. Средства массовой информации постоянно говорят о защите животных... а здесь — кот в суп?» — Шелудякин с сомнением покачал головой. Остальные явно про себя захихикали, отворачивая глаза от невольно сконфузившегося преподавателя пенсионного возраста.

Перейдя через проспект, хотя и на переходе, четко на загоревшийся зеленый, но опасаясь разошедшихся по весне мотоциклетчиков в полном боевом снаряжении, на дорогуших «байках» по-ихнему, Николай Андреевич прикидывал дальше: это уже пятый курс, через год* закончат. Кто-то пойдет по специальности в несколько оживившуюся военную промышленность. Но остальные? Здесь мысль его переключилась на Виталия, соседа по подъезду со второго этажа. Он хотя и их военно-технический факультет в прошлом году окончил, а что-то технологическое, вроде как по металлообработке, но пошел работать куда-то в торговлю. И язык у этих Виталиков, студентов ли, уже окончивших университет, работающих по специальности или в торговлишке... словом, у всех и язык птичий, все сплошь всякие онлайн-акции и флэшмобы. Мало похоже на нормальный русский язык. Да-а, как, правда по другому случаю, говорит Игорь Васильевич: напевный ямб и резонер-хорей нельзя в одну строфу запрячь. Иногда, особенно после второй неподдельного грузинского коньяка, Васильич и на белый стих склоняется...

И выражение глаз у этих Виталиков своеобычное, в смысле одинаковое, но отличное чем-то неуловимым. Чем? — Здесь Николай Андреевич по сложной, в обратную сторону развертываемой, ассоциации вспомнил недавний заход в букинистический магазин. Как страстный книголюб, он редкую неделю не заходил туда. Уже с четверть века, входя в магазин, обычно без посетителей, он старался не смотреть влево от входной двери, где почти в треть площади просторного помещения «Букниги» прямо на полу и впритык стоят высокие столбцы книг, перевязанные бечевками: собрания сочинений русской и зарубежной классики. А в этот раз боковым зрением все же отметил очень уж высокую стопку книг зеленоватого цвета. Тотчас узнал почти тридцатитомное собрание Чарльза Диккенса, которое он от первого до последнего тома перечитал в школьные годы, беря их домой по нумерации в библиотеке родного своего города в Заполярье — вотчины Северного флота. Сокрушенно покачал головой. Давно знакомая ему продавщица, очень образованная, тотчас отметила этот жест и взгляд на книги Диккенса постоянного посетителя: «Что поделаешь, Николай Андреевич, не читает теперь народ ничего, тем более Диккенса с его выраженной социальной сатирой». — «Да, да, Евгения Григорьевна, социальная сатира сейчас даже и с эстрады ушла вместе с ее последним могиканином Мишей Задорновым».

Развивая ассоциацию, подсознание повело мысль Николая Андреевича от скорбного видения книг Диккенса на полу «Букниги» к их содержанию и далее к великолепным рисункам в томах, принадлежащих знаменитому художнику-иллюстратору. Кому? — Может Фаворскому или Пастернаку — отцу поэта... нет, в отроческие годы кроме содержания книг всякие «тонкости» не замечаются, следовательно, не запоминаются. Итак, иллюстрации к Диккенсу. Почему они в цепи обратных ассоциаций всплыли в голове, остановив эту самую цепь? — Конечно же выражение глаз на этих рисунках у «детей подземелья», как их назвал другой классик. Все эти бездомные, воришки, голодные, отбросы английского общества эпохи жесточайшего «первоначального накопления». И как верно, правдиво переданы этим замечательным художником-иллюстратором вся цепкая настороженность этих взглядов, голод даже не желудка, а душевной безысходности, абсолютная недоверчивость ко всему окружающему, озлобленность. Словом, все чувствования неустроенного в

* По прежней, советской традиции на военно-технических специальностях гражданских вузов срок обучения составляет шесть лет. — Прим. авт.

жизни взрослого человека, перенесенные на детские глаза. Бр-р-р! Николай Андреянович даже зябко — в ранневечернем ласковом-то мае! — передернул плечами, живо вспомнив выражение глаз диккенсовских мальчишек. И что-то очень схожее с ними в глазах современных Виталиков... Не ошибся ли он? Ведь почти полвека прошло со времен отроческого чтения. И зря он грешит на современную молодежь? Увы, он прекрасно знал свою недурственную зрительную память...

◆ Но в дополнении к выражениям глаз детей и подростков на иллюстрациях к романам Диккенса, как тотчас поправился Николай Андреянович, во взглядах его студентов — студентки не в счет, у них инкубаторская косметическая бессмысленность — не то что добавляется, но даже преобладает этакая веселая наглость. Почему-то друг его профессор Скородумов, явно тоже по сложной цепи ассоциаций, именовал это качества «стрептококковой наглинкой». При этом все они имеют привычку при разговоре немигаючи смотреть прямо в глаза, что, как пояснил ему Игорь Васильевич со ссылкой на авторитетов дисциплины психологии поведения, означает вранье. Ну-у, для студюозуса хоть в мелочи не обмануть препода, соврав ему, значит напрасно прожить день. Не говоря уже о большем их числе. Но вот такое же сочетание «стрептококковой наглинки» в глазах с немигающим прямым взглядом патологического вруна характерно не только для студентов, но и вообще всех Виталек!

...Если бы его сосед со второго этажа Виталик (уже в единственном числе) знал, какие у него многозначительные глаза, сколько своего ценного времени, хотя бы и весьма скупо оплачиваемого должностными окладами содержания, потратили солидный доцент и целиковый профессор на их аналитическое изучение с привлечением собрания сочинений Диккенса и науки психологии в ее социальных и поведенческих разделах, он бы возгордился. И повежливее здоровался бы с доцентом Николаем Андреяновичем с четвертого этажа при случайных встречах в подъезде и в ближней к нему части двора. За их пределами, как сейчас принято, оба полагали излишним демонстрировать свое, хотя бы шапочно-соседское, знакомство. По разным причинам: доцент в целях воспитательных, младший должен приветствовать первым, а Виталику пофигу все эти соседи. Опять он таил хоть невеликую, но обиду на много о себе мнящего доцента. Дело было год назад, когда он окончил универ и с испытательным сроком и прохождением краткосрочных курсов поступил на работу в крупный автосалон по продаже «тойот» — от российского представительства этой японской фирмы.

На занятии курсов по теме психологии общения с покупателями преподаватель задал «на дом» задачку: «В сети магазинов «Пятерочка» по акции продаются сосиски с ценой 89,99 рублей за килограмм. В то же время уже несколько лет, как монеты номиналом в одну и пять копеек в обороте не участвуют. Как должен поступить продавец, чтобы выполнить требование дотошного покупателя и дать ему полную сдачу?»

...Перед ужином Николай Андреянович исполнял свою супружескую обязанность — выносил суточный мусор на помойку. Возвращаясь с опорожненным ведром, у подъездной двери он плечо-о-плечо встретился с Виталиком, тоже возвращавшимся домой с курсов, обдумывая каверзное домашнее задание. Поскольку он уже успел с новым знакомцем, с тех же курсов, с часок посидеть в спортбаре «Советский спорт» и подзаправиться пивком, то, слегка потеряв настороженную бдительность, поздоровался с доцентом, даже прореагировал на его словоохотливое «погоды-то какие стоят, а?» Слово за словом, вроде как в шутку рассказал об акционных сосисках и что должен сделать продавец? Николай же Андреянович рассмеялся: «Чего проще-то, предложить купить сосиски впрок, сразу десять кило. Получится 899 рублей 90 копеек, то есть сдача гривенник, они еще пока в ходу. А сосиски не испортятся, поскольку за такую цену их варганят из чистой сои с мясным ароматизатором». Эту оригинальную версию Виталик и сообщил преподавателю на следующем занятии, за что получил незачет. Оказывается, кассиру следовало скостить девять

копеек «за счет заведения», а потерявшему от такой благожелательности бдительность покупателю соевых сосисок предложить купить какую-нибудь мелочевку, что всегда имеется под рукой у кассирши. Отсюда и затаилась обида на соседа с четвертого этажа. Прислушав же курсы и сдав общий зачет, получил Виталик должность младшего менеджера торгового зала.

♦ Виталий из сугубой рабочей семьи, но родители хотели видеть сына образованным, то есть по-нынешнему «с дипломом». Понятно, что о платной учебе вопрос даже не ставился, а нерадующие своим числом егешные баллы не позволяли Виталию надеяться на бюджетное место более или менее престижных технических специальностей навроде компьютерных. С трудом прошел на совсем уж убогое станкостроение, где доживающие свой педагогический век советской еще формации профессора и доценты уныло бормотали свои лекции, понимая, что занимаются выливанием из пустого в порожнее. В загранку выпускникам такой специальности ходу нет; там свои, прославленные уже веками, инженерные школы по металлообработке. В нашем же отечестве станкостроение сведено к нулю, напрочь задавленное импортом, да станки не особо и затребованы, особенно по металлу. Для несколько же оживившегося оборонпрома они закупаются с Тайваня, специализированные в Германии и Швейцарии. Потому престарелые профессора, имена которых когда-то гремели, а сами они, создатели научных школ, по табельным дням украшали лацканы своих пиджаков лауреатскими знаками, орденами и медалями, и читали свои лекции с предельной скукой, вовсе не обновляя их содержание уже три десятка лет: зачем бисер метать попусту? Все одно неаккуратно слушающие — пролетом из одного уха в другое — их студиозусы строем пойдут в торговлю и около нее, через полгода даже забыв напрочь название проставленной в их дипломах специальности. Что Виталий — он уже избегал школьно-студенческого Виталика — в точности и исполнил.

Последнее, на что потратились родители — оплатили курсы и справили дресс-кодовый костюм. С ботинками, рубашкой и галстуком. Платные же курсы менеджеров, на которые принимали только с дипломами... впрочем, любимы, в городе организованы были вскладчину несколькими автосалонами. Конкуренция конкуренцией, но кадры-то надо себе готовить с минимальными затратами. И собственно автосалон, куда пришел трудиться Виталий, хотя и полагался при открытии специализированным по «тойотам», но теперь уже ничем не брезговал и по маркам и по состоянию машин: те же «тойоты», другие японские, китайские, европейские, как оригиналы, так и в большинстве отечественной отверточной сборки. Опять же новые, с конвейера, соседствовали с подержанными: купленными салоном задешево или взятыми на комиссию. Возможно имелись и криминальные «хвосты», но еще на курсах недекларативно, обиняком, но вполне конкретно им объяснили: обо всем, их не касающемся, не задумываться; цель и задачи работы менеджера — продать автомобиль, благо и оплата аккордная, от проданного напрямую зависящая.

Костюм родители справили Виталию вполне приличный, под деловой стиль — удачно на распродаже купили. Дома имелась доставшаяся от бабки настольная подольская швейная машинка, поэтому мать подправила «по фигуре» обшлага пиджака и низки брюк. Еще на собеседовании кадровичка порекомендовала («менеджер должен при разговоре с покупателем как можно чаще улыбаться») Виталию привести в порядок зубы, с которыми ему несколько не везло. Пришлось погрустневшим родителям и здесь в расходы войти: пару месяцев Виталий после занятий на курсах ходил в стоматологическую лечебницу: вроде как областную государственную, но умеренно платную. «Ишь времена пошли! — хмурился отец, — на работу принимают, как цыган лошадь покупает, в зубы смотрят первым делом».

Та же кадровичка по части растительности на голове и некоторым другим моментам проинструктировала: «Хотя уже третий год в молодежной и среднестаршей моде прическа с выстриженными висками и ношение бородок на кадыках, но выбри-

тых на щеках*, но у нас принят деловой стиль: прическа — классический косой пробор, а бороды и усы исключаются. Также не рекомендуются значки на лацканах, исключая георгиевские ленточки в майские праздники. Спину держать прямо, руками при разговоре с покупателем не жестикулировать, мобильником в рабочее время пользоваться запрещено. Если что срочное — звонить вне торгового зала и не более полуминуты. Иначе штраф».

«Как козел на привязи», — все бурчал отец, поэтому Виталий скоро перестал дома касаться всяческих деталей, связанных с работой.

♦ В ранние детские годы Виталий (тогда еще и не Виталик, а Витюша) немного заикался, даже два года водили его в логопедический садик — с величайшим трудом мать добилась, обивая пороги райобразовского и райздравовского учреждений. Два десятка лет назад по части детства еще сохранялись отголоски советизма, поэтому и удалось. В школу он пошел уже без заикания. Нет худа без добра, так и у Виталия перенесенное и выправленное заикание придало его голосу, особенно после отроческой ломки, этакую протяженную бархатистость, а в речевых перепадах и законченных фразах, опять же как следствие занятий с логопедом-психологом (еще советского образования), закрепилась выравненность с четким выделением логических ударений. Пенсионные доценты в годы студенчества Виталия говорили про него одобряя, дескать, если к такому своеобразному голосу да было бы у него в голове не пусто, какой бы доцент, нет, даже профессор из него вышел! Всю аудиторию держал бы в руках, как своих кумиров «тяжелых металлистов» слушали! Хотя и сказал Лейбниц, что природа не терпит пустоты, но и совершенной, сочетанной полноты не допускает...

Собственно за голос его и взяли в автосалон, куда он ткнулся наудачу, безо всяких рекомендаций и поддержки, мало надеясь на успех. Но за тридцать лет частнособственности худо-бедно переняли от западников-восточников навыки торговли в обществе потребления и подбора кадров. А на курсах ему сказали, что голос у него уже природою (про заикание он разумно промолчал) поставлен, поэтому сразу определили на занятия по развитию и обретению навыков деловой речи, «занятие по болтологии», как их обучающиеся именовали в своем кругу. Преподаватель с тихой гордостью, даже изобразив легкое смущение, сообщил, что обучаться этим навыкам они первыми станут по лично им разработанной методике. И вот во все время курсов Виталий дома, после ужина и короткого отдыха на своем диване, по полтора-два часа, открыв обучающий сайт преподавателя-новатора, без перерыва, только позволяя порой глоток-другой остывшего чая, своим бархатисто поставленным природой и логопедом голосом, негромко, но явно не сбиваясь на торопушки, читал с экрана раз от раза слегка варьируемый текст, содержание которого заключалось во всестороннем убеждении потенциального покупателя приобрести автомобиль такой-то марки и в таком-то состоянии. Преподаватель дал четкое указание: проводить читку перед сном. По молодости сны Виталию виделись редко, но теперь, просыпаясь по звонку будильника (на смартфоне), он мигом вспоминал, как обычно вспоминают увиденное во сне, компьютерный текст, причем полтора-два часа укладывались в мимолетное мгновение. Уже через неделю упражнений Виталий мог, не задумываясь, как женщина, у которой — такое создается впечатление — язык вроде как отдельно от мозга работает, в любой момент, даже разбудил его среди ночи, воспроизвести в голосе все варианты компьютерного текста.

Приняв недельный зачет, преподаватель указывал на другой файл с иной текстовкой, но все вертящейся вокруг продажи автомобилей. И так все время курсов. А отец все хмыкал, особенно приняв стопку-другую за ужином, слыша даже из-за плотно прикрытой Виталием двери в свою комнату один и тот же текст: «Слышь, Николаевна, вот

* То есть по нынешней европейской моде: прическа под хохлацкий оселедец, а борода на кадыке под игиловских бойцов. Те и другие в Европе полагаются «революционным элементом». Это как в 60—70-е годы бунтующая молодежь Запада носила растительность и береты под Че Гевару. — Прим. авт.

у нас в квартире и попка-попугай свой завелся!» «Что ж поделаешь,— отвечала мать,— такая работа. Ты ведь тоже у себя на фабрике с утра до вечера одну и ту же тару затапливаешь. А вот Виталий университет, не хуже других, закончил, работу чистую нашел, может и в люди выйдет. Выпей-ка еще стопку и не критиканствуй».

...Уже полгода работает Виталий младшим менеджером. Нареканий от начальства не имеет, а если замечание кто сделает, то извинится и обязательно поблагодарит за науку. Курсы, конечно, многое дали, но опыт самостоятельной работы все отшлифовывает. Поначалу не давалось ему сходу классифицировать покупателя. Не все они далеко укладывались в заученную схему. По теории выходило, что мужчин в роли покупателей укрупненно можно отнести к одному из трех типов: деловые люди, новички, приобретающие первый свой автомобиль, и откровенные лохи. Соответственно для каждого типа полагалось «включать» затверженную до автоматизма стандартную убеждающую речь из числа составленных преподавателем-новатором. Но уже через месяц работы Виталий в рамках каждого базового типа стал выделять определенные вариативные разновидности (всей этой терминологии тоже на курсах обучили). Например, к какому типу отнести хотя и редких в их провинции, но все же имеющихся юных мажоров, парней и девиц, которым только-только стукнуло по восемнадцать? А прохиндеев, явно занимающихся перепродажей б/у машин? Даже обнаружил, что есть категория шпионов от конкурентных автосалонов: ходят как на свою работу, прицениваются, прислушиваются, зоркими глазами во все стороны постреливают. Пару раз на таких указал старшему в смене охранников. Получил устную похвалу от старшего менеджера, а в ближайший расчет и небольшую, поощрительную премию.

Проще, конечно, с женщинами. Бабье все однотипно, все жадные лохушки по натуре, зато хорошо «клюют на конфетку». Много чего им можно было бы сбегать, но они поодиночке не приходят, обычно с мужиками: мужьями или папиками. Жаль.

♦ Родителям под полтинник, застали совковое воспитание, но в сознательную, трудовую жизнь уже в девяностые годы вступили. Поэтому, как понимал Виталий, все у них серединка на половинку: что-то в голове от старья, но современной жизни вполне соответствуют. Потом работяги... Отец на бывшей... впрочем и нынешней, только под хозяином, мебельной фабрике тару подгоняет и собирает. Мать в свое время шестимесячные бухгалтерские курсы закончила, но уже с десяток лет в хлебопекарне работает, печет французские булки для сети кварталных магазинов «Печь КА». Но вот этот-то советский зачин в родителях отчасти и навредил Виталию в начале его трудовой деятельности. Речь идет о пережитке пресловутой честности. Привыкши с малолетства слышать от матери — отец уклончиво помалкивал,— что врать нехорошо, он в школе, даже в универе порой, попадал впросак со своей честностью. Впрочем, уже на первом курсе сообразил, что соврать преподавателю — это просто следовать многовековой традиции, как игра навроде казаков-разбойников. Но уже на курсах ему стало ясно, что вранье, или «целесобразная интерпретация фактов в зависимости от конъюнктуры», как политкорректно определял это качество преподаватель, есть норма современной жизни, а в бизнесе и вовсе преобладающая. Тот же молодежавый и щеголеватый Эдуард Маркович развивал этот важный в деловой психологии вопрос: «Со стороны прежней тоталитарной морали, якобы базировавшейся на христианских нормах, кажется, что такая интерпретация есть собственно вранье без удержу. Но время расширенно понимаемой христианской морали, нравственности давно прошло; еще в период буржуазных революций в Европе и особенно после Гражданской войны в Северо-Американских Соединенных Штатах * она трансформировалась в практический утилитаризм, в котором архаичное противостояние и взаимоисключение категорий добра и зла заменено императивом пользы, которую, так сказать, сверху ограничивает «добро», а снизу зачастую стимулирует «зло». Так что, уважае-

* Сокращенно САСШ — так до конца первой трети XX века официально назывались США.— Прим. авт.

мые молодые бизнесмены, пресловутое вранье без удержу — это архаизм, атавизм, артефакт давно — у нас, к сожалению, недавно — прошедших времен. Сейчас, когда в поведении людей почти ничего нет личного, только бизнес, нет и так называемого вранья. Только целесообразная интерпретация, господа! Так сказать, управляющий ныне уже всем миром Его Величество *Bussines* (преподаватель произнес это слово с английским прононсом) отменяет старую мораль и разрешает вам интерпретировать все факты, исходя из максимума процента прибыли и, так сказать, индекса Доу Джонса!»

...Тянулись в вязкости бездумья месяцы, потом и годы пошли. Уже Виталий значился в списке кандидатов на должность старшего менеджера. Вроде и личная жизнь начала складываться: спортбар «Советский спорт», девки «по взаимному соглашению» после корпоративов — все это подтягивалось к устойчивому положению. Как только займет вожденную должность, тотчас квартиру, пока скромную, в ипотеку, а корпоративных девок уже сейчас заменила бывшая однокашница Аллочка, тоже менеджер торгового зала в мебельном супермаркете. И никакой тупости разочарования. В чем это ему разочаровываться? Как мать иногда бабкину присказку к случаю приводит: «Так сам бог велел чурилой быть». Виталий мимо ушей все эти старорежимности пропускает. Чурила так чурила, хоть горшком назови, только зарплату на карточку исправно переводит. Можно и серым налом — пенсионные года все одно имеют тенденцию к возрастанию...

Мать и отец даже в мелочах перестали укорять Виталия. Сами умнеют год от года по стремительной нынешней жизни. И только в зимнее полнолуние, проснувшись по звонку таймера смартфона и увидев в непроглядной черноте окна холодно и яростно серебристую луну, непонятно почему чувствовал Виталий что-то похожее на старорежимные укоры совести, тоску по чему-то несбывшемуся. Но здесь же отгонял от себя прочь. «А чем я хуже удачливого коммерса, чиновника средней руки, золотопогонника различных ведомств и так далее? Ведь все мы сейчас и во всем подлунном мире шавки и шестерки глобализма, как по телятнику говорит иной нарочито привлекаемый на экран, вроде как пары выпустить, престарелый болтун-профессор, играющий (а на телевидении все актеры) в оппозиционера. Хм-м, и кому он оппозиционирует? Такому же актеру «по другу сторону барьера», с которым в одной ведомости на оплату в бухгалтерии студии расписывается, а потом дружески проводят вечерок в ресторанчике среднего разряда. Нет, брат Виталик, срочно бери ипотеку и Аллочку под бок, чтобы зимним полнолунным утром не задумывался о всяких благоглупостях. Пора!»

«Ты любишь конфеты и секс до утра...» — песенный рефрен современного общества потребления, построить которое — цель жизни наших реформаторов. Но всякой цели сопутствуют реализующие ее задачи. Одной из этих задач является превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американско-европейского образца (там не все уроды, есть еще национальные и сексуальные меньшинства). Удел такого скороспелого урода — служить приказчиком в оптовке более удачливого сверстника или заворачивать гамбургеры в палатке на блошином рынке. Не его это вина — за убогость мышления, скуку пребывания в земной юдоли, апатию в жизни.

У нас страна православная, католического чистилища, где можно откупиться деньгами, нет, поэтому народ, глухо ворча, все же еще сопротивляется, но больше в душе, молоху глобализма.

ТОШНОТА, ИЛИ БЕЗГРАДУСНОЕ ПИВО С ЛИМОННЫМ СОКОМ

Безбытовой и беспочвенный по началу жизни писатель узнается по нежизненности его творчества. У него нет «родных родников». Незнание страны и живущих по необъятным ее просторам людей не проходит даром.

А. Н. Лесков «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям»

Ах, две души живут в больной груди моей, друг другу чуждые — и жаждут разделенья.

И. В. Гёте «Фауст»

♦ Гриша Неуспокоев уже четыре года работал («служил», — как он сам резонно поправлял в разговорах), окончив исторический факультет местного педуниверситета, в областном архиве. Опять же, по воспитанной в нем дедом Алексеем Никифоровичем, отставным полковником «из органов», четкости формулировок и определений, пояснял своим бывшим одноклассникам и однокашникам, что не видел с момента окончания школы и университета, соответственно, что *служит* он кем-то вроде научного сотрудника, «заведует» первой половиной девятнадцатого века. А почувствовав интерес к одной слабоизученной теме (какой — опять же по воспитанной в нем дедом-чекистом осторожности умалчивал) в истории их города и губернии того полувека, «для души» неспешно «пописывает диссертацию». «Только в наше торгово-чиновное время почитать такие вещи некому», — с невольной горечью в голосе добавлял он. Но чтобы давние знакомцы, особенно из числа слегка преуспевших в современной жизни, не изображали на своих лицах снисходительную жалость к такому чудачеству, Гриша возвращался к чуть ранее сделанной им поправке насчет не работы, а службы: «Если бы ты, брат Петр, ныне владелец если не газет и пароходов, но квартального продуктового магазинчика, в отроческо-юношеские годы хотя бы пару-тройку книг русской классики прочел, то знал, что в дореволюционной России все высшие учебные заведения и наиболее значимые театры являлись государственными, императорскими по тогдашней мове. Потому все профессора и актеры таких учреждений полагались госслужащими. Профессора и вовсе имели чин действительного статского советника, то есть статского генерал-майора. И все остальные преподаватели, в отличие от нынешних преподавателей, также имели чины согласно таблицы о рангах и лекции читали в вицмундирах. А чиновник, то есть служащий, никак не работает, но — служит! Так и было в обиходе: профессор *N.* служит в Московском университете, а актриса *M.* служит в Александринке... Это сохранилось и в советские времена — где-то до конца пятидесятих годов. Тем более, что Иосиф Виссарионович в войну большинство профессоров, особенно медиков и оружейников, одел в кители с генеральскими погонами — восстановил прежнее *status quo!*»

...Если бывшие однокашники встречались неподалеку от какой-нибудь ностальгической рюмочной или кафешки, той же «Наливайки» в политеховском студгородке, и заходили туда, то Гриша делал паузу на «выпить — закусить», а затем продолжал пояснение: «Но вот в шестидесятые годы, как говорит мой дед, много, почти все знающий по жизни, появилось некоторое пренебрежение к слову «служба». Даже офицеры в своих беседах, спросив «а где сейчас служишь?» тут же извинялись за оговорку ... «то есть где работаешь? Это ведь только собачки служат!» Дед же Алексей Никифорович объяснял такую «недотыкомку» либерализмом «хрущевской оттепели». И профессора с артистами застыдились, чтобы от веяний не отставать, славно-

го слова «служба». И заметь, среднеласный мой друг Петро, опять же со слов деда: если в советское время печатно и изустно слово «труд» преобладало над «работой», то сейчас, сам наверно отметил, все только *работают!* И это вышло произвольно, но по сути верно: работают рабы, а трудятся люди с элементами творческого отношения к своим занятиям, даже если человек за станком стоит. Сейчас, получается, все рабы, а творчества в обществе потребления по определению не должно быть. Я вот твердо решил: только трудиться! А раз отношусь к категории служащих, то значит и служу, а не работаю...»

Закончив слегка утомившее конкретно-делового среднеласника Петра подробное пояснение, совершенно ему неинтересное, Гриша предлагал выпить по второй в память веселых студенческих лет и проказ. Затем переходил к теме нейтральной, то есть кто с кем и как давно из их однокашников. И даже если случайная встреча давешних студенческих «шалунов» переходила в том же ностальгическом заведении «Наливай-ка!» в достаточно солидный градус откровенности, даже с редкостными и опасливыми в наше время административного апофеоза анекдотами про «руководителей партии и правительства», все одно Гриша не возвращался к теме пописываемой им диссертации. И собственно бдительность — по деду Алексею Никифоровичу — здесь особо ни причем. Просто владельцу крохотного магазинчика, где по малой его площади даже не разрешалось водюру и сигареты продавать, все это глубоко неинтересно. Потом, работая над диссером не по какой нужде и обязанности, а сугубо по своей охоте, Гриша полагал это сугубо личным делом... как любящая своего малыша мать, способная по бабскому своему естеству по пять часов без пауз болтать с товаркой о чем угодно, тем не менее ни полслова не скажет о своем чаде в той части, где полагает возможность чужого сглаза.

А заинтересовавшая архивариуса Гришу тема относилась к специфике истории литературной жизни их промышленного города в первой половине позапрошлого века, особенно периода окончания царствования «властителя слабого и лукавого, плешивого щеголя, врага труда», говоря словами Пушкина из наметок к продолжению «Евгения Онегина», и далее, через декабристский бунт, до окончания первых десяти-пятнадцати лет самодержавия Николая Первого. Не только в практической жизни, но и в исторических параллелях архиграмотный дед Алексей Никифорович, единственный, с кем Гриша делился своими диссертационными докуками, как-то связывал по части Николая Павловича: «Хм-м, история, Гриша, как тебе хорошо известно, идет по кругу. Обычно — порочному. Если в царской России интеллигенция, особенно разночинская, его иначе как Николаем Палкиным за глаза не именовала, а в советское время тож и печатно, то несколько лет назад в последнем, еще не закрывшемся тогда, книжном магазине города, увидел книгу, кстати, известного еще с прежних времен, писателя, чуть ли не в горьковской серии *ЖЗЛ* изданную, о Николае Первом — с названием «Рыцарь самодержавия»! Ни много, ни мало. Если так дело дальше пойдет, глядишь, как и его правнука с тем же именем, в святые переквалифицируют... А потом в обратную сторону пойдет, вот круг и замкнется. Так-то, Григорий Батькович!»

...В чем же состояла эта специфика глухой провинциальной литературной жизни столь причудливо отграниченного исторического времени — этого Гриша пока еще не сумел четко сформулировать (еще одна причина «неразглашения»), но чутье и все более нарастающий объем изучаемых им архивных материалов — вроде по служебному делу, но и с пользой для себя — подсказывали: он напал на *тему!* Даже загадал про себя, вроде как шутейно, но с намерением точно это исполнить: как только тема будет сформулирована в четкой логике, так сразу женится на своей подруге с редкостным сейчас именем Тамара. Благо, как человек воспитанно порядочный, понимал: с этим затягивать не следует; уже два года они в отношениях, все испытательные сроки благополучно пройдены, взаимные чувства искренны. И хотя Томик моложе

его на тройку лет, но и без намеков, которые она, впрочем, не позволяет себе, понятно: замуж приличествует выходить до двадцати пяти, которые не замедлят явиться.

◆ А почему историку по образованию и роду деятельности так импонирует литература? Хотя бы в том же историческом плане. Потому, что Григорий Неуспокоев безо всякого излишнего самомнения, но и не страдая притворно-ложной скромностью, полагал своим жизненным кредо писательский труд. Причем профессиональный — не в смысле, конечно, оплаты за него, что осталось далеко в прошедших временах, но в литературном качестве и добротности выходящего из-под его пера... в смысле набора на ноутбуке. Нет, не самомнение, но убежденность. Редкое ныне качество, конечно, если речь не идет о частнособственности, безудержном накопительстве или чиновной карьере... что, впрочем, то же самое, как средство достижения алчной цели. И убежденность эта, как собственно качество, суть генофенотипическое наследство от деда и его пращуров, ибо в чекисты старого закала люди без такой наследственности не выходили. Понятно дело, размышлял Гриша, речь здесь идет не о пресловутой «идейно-партийной убежденности» или всяких хрестоматийных горячих сердцах, чистых руках и холодных головах, но об убежденности, как доминирующей черте характера, которую можно определить следующей: не иезуитское оправдание средств целью, но целеполагание доступными средствами. ...По своей молодости, еще не выбравшей разгона первых трех десятков лет, Гриша не приучился к логически выверенным формулировкам — преобладало чувство, которое редко обманывает.

Но ведь не только убежденность, как черта характера, есть выкристаллизованное наследство предков? А склонность к изящной словесности, выражаясь стародавним языком из читанных им во множестве томов русской классики, тем более должна иметь генетическую наследственность... пусть не так довлеющую, достаточно даже чего-то навроде генетического «намёка»... Как всегда в таких «тонких материях», намек отыскал дед Алексей Никифорович: «Ты, Григорий Батькович, раз в архивариусах подвизаешься, так отыщи в разделах нашего губернского земства с конца девятнадцатого века и до революции такого Неуспокоева Ефрема Аристарховича. Это мой дед, стало быть, и твой прапрадед. Я в сознательном возрасте его не застал; революции и Гражданская войны с последующим бардаком, навроде наших «лихих девяностых», долголетию не способствуют. Но от отца своего Никифора Ефремовича знаю, что тот в земстве по части статистики служил. Из дьячковых детей, в семинарии учился, но бросил и окончил Землеустроительный институт. Поздний разночинец, словом. Как человек образованный и не без мыслей в голове, в свободное от службы время писал заметки и очерки по земским делам, что печатал, вообще-то, как отец говорил, в серьезных питерских и московских журналах и газетах. Ты посмотри, поищи в своем архиве, наверняка найдешь эти издания, считаешь!»

Гриша, заинтересовавшись, провел розыск: нашел и статистические отчеты губернского земства, подписанные прапрадедом, и занятные публикации Ефрема Аристарховича в столичных «Русской мысли», «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях», «Северном вестнике», «Новом времени», даже в солиднейших «Историческом вестнике», «Отечественных записках» и «Вестнике Европы». Нд-а-а, не так то прост был скромный губернский земский статистик из «поздних разночинцев». Вот и генетический хвостик нарисовался! Коль скоро всякая неординарность характера передается через поколение, то таковой же должен обладать и дед Алексей Никифорович? На прямой вопрос внука тот ответил по-чекистски двусмысленно в том роде, что первую половину своей служебной деятельности был он в «оперативной специфике», где свободного времени для вольнолюбивого сочинительства не предусмотрено. Но когда с чинами и возрастом пришла остепененность кабинетной кадровой службы, то почувствовал «этакую эпистолярную склонность к сочинению чисто деловых бумаг, ха-ха, как-то раз наш генерал, что командовал тогда «Кленовым пе-

реулком», прочитав мой аналитический отчет по... ну это не важно, с искренним одобрением сказал, что ты, Алексей Никифорович, усердной службой поприжал в себе явные способности сочинителя». Вот теперь в голове Гриши все стало на свои места: природа в их роду по мужской линии соблюла-таки чрезпоколенное правило интереса к словесному самовыражению. А раз так, то сам бог, или Дарвин с Ламарком, велели ему, Грише Неуспокоеву, продолжить наследственную традицию. Миновав вроде как обязательный раннеюношеский стихотворный угар, в смысле не поддавшись ему вовсе, даже в мыслях, уже в последних двух старших классах он начал обращать на себя внимание учителей по гуманитарным предметам. Осторожно, но намекали на некоторую его будущность. Правда, та же литераторша Евгения Наумовна, первая в нем что-то приметившая еще несколько пораньше по его урочным и домашним сочинениям, пару раз ненавязчиво, как очень опытная учительница, растолковывала ему, что сейчас если уж не совсем последние, то граничные к ним времена умаления и вообще «обнуления» роли художественной литературы в жизни человечества пришли. Тогда еще слово «глобализация» не было на слуху, поэтому Евгения Наумовна изъяснялась в несколько иной терминологии, но, как сейчас осознавал Гриша, в совершенно верном, провидческом ключе.

♦ «Литература в ее веках и даже тысячелетиями выработанном понятии,— неторопливо и выверено в словах говорила ему почти десять лет назад Евгения Наумовна,— возникла, развивалась и стала одним из важнейших общественных явлений именно как художественное отображение познаваемого мира. Ты понимаешь, Гриша, о чем я говорю? Хорошо, продолжу по сути. Помнишь, как я вам на уроках объясняла: при всей образности литературных произведений в них все строится на четкой логике, так сказать, теза и антитеза, то есть противопоставление. Значит, в классовом обществе это противостояние классов. Отсюда и метод критического реализма в великой русской литературе девятнадцатого и начала двадцатого веков. В советской стране классов не было, поэтому в методе социалистического реализма противопоставлялись новое сознание и еще сохранившийся атавизм частнособственничества. ...За эти слова, скажу тебе, Гриша, как молодому умному человеку, не раз в учительской в мою сторону кривились, мол, совково все еще мыслите, уважаемая Евгения Наумовна! Так бы спровадили на пенсию, но... национальность спасла. Поопасались пожилому, хотя и советскую по духу, еврейку трогать. Вот так-то, Гриша, порой бывает. Ладно — к литературе вернемся. Да и осталось немного сказать. Сейчас мир становится единым, в основном, олигархически единым. Как говорят в американских фильмах, впрочем, в наших телесериалах тоже, «ничего личного, только бизнес». Главное, что в такой всемирной олигархии со временем, а оно уже на дворе стоит! понятие государственной обособленности исчезнет. Также во всепланетной олигархократии не будет и классов. Понятно, не по советскому образу и подобию, скорее наоборот. Сформируется потребительская пирамида, а это не то что не классы, но непрерывная, размытая взаимосвязь между уровнями такой пирамиды. А раз так, то размываются и понятия тезы и антитезы, что означает ликвидацию базы литературы и, главное, ее невостребованность. Но ты не скорби заранее, еще застанешь некоторое подобие литературного процесса, увы, завершающего. Хочешь — запомни мои слова, а нет, так и выброси из головы... все равно, сам со временем к такому же мнению придешь».

С цепкой юношеской памятью Гриша не то что запомнил дословно, но в последующие десять без малого лет убеждался в их по времени развертывающейся, все ускоряющейся, справедливости.

Итак, проскочив мимо юношеских стихов с их «розами-морозами», сочинять Гриша начал, пока сугубо тайно, «для себя», с последнего школьного года. В университете учась, вечерние часы, когда проводил их дома, делил между интернетом и «отщелкиванием» сначала коротких зарисовок, потом рассказыки пошли, а к оконча-

нию уже и пара коротких повестей в заглавнике имелась. Где-то с полгода ходил на семинары литобъединения — одного из нескольких в городе, — но скоро понял: надо литературным самообразованием заниматься... всю жизнь. А эти семинары? — привкус жеванной ваты во рту, как чтение многополосных статей в сохранившихся оппозиционных газетах: многословно, с благими намерениями, наставительно-воспитательно, но... как будто пишется для мамонтов, не то что обреченных, но уже вовсе вымерших. По здравому размышлению отверг он и возможную учебу в Литературном институте: и знающие люди посоветовали, опять же в интернете иногда разумные мысли проскакивают. Главное он понял: если в советское время Литинститут даже организационно подчинялся Союзу писателей, то теперь это был вуз министерства образования. «Овчинка выделки не стоит, — кратко сказал ему руководитель литобъединения, — лучше самообразуйся. И главное, Гриша, не переставай читать русскую классику. Не только книжки издавай, сейчас это раз плюнуть, но старайся как можно чаще видеть свою фамилию в литературных журналах, благо их сейчас пруд пруди».

Что Гриша и старался делать. На издание книжек принятым сиротским тиражом в сто экземпляров подбивал дед Алексей Никифорович. И «подбивку» сопровождал деньгами для издания, благо полковничья пенсия позволяла.

Руководитель литобъединения, известный не только в городе и области писатель еще советской формации, изрядный скептик в прежней, тем более в нынешней, жизни, не огорчился отходом Гриши от его семинаром. «Да, Григорий, тебе судьбой указан путь самостоятельный. И... тропи этот путь, а я чем могу, в смысле советом, всегда готов помочь. Дай бог тебе пути верного. Как говорится, продолжим наше безнадежное дело!» Еще он посоветовал обзавестись членским билетом писательского союза: «Конечно, это сейчас совершенно мертвые, формальные союзы, но и принимают всех за умеренный якобы вступительный взнос. Других доходов у них нет. Впрочем, всего остального также нет. Их, союзов, сейчас два: основной и «апрелевский», как на момент образования его называли. Вступай в основной. Впрочем, по стране, ее городам и весям имеется еще с десяток всяких околописательских союзов, но ты их в голову не бери...» — «А почему «апрелевский»? — «Потому, Гриша, что образовался в апреле месяце где-то в самом начале бардака девяностых. Женя Евтушенко, весьма лавролюбивый, но сдерживаемый в писательских должностях в советское время, даже литинститутского диплома задарма не дали! решил быка за рога взять и сепаратно образовал свой союз. А чтобы сразу наполнить его нетленными талантами, то принимать начали едва ли не на улицах, то есть не по публикациям даже, а... по рукописям! Жене тотчас последовали раскольники и в областных организациях — тоже лавролюбивые наполеончики. Тошнотворно все это, Гриша, и смешно. Сам же Евтушенко вскоре от своей затеи отошел как от явно безденежной и отправился в Штаты ковать доллары преподаванием русской литературы в одном из провинциальных университетов».

♦ Гриша отчасти потому перестал ходить на семинары литобъединения, что его заметил после первой же публикации в литературном журнале «Срединная Россия» его главный редактор Андрей Матвеевич Бурцев. Журнал этот, из категории «толстых», хотя и издавался в их городе, но за полтора десятка лет с его основания неукуротимой энергией и отменным художественным чутьем Андрея Матвеевича сумел уверенно поставить себя на «всероссийскую полку». Даже умудрился главред получить официальный статус издания под эгидой Союза писателей — который основной. И что особое изумление у всех вызывало — на издание ежеквартального журнал в триста страниц не имел Бурцев ни единой копейки финансирования: ни от областных властей по линии культуртрегерства, ни от мифических меценатов-частников. Разумеется и полностью обнищавший еще в начале девяностых Союзпис вместо денег мог дать только благожелательное отношение. Когда Андрея Матвеевича не-

скромно спрашивали насчет «а как ты выкручиваешься с журналом-то», он только ухмылялся и дурашливо, под старорежимных лавочников и приказчиков, напевал: «Не счесть алмазов пламенных в лабазах каменных, не счесть жемчужин у купцовой дочки». Когда же намекали на таинственного спонсора, то обрывал любознательного гневной филиппикой о скупердяйстве торгово-спекулятивного сословия.

Андрей Матвеевич отменным своим литературным чутьем оценил не только своеобразную, хотя еще и не оформившуюся в *стиль*, манеру повествования Гриши, его молодость, физическую и творческую, серьезную архивную службу, но и прихваченную начинающим автором на первую встречу бутылочку архинастоящего, советских еще лет рбзлива, восхитительно-душистого марочного азербайджанского коньяка «Бакы». «Это откель такой раритет?» — вскричал в полном восторге Андрей Матвеевич, откушав первую стопку «за знакомство». Гриша охотно, деловито пояснил, что у его деда Алексея Никифоровича есть школьный дружба, который в девяностые годы стал авторитетом и смотрящим за братвой в недалеком от облцентра промышленном городке. Зная пристрастие пахана к кавказским (впрочем и иным...) коньякам, на юбилей братва преподнесла ему где-то «прихваченный»... вагон-товарняк с сотней ящиков, а может и с двумя сотнями, марочного коньяка. Сейчас дружба, давно и вовремя отошедший от хлопотных дел, живет на покое в загородной своей вилле, для развлечения завел для физкультурного развития внуков небольшую скаковую конюшню. Приезжая же к Алексею Никифоровичу, знакомством с которым, целиковым полковником из Кленового переуллка, он гордился, поздравить с днем рождения, он непременно захватывал пяток раритетного «Бакы» из своего винного погреба...

Андрей Матвеевич, услышав про историю винного погребка, и вовсе в совершенный восторг пришел: «Вот они — настоящие русские характеры, которых сейчас даже близко не сыщешь! Полковник в голубом мундире и братковский авторитет — вроде на социальной лестнице не то что на разных ступенях, но на различных сторонах этой лестницы стоят: один поднимается в нормальном вертикальном положении вверх, а другой, головой вниз, ногами цепляясь за обороты ступеней, спускается вниз, в моральную пропасть. Но — школьная дружба, дворовое детство с пением «кирпичиков», курением «примы» и «махорочных» за восемь копеек пачка, драками за девчонок с парнями соседнего двора, бутылочкой «солнцедара» на троих — все сохранилось в душах и головах. И как бы не двигались в абсолютно противоположные стороны их социальные устремления и образы жизни, но вот встречаются раз-другой в год два пенсионера, один от «голубого ведомства», а другой от воровских понятий, и ничего иного друг к другу не испытывают, кроме как ностальгического тепла давних-предавних лет детства и взросления! Вот оно истинно советское, бесклассовое, с полнейшим презрением (даже с уворованным вагоном коньяка!) к накопительству и частнособственничеству... Спасибо, Гриша, за коньячное внимание и восхитительный рассказ — не сочиненный, но самой жизнью прошедшей написанный. Даже на сердце полегчало, хоть на миг да забыл про тошнотную мерзость нынешних реалий с их предельным лицемерием, бездуховностью... словом, как реклама в «ящике» долбит по ушам: *безалкогольное пиво с лимонным соком*. Только такое представишь — в блевотину потянет. Тебе, мой юный друг, на писательской стезе потруднее, нежели мне, старого закала сочинителю, придется. Чем совершеннее слогом будешь овладевать, то есть зорче отображать в словах и строках окружающую жизнь, тем больше и больше станешь ощущать в душе и голове своей двойственность, увы, неразделимую: творческое устремление к правде каждого написанного слова, с одной стороны, и четкое понимание того непреложного, что правота эта уже ни единому человеку, исключая самого себя и пятка-десятка собратьев по нынешнему несчастью ощущать себя писателями, не то что не нужна, но даже с похмелья в голову не ползет. Что-то навряд рвотной пилюли, которую пытаются всучить для

приема вовнутрь только что с аппетитом пообедавшему мужику — о бабах и вовсе речь не идет, — хотя бы и набил он утробу свою нынешним эрзацем пищевой химии. Мужайся наперед, мой юный сочинитель и бытописатель!»

♦ С самого начала общения Андрей Матвеевич четко, хотя и после второй стопки, определил их будущие взаимоотношения: «Ты парень самодельный, тебе в писательском становлении, так сказать, *за-руку-водитель* не требуется. Тем более образование у тебя гуманитарное, близкое по духу и сути к художественному сочинительству. Ученого же учить, только портить. А вот проводником направляющим, что-то навроне Вергилия в бессмертном творении Данте Алигьери, по нынешним литературным кругам ада для творчества — готов быть-стать. Не без корысти... я не «Бабы» из бездонного погреба твоего дедова дружбана-авторитета, конечно, имею в виду. Просто питаю надежду наблюдать по публикациям в «Срединной России» творческий рост нашего молодого постоянного автора. Ибо к своему детищу отношусь в крайней степени серьезно, то есть без шутовства и лавроискательства. Полагаю, а пример беру с Пушкина с его «Современником», оным же у Некрасова в продолжении-возобновлении издания, но особенно с некрасовских же «Отечественных записок», из которых вышла вся великая русская литература второй половины девятнадцатого века... словом, полагаю, что журнал литературный, в отличие от сборников, альманахов, антологий и прочего, есть воплощение в каждом номере законченного коллективного литературного произведения. И постоянные авторы у нас — не семейственность-компанейственность, не приют литературных пенсионеров — от «прапорщиков» до «генералов», но заинтересованные в качестве литературного оформления журнала члены такового коллектива. На том и стоим, аминь».

...И вот сейчас, завершая свою первую «серьезную» повесть, Гриша осознал: судьбе было угодно дать ему проводника по кругам современного глобалистского ада, что изощренно почище и поиздевательнее над человеком Дантового. Понимал — это сейчас редчайшее везение. Скуп на слова в трезвости (не все же баловаться неподдельным из погреба дедова дружбана-авторитета!) Андрей Матвеевич, но каждое его слово стоит иной лекции. Особенно в части той самой двойственности в душе и голове: «Пиши для души своей, а головой обращайся к читателям твоим... пока такие вовсе не канули в небытие».

А тошнотное безалкогольное пиво с лимонным соком, пролившись с развернувшихся небес беспощадной эволюции на прежде оразумленную планету, затуманило всю ее сущу густым туманистым миазмом оцифрованного расчеловечивания. Диктатура глобализации отменила творческое мышление, а из художественного прежде всего литературу, ибо та оперирует *словом*, а девиз этой диктатуры: *цифра вместо слова*. От того-то литературное творчество и есть главный враг глобализации, поэтому такой враг уничтожается первоочередно.

...Таковая подспудная мысль и была заложена Гришей в эту повесть, зашифрована в сугубо реальную, неприхотливую фабулу и сюжет. Главное, как ненавязчиво наставлял Андрей Матвеевич, «в русской литературной традиции секрет Полишинеля не должен просматриваться через прорехи Тришкиного кафтана, ибо она, русская литература, ориентирована прежде всего на думающего читателя. И неверно старинные и современные западники либерального толка, подражая попке-попугаю, беспрестанно талдычат о том, что-де вот русская классическая и советская литература назойливо учит, а западная, вольнолюбивая и толерантно-ненавязчивая, дескать, дает читателю право самому выбирать в читаемом тексте: кому и за чем следовать. Свобода, мол, выбора. Хрена им с дегтем в печенки!» Еще при черновом прочтении Гришиной повести матерый главред похвалил автора за эзопов язык — существеннейшую особенность русской и советской литературы: «Это ты верно курс держишь. В нашей двухвековой традиции иносказательный язык — и власти придержащей не обидно, и умному читателю все предельно ясно, и мастерство писателя все растет и

растет! Вот наивный Радищев, набравшись в Германии либерализма западного, всю правду-матку открытым текстом в «Путешествии» высказал — и по воле матушки Екатерины в... ту же матушку Сибирь угодил. А действительный статский советник, уже дедушка, Крылов еще похлеще высказывался, но только баснями — в традиции Эзопа, Скалигера и Лафонтена — и только успевал ордена от царицы и царей получать. Традиции завуалирования вообще в русле нашего мышления. Пример тебе: почему Генералиссимус именно двадцать четвертое июня выбрал для парада? — Конспирологи давно смекнули: в сорок пятом году на этот день пришлась Троица — символ торжества православия; в то же время день двадцать четвертого июня — праздничный для англо-саксонской масонской ложи. Выходит, что это был парад не только в честь победы над Германией, но и торжества русского православия над «англичанкой», как именовали Британию в дореволюционной нашей публицистике, ибо Англия и есть инициатор второй (впрочем и первой) мировой бойни и особенно столкновения нас с немцами. Вот так-то, Григорий, у Вождя есть чему поучиться!»

...Несмотря на эзопов язык, повесть Гриши, опубликованная в «Срединной России» и изданная им отдельной книжкой, на ежегодном конкурсе не получила одобрения жюри областной литературной премии. По разделу прозы ее удостоился более старший годами подполковник артиллерии в отставке за трехтомный автобиографический роман-эпопею «Яблоневые рассветы».

И с литераторами провинциальными простимся... до следующей книги, может быть: очень уж они по-своему колоритны. Вот ведь русский характер! Казалось бы, лавролюбив не по чину, вздорен сочинитель Омшанников; неуживчив и несколько пакостлив по мелочам литератор Сухариков — но как без них представить себе губернскую писательскую братию? Совсем хорошо — уже не хорошо. А без Сухариковых и Омшанниковых совсем замрет внешняя писательская жизнь города, и без того уже тлеющая в маленьких комнатках Дома творческой интеллигенции, из которого в послереволюционные годы правил городом присланный из столицы комиссар в

кожаной куртке, а до этого владел маленьким домиком-дворцом первогилядейский купец.

Добрые и хорошие люди эти провинциальные служители писательской музыки, особенно если общаться с ними поодиночке и за пивком с вяленным лецом. А еще лучше за водочкой в запотевшем от холода графинчике под рыбное же ассорти и бутерброды с красной икоркой. Думали ли вы, горемычные, что на старости лет никто не будет читать, тем более печатать задарма ваши книги, что лишитесь вы заслуженного летнего и зимнего отдыха в бывших санаториях и домах отдыха Литфонда? Переучиваться же на другую профессию и поздно и менталитет не позволяет. Мира вам и душевного спокойствия... и продолжайте творить, ибо рукописи не горят.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

СМОТРИ В ГЛАЗА...

Наш постоянный автор.

Вот что хотите, а не собьете в убеждении, что бывают девушки с абсолютно музыкальной наружностью. Совсем не полненькие или пышнотелые, но уж точно не худышки. Оленька была представительницей именно такой касты. Все в ее фигуре выглядело полуовалами то ли нот, то ли скрипичного ключа. От изящной закругленности совсем не излишних лодыжек и бедер до предплечий, плеч и необъяснимо музыкальных волн светлых волос и полукружий бровей на овальном нисколько не вытянутом лице. К тому же и ее обычные движения выглядели плавными, словно лежащими на неслышную мелодию, ни малейшей угловатости или порыва. При всем при том и медлительной копушей она и близко не смотрелась. А глаза... ну, что сказать про глаза? Серые, мечтательные, казалось, они вмещали в себя все окружающее, только про ее собственный внутренний мир прочесть в них ничего не представлялось возможным. В то же время она нисколько никогда не выделялась резко среди прочих, и при случайной встрече на улице в лучшем случае оставляла после взгляда на себя приятное впечатление, но никак не желание немедленно с ней познакомиться и следовать за ней. Вот и все, ничего исключительного. Но эта девушка обладала именно музыкальной внешностью, которая как нельзя более соответствовала ее действительной сути. Она с детства жила музыкой. Даже имя удачно подходило ей, такое же закругленное и напевно звучащее вслух, будто заключающее в себя одну из семи нот.

Она поступила в консерваторию по классу рояля и ежедневной учебой доказывала, что музыкальность присуща не только ее внешности. Казалось, для нее все определено наперед до полной ясности, и жизнь складывается счастливо и благополучно у этой милой девушки, которую несомненно ждет блестящая будущность яркой исполнительницы. Но было нечто, отравлявшее ее существование и грозившее свести на нет все ее старания на музыкальном поприще, поставить крест на ожидавшей ее карьере. С некоторых пор девушка открыла, что начала бояться большой аудитории, страх перед публикой, словно неизлечимая болезнь, преследовал ее. И чем отчетливее с годами Оленька ощущала его, тем больше он возрастал. Никакие усилия в совершенствовании мастерства молодой пианистки не помогали побороть его. Десяток и более слушателей уже наводили на нее полный ужас. Она моментально начинала испытывать подобное в присутствии стольких зрителей. Тело ощущалось скованным, пальцы деревенели и переставали слушаться, затрудняя дальнейшее исполнение. Ладони покрывались липкой влагой, в коленях появлялась дрожь, внутри появлялась пустота, тысячи мелких иголок страха невидимо впивались в спину и затылок. Ей казалось, что всему виной недоброжелательные взгляды зрителей, безжалостно вонзающиеся в ее тело. Она физически как бы воспринимала мнимую враждебность чуждого заполненного зала, необъяснимая паника охватывала Оленьку, заставляя вмиг терять все ценные качества ее умелой игры, доставшиеся талантом и долгими занятиями. Она удивляла и пугала этим своих учителей, не терявших надежды воспитать из нее замечательную пианистку.

Откуда ей было знать, что это не что иное, как проявление генетической памяти, отголосок далекого прошлого, когда ее первобытные предки жили малыми общинами в дремучих лесах! Скажи ей кто, что нейрофобия, страх сцены — нередкое и естественное явление, как бы это смогло помочь?

Предложения доброхотов из посвященных в Олину тайну обратиться к специалистам она безоговорочно отметала, не допуская такое даже в мыслях. Причиной подобного отношения к, пожалуй, единственно возможному выходу являлось ложное предубеждение, боязнь услышать о своей собственной неполноценности от сведущего, но постороннего человека. Круг замыкался. Оленьке было в пору забыть не только о будущих сольных концертах, но и о ежегодных отчетных выступлениях перед сокурсниками и преподавателями.

Однако, жизнь приготовила для нее спасительную неожиданность, его Величество случай вмешался в казалась бы predetermined ход событий.

Ясным майским утром, когда заполняющее все ослепительное солнце воцарилось на улицах города под неумолчное щебетанье опьяненных им птиц, Оленька понуро брела в консерваторию. В импортном полиэтиленовом пакете с яркой непонятной эмблемой прятались нотные листы, а на душе кошки скребли. Кончался учебный год, отчетный концерт за курс висел на носу. Чем больше Оля думала о предстоящем выступлении перед публикой, тем больше боялась неминуемого исхода. Страх на этот раз вселился в нее загодя и не думал отпускать или давать послабление. Девушка испытывала такое отчаяние, что как бы ни глупо могло показаться со стороны, появилась мысль о самоубийстве. Впрочем, о смерти она вряд ли могла думать подолгу и всерьез, она жила музыкой, а музыка — не что иное, как родная сестра жизни.

Проходя мимо тумбы, обклеенной пестрыми объявлениями, она неожиданно вздрогнула, внезапно почувствовав на себе пристальный посторонний взгляд. Вокруг не было ни души, но ощущение, что ее не перестают разглядывать, не отпускало и оказалось настолько сильно, что заставило остановиться. Когда же она поняла, в чем дело, то едва не рассмеялась. Но смех затих, не успев родиться, прямо на нее с одной из афиш смотрели два пронзительных глаза. Они не имели за собой человеческого лица, и это только усиливало впечатление — два чрезвычайно живых глаза, несмотря на двухмерность фотографии, живо и неотрывно рассматривали в упор сквозь ограниченную рамкой плоскую прорезь. Под ними крупно чернели печатные буквы:

ВОЛЬФ МЕССИНГ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ.

Надпись словно манила ее сама по себе: сходи и посмотри, не будь душой, это касается именно тебя! Она отступила на два шага, передвинулась вправо, затем в противоположную сторону. Пронизывающий до мурашек по коже взгляд фотографических глаз неотступно следовал за ней, не отпускал из точного прицела. Невидимый обладатель их будто молча убеждал: от меня не скроешься, я вижу тебя насквозь, от меня не уйти!

Через три дня Оленька уже сидела в первых рядах на вечернем выступлении мастера психологических опытов. Пожалуй, такое название больше подходило этому человеку, чем «великий гипнотизер» или что-то еще в таком духе, встречавшееся на страницах прессы. Да и вполне отвечало требованиям цензоров отдела культуры, выпустивших его на сцену. Гипнотизер в представлении многих выглядел сродни шарлатану, канули в прошлое времена, когда о гипнозе спорили, шумели, удивлялись его результатам. И хотя этот метод давно широко используется в современной медицине, для многих не знающих о его сути и практике слова «гипноз», «гипнотизер» не содержали в своем звучании ничего серьезного. Немало таких, кто вообще представлял его до сих пор легкомысленной пустопорожней выдумкой каких-то фантастов.

И все же, несомненно, человек на сцене оказался мастером своего дела. Чем невежественнее в вопросах практической психологии человека оказывалась публика в

зале, тем неожиданнее и сенсационнее представлялись ей эффектные выступления такого артиста.

Но, конечно, кроме всего прочего, он обладал природными способностями и смог их развить в нужном направлении.

Оленька стала свидетельницей отгадывания им задуманных зрителями чисел, имен, даже мыслей. Но это мало задевало ее, поскольку не имело никакого к ней отношения. К тому же она ничего не понимала в подобных математических фокусах, во всем пока происходящем на сцене. Тем не менее, увиденное наполнило ее чувством преклонения перед демонстрировавшим свои способности невысоким пожилым мужчиной в черном строгом костюме. Его лицо доказывало, что жизнь изрядно потрепала его обладателя. Лоб, испещренный заметными морщинами, обрамлялся кустом не успевших поседеть темных волос. На суженном книзу лице выступал расширенный нос, от крыльев которого к подбородку пролегли две глубокие борозды. Уголки тонких губ с брезгливостью загибались книзу. Но общий вид артиста как бы не доходил до Оленьки, словно растворялся в разделявшем их пространстве на пути к ее восприятию. От него отчетливо оставались только притягивающие взгляд темные глаза с исходящим от них ощущением психологического давления. Впрочем, и это могло оказаться лишь плодом воображения слишком впечатлительной музыкантши.

Выступавшему понадобилось совсем немного времени, чтобы поразить Оленьку до глубины души. Это произошло вскоре после его очередных трюков. Еще вначале сеанса Мессинг раздал всем пожелавшим листы бумаги для записи придуманных для него заданий. И вот проведя каскад математических фокусов, несколько не показавшихся Оленьке интересными, начал выборочно вызывать авторов записок. Один из первых поднявшихся на сцену скептически настроенный молодой человек лет двадцати пяти-тридцати указал отыскать его фотоаппарат и сфотографировать зал. Сначала у Оленьки не было полной уверенности, что доброволец не «подсадной» и обошлось без предварительного сговора до начала представления. Мессинг задал поднявшемуся на сцену участнику несколько не относящихся к заданию вопросов о его профессии, об отношении к психологии. После чего цепко сжал его левое запястье своими пальцами. Они вместе спустились в зал и неуверенно двинулись по проходу. Понадобилось некоторое время, чтобы, ни на миг не выпуская руки спутника, после видимого затруднения и колебаний, Мессинг уверенно нашел нужное свободное место. И тут он демонстративно бросил, почти отшвырнул руку молодого человека, коршуном кинулся к девушке рядом и подхватил фотоаппарат с ее колен. Бодро просеменил мимо хозяина камеры и уже на сцене торжествующе поднял добычу над головой, показывая всему залу:

— Правильно? Угадал!

Встретил владельца на ступеньках, пожал руку, вернул камеру, поблагодарил за сотрудничество. Когда он победно семенил по проходу, сидящая неподалеку Оленька разглядела крупные капли пота, падающие со скул и мелкого подбородка на тугий воротник рубашки, на черный галстук. И это окончательно убедило, что перед ней не срежиссированная постановка, а настоящий тяжелый труд мастера — психолога. Как и для многих этим вечером, ей открылось, какие неведомые возможности скрыты в человеческой психике. Она поняла, что, начиная с внезапно увиденных глаз на афише, все происходит не просто так. Если кто и сможет помочь избавиться от навязчивого страха, то именно этот невзрачный невысокий человек, показавший себя настоящим мастером психологических опытов. За время выступления он вырос в ее представлении до гигантской сверхчеловеческой фигуры, могущей многое из недоступного простым смертным. Позже она узнала разные мнения о его выступлениях и спорных фактах биографии, вплоть до того, что некоторые считали его полным шарлатаном. Но тогда он зародил в ней надежду, которая быстро переросла в уверен-

ность. Да настолько, что уже следующим днем, пересилив себя, она узнала в филармонии, где остановился артист, и позвонила ему в гостиничный номер.

Стараясь говорить спокойнее и коротко, но то и дело сбиваясь от волнения, Оленька торопливо, с опаской, как бы слушатель не бросил трубку, изложила суть своего горя. Обычный мужской голос, принадлежавший увиденному вчера магу и волшебнику, звучал, напротив, спокойно и внятно. Видимо, что-то в интонации и мольбе незнакомки тронуло Мессинга, порядком уставшего от внимания поклонниц и поклонников. Он не прервал ее с первых слов, выслушал до конца, ни разу не перебив. А когда она умолкла с бешено бьющимся сердцем, задал два — три уточняющих вопроса и пригласил зайти к нему в гостиницу в десять часов завтра утром. При этом напомнил, что гастроли заканчиваются, и уже через день он покинет город. Голос звучал сухо и деловито, вежливое прощание и металлический щелчок возвестили окончание разговора. А у Оленьки сердце никак не успокаивалось в груди, и дрожала рука, продолжавшая судорожно сжимать умолкшую трубку телефона. Она не могла поверить: он внимательно выслушал, все понял и попробует ей помочь!

Когда в назначенный час Оленька робко постучала в дверь номера на третьем этаже недавно построенной девятиэтажной гостиницы, ее сердце уже не только молотилось в набате, но и замирало, лишаясь последних капель уверенности. Она поражалась своей смелости накануне, испытывала уже жгучее желание бежать прочь, но отступать было поздно. Ее вид напоминал, вероятно, человека, собравшегося прыгнуть в ледяную воду.

Дверь распахнулась, и на пороге возник великий гипнотизер собственной персоной.

— Здравствуйте, я вчера звонила вам... — пролепетала Оленька, отступая на зеленый край ковровой дорожки коридора.

— Да, да, конечно. Проходите, я вас жду, — он впустил девушку внутрь, прикрыл за ней дверь и жестом указал на два мягких кресла у полированного деревянного столика.

Оленька изо всех сил старалась держаться непринужденно, расположилась в одном из кресел, но положить ногу на ногу и поудобнее откинуться на спинку так и не решилась. Если все время прежде она не переставала откровенно трусить, то теперь чувствовала, что уже до жути боится этого внушающего непонятный страх человека.

— Прошу вас, не стесняйтесь, будьте как дома, — хозяин номера опустил в кресло напротив, их разделял только угол прямоугольной крышки стола. — Извините, что ничем вас не угощаю. Времени мало. Наш разговор сугубо деловой, и хотелось бы скорее приступить к сути. Расскажите о себе, только, пожалуйста, сначала успокойтесь. Не нужно так волноваться. Успокойтесь, прошу вас, — повторил он мягко с нажимом, не переставая изучающее разглядывать гостью.

Странно, после этих слов она чуть ли не моментально взяла себя в руки. Уже с интересом осмотрелась, примечая обыденность гостиничной обстановки, ничего особенного — все как обычно. Хотя она ни разу еще не бывала в гостинице, окружающее оказалось именно таким, как она примерно представляла заранее. Неяркая темно-зеленая обивка мебели, сдвинутые по бокам окна салатные занавески с мелкими красными цветками открывали успокоительную голубизну неба. Коричневая полировка дерева на тумбочке, спинке кровати, деревянных подлокотниках кресел, темно-вишневым ковер на паркетном полу не раздражали глаза. Перевела взгляд на хозяина номера.

— Ну-с, а теперь давайте познакомимся, милая девушка.

Ольга назвала себя, голос прозвучал гораздо увереннее. Это подбодрило, она, отводя взгляда под натиском глаз гипнотизера, сама внимательно смотрела на него. «Интересно, начал ли он уже гипнотизировать меня?» — с любопытством подумалось ей. Об этом процессе у нее имелись самые отдаленные представления.

Мессинг сидел перед ней в халате из махровой ткани, накинутом на белую сорочку без галстука с расстегнутым воротом, на ногах плетеные сандалии — словно хозяин номера хотел своим видом подчеркнуть неофициальность и обыденность встречи. Внешность заурядная, чем-то даже отталкивающая. Гладко выбритые до мертвенной синевы щеки и мелкий подбородок создавали неприятное сочетание с морщинами на открытом лбу и, похоже, немного подкрашенными волосами без седины. Почему-то подумалось, что сидящий напротив в жизни бескомпромиссный, наверняка жестокий человек, ей снова стало жутко. Глаза на лице Мессинга, необыкновенно властные, остановившие ее с афиши, словно жили своей отдельной жизнью. Они то успокаивали, то пугали, пронизывая Оленьку насквозь пристальным взглядом.

— Ну же, давайте, Ольга, не стесняйтесь, расскажите о себе подробнее. Напомните, что заставило обратиться ко мне,— тихо, как бы подталкивая без прикосновения, предложил Мессинг. Не послушаться этого голоса казалось невозможным, и она выложила ему разом все свои беды.

Хозяин номера выслушал, встал, в раздумьи прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Знаете,— честно признался он.— Мне не приходилось заниматься прежде подобным. Но я понимаю вас вполне и готов попытаться помочь. Подчеркиваю: попытаться, не более того. Ничего заранее гарантировать не могу, возможно даже одной встречи окажется недостаточно,— при этих словах он испытующе взглянул на Оленьку, съжившуюся на кончике кресла.— Но попробовать стоит, в конце концов, вы ничего не потеряете. Только, ради бога, перестаньте меня так бояться! Для успеха необходимо полное доверие с вашей стороны.

Оленька густо покраснела и поторопилась возразить, растягивая губы в вымученной улыбке:

— Я, правда, уже совсем не боюсь вас. Честное слово!

Мессинг весело рассмеялся от такого простодушного признания.

— Спасибо и на этом! — галантно поклонился он в ее сторону.— Но, кроме шуток, в таком деле нужна серьезность и сосредоточенность. Итак, вы готовы?

— Да,— твердо заверила Оленька после короткого мига сомнения.

Мессинг попросил ее сесть вплотную к столу, положить руки на полированную прохладную крышку перед собой и расслабиться. Их лица оказались довольно близко напротив друг друга. У Оленьки закружилась голова от немигающего взгляда гипнотизера. «Никакие они и не черные!» — подумалось ей про его глаза.

— Успокойтесь, расслабьтесь, полностью расслабьтесь,— вкрадчиво и монотонно почти шептал Мессинг.— Выбросьте из головы все посторонние отвлеченные мысли. Расслабьтесь, Оленька!

Удивляясь его власти над нею, девушка почувствовала, как легко и свободно становится ей.

— Вы легко поддаетесь внушению, Оля, вы очень легко поддаетесь внушению. Все будет отлично, просто отлично. Все уже идет отлично!

«Ну уж, да!» — хотела строптиво возразить Оленька, но губы не послушались на этот раз, она как будто даже задремала на мгновение, убаюканная повтором слов.

— Вы сделаете сейчас все, что я вам скажу. Все, что я тебе скажу! — возвысил голос гипнотизер. Сделал паузу, и продолжил гораздо тише, но столь же внушительно: — Представь, перед тобой клавиши рояля или пианино. Черные и белые клавиши, ты их уже отчетливо видишь! Ты сидишь за роялем и сейчас начнешь играть! — он снова сделал акцент на последнем приказе.

— Как же такое возможно? — попытались беззвучно шевельнуться губы девушки. Представление показалось ей чудовищно нелепым, но ее сомнение длилось недолго.

— Да, да! Ты сидишь за роялем, хорошо знакомым тебе отлично настроенным роялем,— уверенно и жестко подтвердил Мессинг.— Ты будешь сейчас играть то, что тебе труднее всего дается. Будешь отлично исполнять! Легко, виртуозно, мастерски, как никогда раньше! — И опять тихо, уже спрашивая: — Что ты будешь играть, Оленька?

— «Порыв» Шумана,— тотчас без раздумья прошептала девушка.

— Посмотри мне в глаза. Смотри мне в глаза! Так. Ты сделаешь сейчас все, как я сказал... Начинай!!

— Но... — попыталась возразить Оленька, понимая всю нелепость приказа, и тут же непроизвольно начала играть на крышке стола, беря пальцами знакомые аккорды на видимых только ей клавишах.

— Вокруг тебя люди, много людей, они слушают, смотрят на тебя,— пальцы девушки непроизвольно дрогнули и начали деревенеть, появилось знакомое чувство страха и скованности перед аудиторией. Она действительно увидела незнакомые лица множества слушателей в огромном зале и несколько узнаваемых, почти родных — принадлежавших учителям, с тревогой неотрывно смотревших на нее. Десятки, сотни глаз взяли ее в перекрест своего пристального внимания, и она чуть было не сбилась.

— Нет, ты не боишься! — закричал Мессинг.— У тебя нет больше страха! Ты их несколько не боишься, они тебе совсем не мешают! Ты смелая, уверенная в себе. Тебе безразлично их присутствие! Они есть, но для тебя их нет больше. Ты играешь великолепно, бесподобно, виртуозно! Всякий, кто слышит, восхищен твоей игрой! — последнее Мессинг проорал что есть мочи.

«Да он просто сумасшедший!..» — как-то вяло заключила про себя Оленька, не прерывая игры.

— Смотри мне в глаза, смотреть мне только в глаза!

Удивительно, но скованность и оцепенение от страха перед воображаемой публикой отступили, зрители продолжали как бы незримо присутствовать здесь, в несуществующем зале. Но теперь Оленьке, действительно, не было до них никакого дела, все ее внимание сосредоточилось на пальцах. Она слышала свою музыку, которая звучала в этот миг только для нее. Отдавалась ее звукам, восторженно упивалась своим блестящим исполнением.

— Твои руки сами знают, что и как им играть. Не следи за ними! Оставь их! Смотри мне только в глаза! — продолжал внушать гипнотизер уже негромко, но настойчиво.— Ты прекрасно играешь, смотри мне в глаза! Тебе надо смотреть мне в глаза!

Оленька перестала обращать внимание на свои пальцы. Они, в самом деле, сами знали, что им делать дальше, заученно и легко касались невидимых клавиш.

Она подняла голову.

— Смотри мне в глаза! Смотри мне только в глаза!

И она смотрела, смотрела, не отрываясь, в устремленные на нее темные глаза, а руки делали положенное без ее участия, как надо, продолжали брать неслышимые новые аккорды. Оленька позабыла о мнимой публике, о гостиничном номере, о голубом небе за окном. Даже музыка, звучащая лишь в ее воображении, постепенно утихла. Оставались только жгучие немигающие глаза, неотрывно устремленные на нее. Весь мир внезапно сузился до этих двух глаз, вместился в них, и они легко вобрали его в себя, словно так и должно было произойти.

— Смотри в глаза! — голос казался уже громоподобным. Глаза выросли, приближались, зрачки напряженно пульсировали в них, и такая глубина открывалась перед Оленькой, что начала кружиться голова, и почти прерывалось дыхание. Она перестала перебирать механически шевелящимися пальцами воображаемые клавиши. Внезапно глаза понеслись ей навстречу, увеличиваясь в размерах, грозя поглотить

всю ее целиком, комната завертелась в ускоряющемся сумасшедшем хороводе. Ничего не осталось, кроме этих уже не человеческих глаз, и они тоже бешено крутились у самого ее лица, сводя с ума, отбирая остатки рассудка. Оленька почувствовала вместе с накатившей дурнотой, что теряет сознание, инстинктивно изо всех сил вцепилась побелевшими от напряжения пальцами в крышку стола, стараясь не упасть, удержаться в кресле. Ужас перед этим страшным человеком заполнил все ее существо, не оставив места иным ощущениям, все прежние ее боязни оказались ничтожны в сравнении с испытываемым сейчас парализующим страхом. Она уже начала падать вбок, и темнота подступила к самым глазам, когда услышала дикий, почти животный вскрик. Резкий звук отрезвил ее и вернул к действительности. Оленька поняла, что это она сама и кричала, ничего не сознавая от ужаса, и слышала свой же вопль со стороны. Крик, вырвавшийся помимо сознания, встряхнул ее и разрушил охватившее оцепенение. Исчезли внезапно спустившиеся из ниоткуда сумерки вокруг.

Оленька, стараясь не смотреть на опешившего от неожиданности гипнотизера, порывисто вскочила, не рассчитав движений, опрокинула столик. И, закрыв лицо руками, стремглав бросилась к выходу.

Мессинг даже не попытался остановить девушку, лицо его оставалось совершенно бесстрастным, но Оленька уже не видела этого. Шумно распахнула оказавшуюся не запертой дверь, с силой захлопнула ее за собой и что есть сил побежала по пустому коридору, минуя лифт, по лестнице вниз, дальше и дальше, прочь от жуткого места и не менее страшного человека.

Увидев в большом зеркале на стене свое жалкое испуганное отражение, кое-как привела в порядок прическу, одежду и быстро миновала дежурного в холле, стараясь не привлекать к себе внимание.

Только на улице Оленька ощутила, что у нее стучат зубы и дрожат колени, и внезапно для себя самой отчаянно разрыдалась. После этого ей сразу стало легче, хотя она долго еще не могла полностью успокоиться. Теперь она проклинала себя за смелый поступок, пыталась заставить себя навсегда забыть происшедшее, но этого не получилось.

На следующий день Оленька все же набралась решимости и позвонила в гостиницу, чтобы извиниться перед Мессингом. Но ей сообщили, что артист сдал номер и отбыл на дальнейшие гастроли.

Она с головой ушла в занятия, даже не думая о возможности перемены с ней, не пыталась проверить результат воздействия мастера психологических опытов, уверенная, что для нее все осталось по-прежнему.

Подшло время отчетного концерта, и она вышла на сцену в ожидании неминуемого провала. Актный зал до отказа заполняли студенты консерватории, их родственники, гости и преподаватели. Сотни глаз смотрели на нее. Сейчас она оказалась одинока перед морем реальных глаз действительно существующих людей, ждущих, обращенных на нее. Странно, она волновалась значительно меньше ожидаемого. Присела за рояль, чуть помедлила с занесенными руками и коснулась послушных клавиш. С первыми звуками из-под ее пальцев появилась внезапная уверенность и отрешенность от окружающего, достигаемые прежде только в часы уединенных занятий. Зрители перестали существовать для нее, она не думала больше о неизбежном провале, о своем привычном страхе перед аудиторией. Оленька осталась наедине с творимой ею музыкой, настоящей громко рвущейся из-под открытой крышки рояля, а не звучавшей лишь в ее воображении, как тогда, в номере гостиницы.

И стоило закончить, зал взорвался шквалом аплодисментов, настолько всем понравилось ее исполнение. Девушка не сразу поняла, где находится, находясь во власти только что отзвучавших чарующих звуков. Удивилась, что выступление уже позади, а масса восторженных людей искренно рукоплещет ее игре. Она не знала, радоваться ей или пугаться, но для страха уже не оставалось ни времени, ни места, ни

причин. Она поздно и напрасно забеспокоилась об этом, а ей уже подносили огромный букет гладиолусов.

Невероятно, но все ее страхи остались позади. Понадобилось еще не одно публичное выступление, чтобы окончательно исчезли последние опасения, и она убедилась, что прежней фобии нет возврата. Чудо, настоящее чудо в ее глазах свершилось. Еще год или два она продолжала с содроганием вспоминать тот визит к Мессингу, пока время не стерло испытанный дикий ужас, и Оленька начала с присущим ей мягким юмором самокритично посвящать других в свое необычное приключение. Страх перед зрительным залом не вернулся, навсегда оставшись воспоминанием из прошлого. Она уже не могла говорить о том без грустной улыбки. Эту историю и рассказала сама, когда мы оказались в одной небольшой общей компании на Новый год. Для всех там собравшихся, как и для меня, все это прозвучало впервые. Мы познакомились за полгода до этого, и единственное, что мне не нравилось в этой без пяти минут музыкантше, ее раздражающе частое обращение к сигаретам.

— А ведь раньше до этого гипноза я совершенно не курила,— объяснила она, выслушав мой бесцеремонный вопрос.— Какое-то побочное действие, похоже, получилось. Как бы теперь еще и от этой проклятой привычки не пришлось лечиться!..

Хотелось бы закончить рассказ закономерным и вполне заслуженным Олечкой счастливым концом. О том, как она получила диплом, стала известной пианисткой, исколесила с гастролями не только нашу страну, выпустила пластинки с записями концертов и так далее.

Но случилось совсем иначе. Ожидаемая всеми блестящая карьера не состоялась. Правда, она не порвала с музыкой, преподает в детской музыкальной школе и дает платные уроки на дому. Воспитывает собственных детей, выглядит вполне счастливой и довольной своей жизнью. Все дело в том, что вскоре после той ночи, когда Олечка поведала нам о визите к мастеру психологических опытов, она вскоре вышла замуж. Сможете сами догадаться — за кого?

Александр Петренко
(г. Краснодар)

Я ЖЕНЩИНА, МНЕ МОЖНО!
(на основе реальных событий)

Наш постоянный автор.

1802 год. Февраль

Анна поправила складку шикарного платья.

«На нарядах муженек не экономит. Одевает словно куклу. Не оттого, что любит или питает нежные чувства, а дабы еще раз напомнить окружающим о благосостоянии».

Женщина хотела как следует обдумать эту мысль, но поймав на себе завистливый взгляд одной из дам, отправилась в дальний угол залы и прислонилась к окну. Там, за стеклом, город погрузился в зимние сумерки. Прохожие, кутаясь в худые пальтишки (те, кто имел возможность обзавестись собственной шубой — ехали в каретах, заботливо укутанные лакеями еще и в медвежьи шкуры), спешили к своим домам и квартирам.

«Хоть бы получилось. Господи, помоги!»

Аннушка мысленно перекрестила немолодого господина, сидевшего за игровым столом в окружении зевак. Размышления прервал громкий возглас десятка глоток. Очередная партия завершилась.

Сдерживая охватившее волнение, подошла к столу. Супруг трясущийся рукой вытирал платком потное лицо.

— Уйдите! Только и делаете, что отворачиваете удачу,— повышая голос, произнес Алексей Галанин.

— Господа, может, хотя бы на время прервем *petits-jeux**. Послушаем музыку, потанцуем,— робко предложил хозяин дома.— Я музыканта пригласил. Вон, сидит, скучает в углу.

— Князь. Давайте согласимся. Отдохнем маленько. Затем продолжим, с божьей помощью.— При этих словах граф Леонид Кириллович Умов пододвинул к себе пачку только что выигранных ассигнаций крупного достоинства.— Ведь ночь впереди. Будь на то ваша воля... Успеете отыгаться. Куда спешить?

— Продолжим! И немедля! Я должен играть. Делаем ставки. Предлагаю удвоить. Нет! Утроить ставки,— прорычал Галанин, отхлебывая шампанское из бутылки.

— Не оскорбляйте бедную «Вдову Клико»**. Ей-богу, она этакое не заслужила.— Анна поставила перед мужем изящный хрустальный бокал.

— Кажется, я просил не приближаться ко мне? Или вы оглохли? В таком случае, завтра же приглашу лучших лекарей города, дабы они незамедлительно избавили

* *petits-jeux* — по-французски — «маленькие игры».

** Вдова Клико — полное название — вдова Клико Понсарден — фр. *Veuve Clicquot Ponsardin* — всемирно известный бренд шампанского вина. Расположена во Франции, в провинции Шампань, в городе Реймс (Википедия).

княгиню Галанину от ужасного недуга! — Он попытался подняться из-за стола и силой увести жену в соседнее помещение, но не смог и плюхнулся в кресло.— Требую новую, запечатанную колоду карт. Надеюсь, в этом доме такая отыщется?

От слов мужа по лицу женщины пробежала тень. «Хорошая я актриса или нет? Догадывается ли он, что творится в моей душе?» Додумать эту мысль помешал слуга, проходивший мимо с подносом уставленным бокалами.

Анна взяла один и вернулась к наблюдательному пункту у окна.

Рассматривая уже безлюдную улицу, погрузилась в воспоминания.

Она — дочь действительного статского советника, княжна, да к тому же еще первая красавица города. Женихи не давали прохода. Свое второе имя Юнона*— получила на первом же балу. Те, кто помнит феерическое появление юной девицы в свете, так именуют ее и поныне. Взять прелестницу в жены, да еще и заполучить немалое приданое, мечтали многие. Однако, батюшка дочь банально продал. Да, да, именно так.

Алексей, внук знаменитого фельдмаршала и сын обер-гофмаршала Екатерины Великой, преподнес родителям драгоценные камни, подобных которым не имелось даже у царствующих особ. Припомнила, как не раз валялась в ногах отца. Плакала и умоляла не отдавать замуж за князя, но двадцать четыре тысячи крепостных душ будущего супруга перевесили.

За глаза его именовали «Cosa-gasa»**. Молодой муж ежедневно вытворял невообразимое. Поджигал купюры, предлагая окружающим прикурить. Швырял в извозчиков золотые монеты, устраивая толчею у дома. Щедро одаривал драгоценностями цыганок из хора. Подписывал векселя, в которых сумма не была проставлена буквами, и обладатель ценной бумаги мог легко приписать к указанной цифре, один или даже два нуля!

Видя, что творит внук, престарелая княгиня поехала в Зимний дворец к императору Александру. Умоляла самодержца, чтобы тот не допустил неминуемого разорения. Государь, выслушал и... отказал...

Юнона кинула взгляд на игроков.

«Как же хочется поведать кому-нибудь о том, что здесь происходит на самом деле? Увы. Некому. Нет близких людей в этом доме. Ой. Зачем же врать себе? Один человек более чем мил. Вот бы броситься на шею и целовать, целовать. А затем, оставшись наедине, отдаться всецело. Принадлежать любимому, разве это ли не есть истинное счастье для любой женщины?»

Выпитое вино подействовало странным образом. К Аннушке вернулись картинки прошлого...

В постели с Галаниным не заладилось сразу. Было противно прикасаться к мужу. Тем паче, что понятие о супружеской верности у него отсутствовало напрочь. От домашней прислуги ничего не утаишь. Спустя некоторое время по городу поползли похабные слухи. Пыталась уехать. Хоть на время вернуться к родным. Не удалось. Алексей рукоприкладствовал и силой принуждал к исполнению обязательного женского долга.

Но бог на свете есть. Мелькнул в тусклой жизни лучик счастья. Да еще какой яркий! Умный, обаятельный, добрый. Она теряла рассудок только от общения с ним. Через какое-то время поняла: его чувства аналогичны, правда, рассудок мужчина не терял. Потому как годами был старше избранницы на целых двенадцать лет. Так и что с того. Зато любимый — герой войны с Османской империей. И ради нее хотел немедля стреляться с Алексеем, но передумал. Молва посчитала бы сей поступок не

* Юнона — Богиня красоты.

** «Cosa-gasa» — модная опера того времени, герой которой — человек наделенный огромным количеством отрицательных черт. Грубиян и самодур.

дуэлью, а убийством. Бравый офицер против сумасброда и пьяницы. И как бы поступил император, узнав об этом?

«Я предложила действовать по иному...»

...Гомон десятка голосов снова вернул женщину на грешную землю.

— Князь! Вы проиграли все! А посему извольте покинуть стол и, желательнее, это помещение. Впрочем, последнее на усмотрение хозяина.

— Господа, займите денег. Пожалуйста. Подпишу векселя. Отдам. Рассчитаюсь. Надобно отыграться и немедленно. Такого проигрыша в жизни у меня еще не было. Уверяю. В следующей партии всенепременно должно повезти. Умоляю. Помогите.

Супруг был жалок и смешен одновременно.

Не желая видеть этого, Юнона стремглав покинула залу и метнулась к сидевшему в дальней комнате архиерею.

— Что, дочь моя, так же не можешь глядеть на бесовское непотребство? Ноги бы в этом доме не было, ежели бы не нужда великая. Дщерь* хозяйская сильно недужит. Не может сама на исповедь явиться. А душа требует...

— Разведите меня с этим иродом, немедленно,— перебила Анна.— Сил нет жить с Алексеем. Только что он наше состояние проиграл. Ведь по миру пойдем с рукой протянутой. Милостыню просить станем, аки...

— Не могу. Ибо молвила ты пред алтарем, то бишь вратами божьими. «И в горести, и в радости буду с мужем, единым целым!» Помнишь слова сии? Неси крест свой, до скончания дней.— Архиерей трижды перекрестил Анну, хотел добавить к сказанному, но в комнату влетел расхристаный и потный Алексей.— Ступай к нему. Убирайся с глаз.

Подошедшие следом зрители небывалого карточного поединка, перебивая друг друга, повели:

— Князь поставил вас супротив того, чего сегодня лишился. И снова проиграл. Неслыханное дело. Но граф милостиво обещал вернуть выигранное князю. Только вас при себе оставляет. Далее будете разбираться сами.

— Разведу! Ей-богу! — гремел вслед удаляющейся женщине бас архиерея.— Не видела земля русская подобного святотатства. Жену, богом данную, да на карточный стол. Такого басурманина от церкви отлучать надобно! Однозначно!

Несколько месяцев спустя

Анна поднялась на цыпочки, заглянула в глаза любимому. Пожаловалась: — Дамы, первыми заводившие со мной беседу, нынче отворачиваются и делают вид, что не замечают. Перешептываются за спиной — княжну бывшую, как крепостную девушку. В карты. На кон! Кто она теперь? Служанка? Наложница? На балы приглашать перестали.

— Дорогая, как только будет решение Священного Синода — обвенчаемся, без промедления. Надеюсь, твой бывший муж не забыл, что такое долг чести и не будет препятствовать нашему счастью.

Галанин проигрыш признал. Дал развод. Этому способствовало то, что благородный победитель слово сдержал. При свидетелях вернул весь выигрыш злосчастной ночи.

* * *

Александр I узнав об этом экстраординарном событии, выкроил время и навесит дом молодоженов. По такому случаю хозяева устроили бал. Император пригласил Юнону на танец, показав высшему свету, что не видит за сим браком крамолы.

* Дщерь — дочь (древнерусск.).

Следом за самодержцем руку для танца предложили даме и именитые сановники. Отныне аристократия была вынуждена вновь принять женщину в свой круг. Некоторое время спустя князь Алексей вдрызг проигрался. До конца дней жил на подачки от дальних родственников, нисколько не сожалея о растроченном, почем зря, огромном состоянии.

1818 год

Леонид умер. Анна прожила с ним короткую, но счастливую жизнь. Детишек, увы, бог им не дал. Зато воспитали приемных. Мальчика и двух девочек.

Юнона пережила супруга на полвека. В завещании просила, чтобы ее похоронили рядом с суженым. А также подробно описала разработанный до мелочей сценарий карточной игры, в которой ее любовник Леонид Кириллович Умов должен был выиграть у Алексея Галанина имущество, а затем уговорить соперника поставить на кон жену Анну. И какие усилия потребовалось молодой женщине, дабы не выказать радость в тот момент, когда узнала — план претворен в жизнь! Игра блестяще завершилась!

Владимир Жуков
(г. Москва)

МЕДВЯНАЯ ПАДЬ

Владимир Григорьевич Жуков живет в Москве. Работал на стройках в Москве и в Ленинграде, сейчас на пенсии. Публикует рассказы на литературных сайтах.

1

Из плотной пелены светло-серых облаков накрапывал такой редкий дождь, что люди на центральной улице города не раскрывали зонты, а водители мчавшихся автомобилей не включали дворники.

Под охраной трех молодых мужчин Рыдвенов вышел из здания суда на площадку под прозрачным козырьком. До своего черного люксового внедорожника ему надлежало спуститься по широкой парадной лестнице и пройти по тротуару метров пять. Оставаясь внешне спокойным, Рыдвенов радовался, что десять минут назад отсудил у своей бывшей жены строительную фирму, что завтра на электронных торгах выиграет тендер на возведение торгового центра возле автовокзала.

К парадной лестнице перед входом в здание суда подъехал на спортивном мотоцикле мелкий человек в черной экипировке. Лицо его скрывало опущенное темное забрало кроссового шлема. Правой рукой он выхватил пистолет из кобуры, закрепленной на голени, и выстрелил дважды в Рыдвенова.

За миг до первого выстрела Рыдвенов почувствовал свою смерть, упал на колени, а потом на левый бок. Одна из пуль киллера попала в плечо охранника, другая раздробила ключицу его коллеге. Оба мужчины свалились с ног, застонали, заскрежетали зубами.

Третий охранник, он же водитель, выстрелом из пистолета пробил бензобак мотоцикла. Мотоциклист воткнул пистолет в кобуру на голени, крутанул ручку газа и метеором без свечения исчез среди автомобилей, которые неслись по улице, не давая упасть на мостовую полиэтиленовому полупрозрачному пакетику.

Рыдвенов вскочил на ноги, сбежал по лестнице и улегся на заднем сидении черного внедорожника. Водитель-охранник занял место за рулем, запустил бесшумный двигатель.

— В теремок,— негромко скомандовал Рыдвенов, достал из кармана серого пиджака носовой платочек и вытер россыпь капелек холодного пота на покато лбу, который соединяла с плоским затылком лысина, окаймленная коротким седыми волосами.

Черный внедорожник отъехал от бордюра и покатил между микроавтобусом и такси по центральной улице города.

Поглядывая на жилые дома, мелькавшие за бронированным стеклом дверцы, Рыдвенов задыхался ровно и свободно. Согнутые пальцы рук перестали стучать по коленям и выпрямились. Мысленно он составил список своих недругов, способных организовать убийство. Первой в этом списке оказалась бывшая жена, которая жила теперь с молодым тренером по плаванию — по брачному контракту ей после развода достался из всего имущества лишь инкрустированный стразами двухместный каб-

риолет лимонного цвета. Еще в тот список попали: Орлев, Карурулин, Зекрашвили — владельцы строительных фирм, которых он разорил при поддержке прокурора, начальника полиции и мэра города.

Черный люксовый внедорожник выехал из города и залихачил на шоссе, круто вилявшее по ровным необозримым лугам и кукурузным полям. Облачной пелене закат придавал розовый оттенок. Металлические опоры с провисшими высоковольтными проводами тянулись вдоль шоссе. Встречные автомобили сбавляли скорость и прижимались к обочине.

В сумерках наступающей июньской ночи люксовый внедорожник проехал по деревне «Медвяная Падь», вызывая у дворовых собак запальчивый лай, а у подростков, кучковавшихся на автобусной остановке, восхищенные и завистливые взгляды.

Сразу за деревней асфальт на дороге сменяло бетонное покрытие, въезд на которое преграждал красный шлагбаум. Но он открылся, когда встроенными сенсорами засек датчики на бампере внедорожника, и закрылся, когда внедорожник поехал по бетонке к видневшемуся на горизонте лесу, окрашенному закатом в темный пурпур.

На опушке леса дом, похожий на сказочный терем, прятался на просторном участке за высоким деревянным забором с въездными деревянными воротами. Еще на участке имелась бревенчатая баня, скважина с водонапорным насосом, ухоженный теннисный корт.

Сенсоры движения распахнули автоматические деревянные ворота, пропустили черный внедорожник и закрыли их под фонограмму колокольного перезвона «Боже, царя храни» из аудиоколонок на столбах, державших створки въездных ворот.

Рыдвенов покинул внедорожник, поднялся по ступенькам на украшенное плоскорельефной орнаментной резьбой крыльцо, вошел в гостиную и приказал:

— Свет!

От звука его голоса электронная начинка дома включила бронзовую люстру, которая осветила винтовую лестницу на второй этаж, круглый столик с бутылкой коньяка и рюмкой, белую медвежью шкуру на полу, а на бревенчатой стене чучело оленьей и лосиной голов с ветвистыми рогами и грустными искусственными глазами.

Водитель привычно прошел через гостиную на кухню.

Рыдвенов глотнул коньяк, поднялся на второй этаж, принял ванну со сбором успокаивающих трав, затем улегся в спальне на мягкую кровать и крепко заснул.

Луна заглянула на минуту в окно спальни и скрылась за пеленой облаков.

На кухне водитель достал из холодильника и съел два бутерброда с сырокопченой колбасой, выпил пакетик томатного сока, разделся, положил одежду и кобуру с пистолетом на стул, улегся на диван-оттоманку, накрылся простыней и провалился в сон.

В лесу за забором ухнул филин. Летучая мышь низко порхнула над крышей терема и бани.

2

Увидев в густеющих сумерках, как красный шлагбаум опустился за проехавшим с асфальта на бетонку черным внедорожником, Ящелин, тридцатилетний бронет, прошел от изгороди в избу. В комнате с низким потолком, освещенной зеленым пыльным абажуром, он увидел Кочетонова — своего погодка и двоюродного брата, который сидел за столом и смотрел одним глазом в горлышко пустой водочной поллитровки, словно на доньшке ее лежало что-то особенное.

— Пора,— сухо сообщил Ящелин и сцепил пальцы опущенных рук.— Пора.

— Угу,— буркнул Кочетонов, облизал горлышко четвертинки и вышел из комнаты. Задетый его крупной черноволосой головой абажур качнулся и ярким пятном несколько раз осветил дверь, которую громко захлопнул, но не запер за собой Ящелин. В доме кроме старой одежды, посуды и мебели красть вора́м было нечего.

Перед выходом из калитки на улицу двоюродные братья осторожно ощупали себя. Каждый из них прятал под полой пиджака обрез двуствольного ружья, а за голе-

нишем кирзового сапога финку. В одном накладном боковом кармане пиджака у каждого лежали патроны с картечью, а в другом кармане черный капроновый чулок. Двоюродные братья решили ограбить владельца черного внедорожника и свалить в другие края, где есть работа для механизаторов. Еще в конце минувшей зимы они были фермерами, а уже к весне компания «МДП» забрала их землю (когда-то с нарушениями оформленную в собственность) и разбила на сотне пахотных гектарах участки под строительство коттеджей.

Сумерки незаметно превратились в безлунную, но все же проглядную ночь. Всматриваясь в кусты боярышника и в редкие молоденькие березки по обеим обочинам, Ящелин и Кочетонов медленно приближались по бетонке к лесу. Они крепко дружили с детства. Оба учились в одном классе, оба служили на одной заставе, оба женились осенью пять лет назад, а в прошлом году, во время отдыха в Сочи, жена от Кочетонова сбежала жить к хинкальщику; а Ящелина жена бросила ради хозяина пятизвездочной гостиницы.

В предрассветных сумерках, в легком тумане двоюродные братья подошли со стороны леса к забору, за которым виднелась крыша терема. Из кустов орешника они достали лестницу, смастеренную из веревок и сухостоя вчера днем.

— Я первый, ты за мной,— негромко распорядился Ящелин.

— Угу,— буркнул Кочетонов.

Двоюродные братья ловко забрались по хлипкой лестнице на забор и уселись лицом друг к другу.

— Может вернемся домой? — тихо спросил Ящелин.

— Не хочу,— пробурчал Кочетонов.

Двоюродные братья вспомнили, что дома нет ни рубля, ни сухаря, перекинули через забор лестницу и спустились на скошенную траву теннисного корта.

3

С заряженным обрезом в руках, с натянутым на головы черным чулком двоюродные братья прокрались от забора на крыльцо терема. К их удовольствию кованая деревянная входная дверь оказалась незапертой. Ящелин бесшумно проскользнул в гостиную. В темноте, разбавленной через окно ранним рассветом, он указал брату обрезом на винтовую лестницу, вошел в филенчатую дверь и оказался на кухне. Обнаружил на оттоманке спящего мужчину до головы прикрытого простыней и приказал тихо:

— Встать.

Водитель резко сел и протер лицо углом простыни.

— Давай сюда все деньги, что есть,— потребовал Ящелин и навел обрез на размытое сумраком лицо.

— Ты кто?! — водитель встал босыми ногами на пол. Простынь сползла к его ступням. Гибкое спортивное тело его качнулось. Рука его потянулась к одежде на стуле, которая накрывала кобуру с пистолетом.

— Давай сюда деньги! — Ящелин выстрелил в холодильник, белевший поодаль от мужчины.

От грохота выстрела Рыдвенов проснулся и увидел в дверном проеме спальни темный силуэт человека.

— Свет! — подняв голову с подушки, скомандовал он.

Бронзовое бра зажглось в простенке между окон, занавешенных бархатными гардинами.

— Деньги давай! — потребовал Кочетонов и выстрелил из обреза в потолок над кроватью.

— Нет у меня денег,— ответил Рыдвенов спокойно. Спросонья он не испугался бандита в маске из черного капронового чулка. Страх его перед смертью остался возле приснившегося здания суда и двух подстреленных охранников.

— Тогда ты — покойник! — пригрозил Кочетонов, выстрелил в ковер на стене и проворно перезарядил обрез. Он любил охотиться, косить траву на лугах, пахать и засеивать поля, но еще никогда не обыскивал чужой дом.

От грохота, дыма и запаха сгоревшего пороха Рыдвенов почувствовал близость смерти и, спустив ногу на прикроватный коврик, сказал:

— Отодвинь комод. Там сейф.

— Ша! — Кочетонов навел обрез на Рыдвенова и ногой толкнул пузатый комод, инкрустированный карельской березой.

В стене за комодом оказалась квадратная дверца сейфа с цифровым замком.

— Код: 12... 18... 47,— произнес Рыдвенов, презрительно кривя губы и щурясь. Надавив пяткой на кнопку под прикроватным ковриком, он послал сигнал тревоги. Теперь, максимум через пятнадцать минут, из дома в деревне «Медвяная Падь» сюда примчатся сотрудники охранно-розыскного агентства и ликвидируют бандита.

Кочетонов последовательно нажал кнопки замка с названными цифрами. Щелкнула пружина, бронированная дверца открылась. В сейфе пачки сто долларовых купюр лежали в несколько рядов — как вверх, так и вширь.

— Забирай и уходи,— сухо потребовал Рыдвенов. Вооруженного бандита он воспринял не только как реальную угрозу для себя, но и для украшавших спальню напольных антикварных ваз и пары полукресел из красного дерева.

Кочетонов с возбужденным лицом подскочил к кровати, выдернул из-под головы Рыдвенова подушку, вытряхнул ее из наволочки и заполнил наволочку валютой.

В это время на первом этаже, на кухне, Ящелин десятый раз потребовал:

— Давай сюда деньги!

— У меня нет денег,— спокойно ответил водитель.

— Давай сюда деньги! — Ящелин выстрелил в пол рядом с босыми ногами упряма.

Одна из картечин попала водителю в ступню, и кровь из раны обильно закапала простынь на полу.

— У меня нет денег! — мелко потрясая раненой ногой, провопил водитель и повалился спиной на оттоманку.

— У меня есть! — радостно объявил проскакавший по винтовой лестнице на первый этаж Кочетонов с пухлой от валюты наволочкой в одной руке и с обрезом в другой.

Ящелин выскочил в гостиную, быстрым взглядом оценил добычу, одобрительно хрюкнул и выбежал за Кочетоновым на крыльцо.

Черный люксовый внедорожник своим видом восхитил двоюродных братьев. Не сговариваясь, они кинулись к автомобилю и задергали ручки его дверей. Но салон не открылся.

— Так не доставайся ты никому! — театрально вскричал Ящелин и выстрелил в отверстие в водительской дверце, предназначенное для представления документов.

Вслед за грохотом выстрела громогласно заверещала сигнализация внедорожника. Нервно посмеиваясь, оглушенные двоюродные братья побежали к прислоненной к забору самодельной лестнице.

4

Водитель оторвал от простыни длинную полоску и перевязал ступню. Затем он взял с сиденья стула пистолет из кобуры и допрыгал на одной ноге через гостиную и крыльцо до угла терема. Там, кривя лицо от визга сигнализации внедорожника, он выстрелил из пистолета в одну из фигур, оседлавших забор, но промахнулся. Фигуры взмахнули руками и исчезли.

На крыльце терема появился в спортивном костюме Рыдвенов и пультом выключил сигнализацию внедорожника.

— Их двое! Они убежали туда! — подсакивая на одной ноге, сообщил водитель и махнул пистолетом в сторону теннисного корта.

Из аудиоколонок на столбах ворот зазвучала фонограмма колокольного перезвона «Боже, царя храни», и в автоматически открывшиеся ворота вкатил на участок грузовичок. Из его крытого брезентом кузова выскочили и построились в шеренгу пять крепких мужчин в бронежилетах поверх темно-синей униформы. Их черные береты, берцы, пистолетные кобуры выглядели как новенькие.

Рыдвенов помог раненому водителю добраться и удобно разместиться в кабине грузовичка, приказал смуглолицему парню за его рулем:

— Срочно в больницу, — и захлопнул дверцу.

Грузовичок сразу укатил с участка, ворота закрылись, и колокольный перезвон гимна про бога и царя отзвучал из аудиоколонок.

— Кто старший? — стремительно пройдясь вдоль шеренги мужчин, спросил Рыдвенов без эмоций на лице и в голосе. Хотя он был хозяином охранно-розыскного агентства, но не знал фамилии его сотрудников.

— Я. Хекутов, — ответил широколицый плечистый мужчина и шагнул вперед.

— Верните мне деньги. Двое с обрезам ограбили меня, перелезли через забор и убежали в лес, — Рыдвенов кивнул на забор за теннисным кортом и пружинистым шагом отправился для тонуса и аппетита вокруг терема, то вскидывая, то опуская руки.

Мужчины в черных беретах добежали до самодельной лестницы, по очереди шустро перелезли через забор и скрылись в лесу, кое-где пронизанном лучами восходящего солнца.

5

Двоюродные братья опустились на четвереньки и напились из разрушенного колодца — квадрата воды вровень с землей, из которого ручеек вытекал в овражек, в заросли крапины и малины. Затем братья взбежали на взгорок и повалились на мох внутри остатка сруба избы — следа от лесной деревеньки, в которой жили давным-давно люди, кормившиеся огородом, охотой и медом диких пчел. Широко раскрытыми глазами братья поглядели на стволы сосен, тянувшиеся к бледно-серому небу, остро подумали о бессмертии души, но взглянули на наволочку с долларами и забыли о душе своей.

— Купим землю, трактор. Заведем опять хозяйство. Женимся и заживем потихоньку, — помечтал Кочетонов и прихлопнул комара над бровью.

— Все это было, было, было, — проворчал Ящелин и вытер круглое потное лицо об где-то подранный рукав пиджака.

— Угу, — согласился Кочетонов, отмахнулся ладонью от комара, который настырно искал посадку на его крупном носу.

Где-то рядом послышался треск, хруст, шорох и какие-то непонятные звуки. Братья украдкой выглянули над срубом и заметили стадо кабанов. В одного отставшего подсвинка они выстрелили из обрезов. Ломая мелкие кусты, кабаны кучно скрылись в молодом ельнике. Подсвинок коротко пронзительно взвизгнул и сдох. Братья достали финки из-за голенищ кирзовых сапог, быстро освежевали и разделали теплое тельце на куски. Потом финками они помогли окровавленным пальцам удалить внутри сруба мох с небольшого пяточка, а затем наломали у поваленной березы сухих веток и разожгли на расчищенном месте костерок.

Из дупла могучего вяза бурая белка внимательно понаблюдала, как два человека крутят над огнем костерка нанизанные на ветки кусочки мяса, выскочила из убежища, пронеслась вверх по стволу и спряталась в листе.

Где-то поблизости перекрикнулись мужские голоса. Двоюродные братья с кусочками мяса на веточке вскочили ногами на бревно сруба, словно для показа гимнастических упражнений.

Крики мужчин заметно приблизились. Братья бросили прутики с мясом в костерок, схватили обрезы, наволочку с валютой и дали деру в молодой ельник, в который скрылось недавно стадо кабанов.

— Эй, вы там! — заметив дым на взгорке, крикнул Хекутов, прижимаясь плечом к березе. — Эй! Отвечай!

Но никто не отозвался. Вертикальная струйка белого дыма уплотнилась, пополнила.

— Вперед! — призвал Хекутов подчиненных, прятавшихся поблизости за березами.

Пятеро мужчин в бронежилетах и с пистолетами в руках подбежали к остаткам сруба избы. Дым от тлеющего мха перехватил их дыхание и защипал глаза. Мужчины быстро затоптали огонь, подгоревшие кусочки кабанины и дымивший мох, потом помочились на получившиеся черные пятна и вновь погнались за грабителями, которые не маскировали свои следы.

6

После зарослей молодых елей двоюродные братья продрались через завалы валежника и попали на едва заметную в траве тропинку, которая через осинник, через лужайку привела их к закрытой двери землянки.

— Зайдем, — предложил Ящелин и взял обрез наизготовку.

— Угу, — согласился Кочетонов и встряхнул за спиной наволочку с пачками долларов.

— Я вам сейчас так зайду, что мало не покажется! — сердито предупредил вышедший из землянки Сидор Щуконев и потряс светло-русой козлиной бородкой. Синичка опустилась и взлетела с посоха в его костлявой загорелой руке, торчавшей из рубища. Щуконев взгляделся в лица гостей, признал двоюродных братьев и весь передрнулся от гнева.

Три года назад Кочетонов и Ящелин жили с ним в деревне Медвяная Падь и завидовали, что у него кирпичный дом и продуктовый киоск на центральной улице, что он носит дорогую одежду и обувь, что имеет иномарку, на которой каждое воскресенье привозит себе из города широкобедрых проституток. Это Кочетонов и Ящелин подкинули в его продуктовый киоск кисет с маковой соломкой, кисет с марихуаной и вызвали полицию. Это тогда, возмущившись подлостью двоюродных братьев и не совладав с нервами, Сидор Щуконев побил их и полицейских. С тех пор он жил в лесу, но иногда по ночам приходил в Медвяную Падь к своей бабушке Дарье — одинокой подслеповатой молчаливой старушке за солью, за спичками, за иголкой с ниткой и мешочком сухарей.

— Дед, не бойсь, мы тебя не тронем, — сказал снисходительным тоном Ящелин, воспринимая хозяина землянки как придурковатого старика. — Дай попить и что-нибудь пожевать.

— Угу. Жрать охота, — подал голос Кочетонов, не узнавая в старике человека, которому жутко завидовал три года назад. За эти годы Щуконев похудел со ста десяти до шестидесяти килограммов. Тридцатипятилетнее овальное лицо его огрубело, обветрилось и стало похожим на деревянную маску доброго идола с острой бородкой.

Сидор Щуконев вынес из землянки крынку с компотом из лесных ягод и лепешку, испеченную вчера в костре на плоском камне.

Ящелин схватил лепешку, воткнул обрез за пояс брюк. Глотнул несколько раз из крынки, а остатками компота напоил брата, который слегка присел, не выпуская ни обрез, ни наволочку с долларами.

— Подтянись. Не отставай, — прозвучала команда из осинника.

Ящелин разбил крынку о валун и поспешил с Кочетоновым вдоль овражка в молодой березняк.

Сидор Щуконев запрокинул голову с длинными растрепанными волосами, закрыл глаза. Представляя, что лесом заросла вся Земля, он услышал тихий гул в верхушках деревьев и почувствовал себя окруженным вечностью и счастливым.

Пятеро мужчин в черных беретах и в бронежилетах пробежали неподалеку от землянки, но не заметили неподвижно стоявшего человека в рубище.

— Мне хреново,— часто сгибаясь на ходу, проскрежетал Ящелин, выбросил лешку и накрыл рукой верх живота.

— Угу-гу,— отозвался Кочетонов, неуклюже шагая, но не отставая от брата.

— Старик отравил нас,— злобно предположил Ящелин и не ошибся.

Действительно, Сидор Щуконев компотом из ядовитых ягод отомстил двоюродным братьям за подброшенные в продуктовый киоск наркотики, за свою спонтанную драку с полицейскими.

— Стой! — раздался крик и выстрел.

Пистолетная пуля отколола кусочек коры у березы за спиной Кочетонова.

Ящелин остановился за соседней березой и сквозь туман перед глазами выстрелил дважды из обрезка в мелькнувшего между кустов человека.

Кочетонов лег на скудную траву между березой и муравейником, из обрезка выстрелил в голову ползущего человека, но промахнулся — помешал озноб, жжение в горле, резь в животе. Все же он переломил обрез, достал из кармана пиджака патрон, и тут пистолетная пуля попала ему в затылок и застряла в нижней челюсти.

Отшвырнув обрез в кусты дикой жимолости, Ящелин кинулся к брату, схватил наволочку с долларами и на плохо гнувшихся ногах поковылял по краю овражка, раскидывая пачки долларов, надеясь откупиться от погони, мечтая забиться в какую-нибудь норку и не высовывать нос на свет божий. На миг он представил, что жить будет вечно.

В следующий миг пистолетная пуля остановила сердце Ящелина. Выронив пустую наволочку, он рухнул на спину, и корни вывернутой из земли березы помешали ему скатиться в овраг.

Мужчины в бронежилетах убрали пистолеты в кобуры и быстро собрали пачки долларов в наволочку, прихватили у убитых финки, обрезы двустволок и побежали в обратный путь, к теремку на опушке леса.

Когда где-то поблизости закончилась частая стрельба, Сидор Щуконев в лаптях и с посохом в руке вышел из землянки и отправился проверить, убил ли ядовитый компот двоюродных братьев. Пробираясь по дну овражка с молодым березняком на склонах, он заметил, как по краю овражка промелькнули среди стволов и зелени мужчины в черных беретах и темно-синей униформе.

С минуту постояв неподвижно, Сидор Щуконев углубился в овражек и перед поваленной ветлой увидел на вершине отлогого склона черный шар. Упираясь посохом в землю и хватаясь за макушки тонких березок, он взошел на склон и остолбенел. Перед ним лежал, зацепившись ногами за вывороченный корень березы, Ящелин с простреленной головой, издали так походившей на шар. Кровь уже запеклась на неживом лице и на траве, но привлекала много мух. Неподалеку, под березой, лежал рядом с муравейником Кочетонов с окровавленной пробитой пулей головой.

Внезапная горькая мысль, что двоюродные братья никогда не увидят ни солнышка, ни звезд, помутила сознание Сидора Щуконева. Сомнамбулой покружил он на месте, а когда очухался, снял с трупов кирзовые сапоги и всю одежду до нижнего белья. Затем связанную в узел добычу он нацепил на посох, закинул на плечо и заметил в траве под извилистой корягой пачку долларов. Вспомнил он, что из-за своей и чужой любви к деньгам лишился продуктового киоска, кирпичного дома, автомобиля, ласк городских проституток, и пошагал к своей землянке, мечтая о хорошем дожде, после которого должны были появиться рыжики.

Владимир Пахомов
(США)

КРЕСТ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Родился в 1948 году. Геолог. Работал в Приморье, на Чукотке, в Магаданской области. С 1998 года проживает в США. Это произведение — дебют автора.

О восстании староверов на севере Приморья 1932 года написано немало. Настоятельно рекомендую книгу А. М. Паничева «Бикин. Тайга и Люди». Я же попробовал в художественной форме донести свидетельства очевидцев, а также мои воспоминания о пребывании в местах, до сих пор хранящих следы тех трагических событий.

Осень 1982. Магадан встретил меня типичной и уже привычной для меня погодой — мокрый снег с дождем и ветром, а также опустевшими улицами и отсутствием мест в ведомственной гостинице, помянутой по этому поводу «незлым тихим словом».

В гостинице (конечно же, с оригинальным названием «Магадан») дежурный администратор, фигурой напоминающей плохо завяленную корюшку и таким же приветливым лицом, почему-то с раздражением пробурчала, что места есть только в двухместных номерах и в каждом уже посетитель. Долго изучала мой паспорт, а командировочное удостоверение даже смотрела на свет. Наконец, с видимой неохотой, буркнула:

— 213. Ресторан сегодня не работает — санитарный день.

В номере было в меру накурено, пахло селедкой, луком и спиртным. Из-за столика поднялся... я сразу узнал его! Человек со шрамом из моего далекого прошлого! Годы слегка согнули его плечи, но военная выправка все равно осталась, а белые волосы заметно поредели.

— Николай,— протянул он сухую жилистую ладонь.

Пожатие было излишне крепким (с каким-то вызовом, что ли?).

— Присаживайся к столу. Откуда будешь?

На журнальном столике стояла начатая бутылка водки, аккуратно нарезанная селедка, луковица и батон белого хлеба. Критически осмотрев это «великолепие», я достал из дипломата свой дорожный набор: бутылку коньяка и палку сырокопченой колбасы. После традиционного «за знакомство!» я утвердительно сказал:

— Николай,— а я вас помню. Вы ведь работали в Сеймчанском РайГру авиадиспетчером, да?

— Я там на практике был в 1969-м.

Меня он не вспомнил, но под «селедку» вспомнили многих общих знакомых.

— А ты до Севера где работал-то, Вовчик (видно, пожизненно мне Вовчиком быть)».

— В Приморье вот восемь лет отпахал. Незабываемое время!

— В Приморье? — как-то напряженно переспросил он.— На Бикине случайно не был?

— Как не был — в 1972 и 1973 заканчивал сезон на Улунге.

— Да знаю я это место, знаю,— лицо его потемнело, опущенные углы рта по-волчьи поднялись, обнажив в оскале пожелтевшие, но еще крепкие зубы.— Оттуда вот это,— и он провел рукой по налившемуся кровью шраму с побелевшими краями.

Не спрашивая меня, налил почти полный граненый стакан коньяка, выпил залпом, шумно выдохнул, размял «беломорину», повертел и смял узловатыми пальцами с уже проступающими старческими пятнами.

Рассказ Николая

(Конец сентября 1932 года)

— Я сам с Приморья, в Спасске родился, ну ты знаешь, где это, а может и бывал. При мне его в Спасск-Дальний переименовали. Самый партизанский центр был в 1920—21 году.

Отцы рассказывали, как офицерье и буржуев разных пачками к стенке ставили без всякого суда, некоторых в ямах закапывали, а тех, кого в лес вывозили, так земель присыпали. Мы сами расстрелы-то не видели, малы еще были, но одну колонну запомнил. Человек 40—50 было, одни офицеры, все с орденами и шли как в строю...

Мы, мальчишки, все в партизан играли, «беляков» били, да как-то никто не хотел «беляками» быть, хоть и крестами ихними обвешивались. Я всегда был активным — председатель пионерского отряда, секретарь комитета комсомола и мечтал бороться со всеми врагами советской власти. Поэтому, когда призвали в армию,— попросился в особые части в подчинении ОГПУ (я еще в школе уже сотрудничал с районным отделом) и меня конечно зачислили.

Однажды на внеочередном построении нам было объявлено, что нашу роту перебрасывают на север Приморья для ликвидации последствий староверского восстания. Приземистый, бритый наголо человек с одним ромбом на петлицах твердым поставленным голосом закончил выступление:

«К настоящему времени, благодаря усилиям пламенного борца с врагами советской власти товарища Соколова, восстание в целом разгромлено и главари его понесли заслуженную кару. Но по тайге остались хутора, заимки и скиты недобитых сторонников восстания и сочувствующих им элементов. Никакой пощады врагу! Советское Приморье должно быть полностью и навсегда очищено от этой нечисти!»

Вскоре самолетами нас перебросили в Улунгу. В задачу нашей роты входило полное уничтожение хуторов, поселков, заимок, скитов и... и бандитов! Сколько их мы оставили лежать неубранными в тайге... кто считал? Помню Хомяково, Плотниково, Старково, Новожилово, да сейчас все на одно лицо!

Добрались мы до монастыря на реке Зева, ликвидировали все, а монахов отправили под конвоем в Улунгу, да слышал, что не доехали они, лодка, что ли, перевернулась по дороге, наши-то вроде спаслись, а монахи плавать не умели, но это со слов, а может и доехали они все.

Выше по течению был женский скит, но там мы никого не нашли.

А еще помню, что наш 3 взвод парнишку нашел в зимовье, недалеко от Барановского хутора, так он, стервец, удумал капканы на трупах ставить, хоронить то их времени не было, да и не нужно было никому. Едва насмерть того мальчика не забили, командир пожалел, а зря...

Ты, наверное, слышал, что много баб с детишками потонуло, спасаясь от нас на батах (лодки такие длинные, плоскодонные). Так вот, Вовчик, неправда это. Было устное указание не щадить никого... понял? Мы и нагружали бабами с ребятишками полные лодки и без весел отталкивали их от берега.

Вот тут-то я и получил это,— и он снова погладил шрам.

Ликвидировали мы тогда хутор Старково. А уже лед по Бикину шел. Стал я передавать в лодку мальчонку, годика три, может, чуть больше, а он возьми да и упади в воду, случайно, конечно, я ведь не хотел... Ну, и унесло его сразу течением! Вой поднялся жуткий, и тут одна старуха (помню, платок черный под самые глаза) кинулась на меня и обломком косы полоснула по лицу. Боль была адская и кровяца!

Ну, я не помня себя выхватил винтовку у бойца, что рядом стоял, и воткнул ей штык в грудь, а она обеими руками в винтовку вцепилась, молчит, не кричит даже, а смотрит мне прямо в глаза и, ты представляешь, не было в ее глазах ни злобы, ни ненависти, как будто запоминала она меня...

Дернул я раз, другой — она из лодки вывалилась, и понесло ее вниз, только вот запомнил, что лицом вверх и рукой такой скрюченной будто грозит мне!

Сколько таких лодок было, уже не помню, а про эту отметина на лице каждый раз напоминает и глаза эти, как сейчас помню. А мне тогда и двадцати еще не было!

Он залпом допил оставшийся коньяк, закурил и вдруг, прищурившись, процедил:

Хочешь спросить — не мучает ли меня совесть? Нет, не мучает! И сплю я хорошо. Враги это были, понимаешь? Враги! И если бы дали мне еще одну жизнь, да что одну, несколько, я бы их прожил также! Ни одного дня бы не поменял.

Я ведь потом в охране лагерей служил (как говорили, «вертухаем») до самой их ликвидации, так я тебе скажу — политические, они для меня так «контриками» и остались, в десять раз хуже воров, и я их давил, как только мог! Жаль, стрелять их запрещали, а на побег кишка у них тонка была.

Особенно ненавидел тех, кто по статьям 58—10 и 58—11 шел, за агитацию против советской власти, сидели бы себе и молчали, а то только и умели, как сучки из подворотен, гавкать. Укусить-то не могли, куда им с их натурой-то...

Другие там за взрывы, диверсии разные сидели, так у тех хоть характер был...

В войну на фронт не просился, потому что понимал — здесь был мой фронт, не менее важный! Золото мы стране давали, на износ работали, да всего не расскажешь...».

— А что Вы здесь, Николай, в гостинице, проездом куда, что ли, — спросил я.

— Слет у нас завтра здесь — бывшие сотрудники органов собираются со всей области. Я вот и пиджачок со всеми наградами почистил. Разные почести нам, паек (икра, балычок, чай «со слоном», коньячок, может быть, а то последние годы все водку больше дают), ужин в ресторане, посидим, повспоминаем...

Все меньше нас и внимания к нам убавилось, а ведь были нужнее нужного когда-то! Понимаешь ты — нужны мы были, нужны. Главное — порядок был, ну и достаток само собой, а теперь вот пенсия. Прожить-то, конечно, можно на эту пенсию, да разве это жизнь?

Я вот всех пережил — Сталина, Хрущева, и теперешних переживу, не сомневайся, но скажу тебе так — лучше всех при вожде было! Два раза в моей жизни ревмя ревели и мы, и эки: в день смерти вождя и в день, когда статуи его, бюсты и портреты уничтожали. Одни «политические» не плакали (радовались, наверное, втихомолку), ну я кому смог — припомнил потом это!

А Победа,— радость, конечно, была великая, только вот нам-то от нее проку было маловато — «суки» головы подняли, да «автоматчиков» (солдат осужденных) с фронта нагнали, но это длинная история, может, в другой раз, если еще свидимся...

— Спать давай,— резко оборвал он разговор и через пару минут уже беззвучно спал.

Я, в буквальном смысле этого слова оглушенный рассказом, уснуть, конечно, не мог. Глядя на безмятежно спящего человека, я пытался представить, как он жил все эти годы, пытался — и не мог. А сколько таких Николаев еще живет рядом с нами, получает пенсии, растит внуков... Что они рассказывают им? Чему учат?

Слетается завтра воронье — только что мундиры не черные.

Глядя на спящего Николая, я спрашивал себя: воспитала их существующая в то время власть такими, подменив все человеческие ценности понятиями революционной целесообразности и сознательности? Нет, я думаю, что большинство из них даже не знало этих слов, а если знало, то никогда не задумывалось над их значением. Просто порожденная властью вседозволенность помогла в полной мере проявиться всему низменному, что жило в них, было заложено их родителями и предками вне зависимости от происхождения.

Под утро мне, наконец, удалось сомкнуть глаза, и память (все еще под впечатлением рассказа, наверное) перенесла меня на 10 лет назад.

Первые встречи

(Улунга, конец августа 1972 года)

Наконец-то — летим! 18 долгих летних солнечных дней мы ждали этот АН-2 возле полосы затерянного в тайге таежного аэродрома с давно опустевшим домиком метеостанции.

За окном иллюминатора бескрайняя тайга — заросшие лесом низкие сопки сменялись долинами с едва поблескивающими речками, каменными осыпями, спускающимися с гольцов. Вдали уже угадывалась долина реки Бикин с ее многочисленными притоками, названия которых завораживали, как неизвестная музыка: Бачелаза, Тава-сикча, Улунга, Чинга, Биамо...

Вдруг под крылом замелькали четко очерченные прямоугольники и квадраты редколесья и кустарника, контрастно выделяющиеся на фоне темной зелени. Знаком — большой палец вниз — пилот показал, что садимся.

Оставив нас на полосе с кучей снаряжения, самолет развернулся и улетел, помавав крыльями. Немного в стороне от изрядно заросшего по краям молодым березняком аэродрома виднелся неказистый домик, в которой кроме порядком облупившейся и сильно закопченной кирпичной печи не было абсолютно ничего.

До самой Улунги было чуть меньше двух километров, а темно-красное солнце (пожары, что ли, где-то?) уже клонилось к закату. Мы знали, что рядом с аэродромом находится военная радиолокационная станция и, наверняка, там есть машина. Увиденное, право же, было достойно описания. Одна створка ворот под полностью выцвешенным прозрачным с неясной надписью лежала на траве, вторая же косо висела на одной петле. Судя по всему на станции не было никого, но на звук наших голосов вышел в помятой гимнастерке на голое тело и без подворотничка страшно заспанный сержант.

— Никого нет. Кирпичев (это лейтенант наш) уехал вверх по Бикину на рыбалку и все с ним тоже. А я вот на дежурстве, — и широко зевнул. — Машина не на ходу, но если немного «смазать», — он выразительно погладил себя по покрытому минимум трехдневной щетиной подбородку, — то до села доедет.

Через полчаса мы въехали в Улунгу. Вдоль дороги, местами поросшей травой, стояло с десяток рубленых домов, угрюмо и, как показалось мне, враждебно смотрящих на нас темными окнами.

— Света нет, — пояснил сержант и мрачновато добавил: — А также магазина, почты, медпункта и никакой советской власти тоже нет! Две веселые фамилии на всю деревню — Черепановы и Могильниковы. Да еще Леха Гришко или Гришков, шут его знает, с большим прибабахом! Вам сюда, — и затормозил возле дома, в окне которого брезжил свет (керосиновой лампы, наверное).

На крыльцо вышел высокий сухощавый мужчина лет 50 и, судя по всему, жилистый и крепкий.

— Вы от Михалыча, что ли? А сам он где? Ну проходите, что стоять-то. Черепанов моя фамилия, а кличут Андронычем. Батчик теперь я ваш.

Так мы познакомились с одним из очевидцев восстания 1932 года, правда, в те времена он был ребенком и мало что мог рассказать об этом, да и то с большой неохотой. От него мы узнали, что прямоугольники и квадраты, которые мы видели сверху из самолета,— заросшие пашни староверов, где они выращивали пшеницу, рожь, а также сенокосы, пасеки, загоны для домашней скотины. На наших «генштабовских» картах были нанесены деревни: Старково, Новожилово, Плотниково, Хомяково.

На вопрос — сохранилось ли что-нибудь там, он как-то невесело улыбнулся.

— Вот поедем, там сами все увидите.

Утром, узнав, что Михалыч (начальник наш) прилетит через неделю, он предложил нам помочь срубить баню.

— А хозяйка моя — Люська, значит, картошки вам отсыпет — мешка три, да вот и она!..

На пороге появилась здоровенная бабища (другого слова подобрать не могу) лет 45, с выражением отстраненного любопытства на загорелом лице, в общем-то не лишённом приятности.

Впоследствии Андроныч рассказал нам, что невестою он привел ее из поселка Кхуцин (что на побережье Японского моря в 160 км от Улунги) через глухую тайгу.

— Там же, километров сто от Кхуцина, и брачную ночь справили — не дотерпели до дома-то...

Баню мы срубили из тополя; легкую, игрушечную, и даже успели помыться в ней. Была только одна проблема: все пригодные деревья находились на другом берегу. Если вам приходилось когда-нибудь переправляться через быструю реку с помощью только одного длинного шеста, да еще и на груженой плоскодонной лодке длиной в 7 метров, то вы знаете, каких невероятных усилий это стоит.

После кровавых мозолей и охрипнув от терпкой брани, мы, наконец, приобрели этот бесценный опыт, который так пригодится нам впоследствии во время сплавов по таежным рекам Приморья.

Прилетел Михалыч и, загрузив до отказа бат (вода чуть не достигала бортов), мы отправились вверх по реке Бикин на место работы со странным названием «Санькин Ключ». Немного выше устья Улунги Андроныч указал нам на обширные проплешины, поросшие молодым березняком и осинником на высоком правом берегу Бикина.

— Ну вот, смотрите, здесь деревни и были-то раньше! Люди жили... просто жили и все... никого не трогали, детишек растили...

Только в одном месте (Плотниково здесь стояло,— пояснил Андроныч) нам удалось рассмотреть два почерневших, слегка покосившихся деревянных столба.

Высадив нас на левом берегу, Михалыч уплыл с Андронычем вниз, пообещав вернуться через неделю.

Первым делом мы решили пожарить картошки. Развязали мешки с «благодарной» картошкой, которую упаковала Люська, и наградили «зловредную» самыми нелестными эпитетами, после того как обнаружили, что во всех мешках картошка (к слову сказать, отменная) была только сверху, примерно ведро или чуть больше. Остальной объем занимала картофельная ботва вперемежку с землей и камнями! Мы сразу же вспомнили, что оставили Люське 15 килограммовых пачек сахара для бражки к нашему возвращению.

Через 16 дней (!) приплыл Андроныч — без Михалыча, который по его словам был очень занят, к сезону готовится.

— Какому сезону? — не понял я.

— Ясно какому, охотничьему. Он же каждый год остается здесь и отпуск прихватывает.

Узнав о том, что львиная часть нашей работы была на другом берегу и сделать ее без лодки было просто невозможно, он, прихлебывая чай, неожиданно мягко промолвил:

— Ты только не обижайся, Володя, ладно? Я вот каждый год работаю с геологами и все они что-то ищут, а ваша партия, мне кажется, ничего не ищет.

По молчаливому уговору мы не стали ничего говорить о картошке и вечером уже с наслаждением смывали двухнедельную грязь в бане. Из погреба был торжественно извлечен молочный бидон с «мальвазией» (так мы заранее окрестили брагу, изготовленную Люськой).

Но столь ожидаемого праздника не получилось. Эффект после первой кружки был неожиданным и весьма неприятным. Пудовая, а то и больше, гирия в желудке, обильный холодный пот — самое малое, что я мог почувствовать тогда. Зловредная Люська и здесь умудрилась чем-то подменить сахар.

Дверь вдруг отворилась, и в комнату как-то боком и неуверенно вошел невысокий человек, лет 60, плохо выбритый, с редящими пегими волосами и неуловимым взглядом маленьких бегающих глаз. Увидев в каком мы состоянии, он молча достал из спичечного коробка какую-то бурую мазь с едким специфичным запахом и предложил каждому на ногте скрюченного грязного пальца маленький кусочек. Минут через 10, после обильного, но уже не холодного пота, нам стало значительно лучше.

— Медвежья желчь это,— глуховатым, слегка гнусавым голосом пояснил человек.

— Могильников я — Евтихий. Можно кружечку?

Так мы встретились с живым свидетелем восстания 1932 года.

Выпивая кружку «мальвазии» за кружкой, он, то подымая, то опуская по-прежнему неуловимый взгляд и как-то без особых эмоций, рассказал нам, что восстанием руководил его ближайший родственник — Ефим Могильников и что Улунгу отряд ОГПУ захватил только на пятый день.

— Мне в ту пору только семнадцатый пошел, не убивал я никого, по зимовьям скрывался вначале. А потом вокруг деревень, да и деревень то уже не было, стал покойников (наших, стало быть) находить, мужики, бабы, иногда попадались, много их было... А уж дело к скорому снегу-то шло. Подумал я, подумал: им-то, мертвякам-то, все равно, уж и стал их на приваду (приманку, стало быть) растаскивать по тайге-то.

Дух от них, конечно, тяжелый был и сам я этим духом пропах насквозь, но ничего, потом принялся, почитай, мертвяков-то двадцать растащил, да и капканы приготовил: на рассомаху, соболя да разные, по зимовьям их много нашлось. Да вот однажды ночью меня пинком разбудили, в зимовье ночевал я, выше по течению от Барановского хутора, да хутор-то уже спалили чекисты, а меня нашли, стало быть, случайно, сами искали, где погреться. Отправили меня в Хабаровск, а я почитай сроду в городе-то не был. И припаяли 15 лет, а за что? Отсидел я, да и вернулся сюда вот. Наших-то всех, кого знал, да и родню мою, говорят, расстреляли всю...

Потрясенные рассказом, забыв про «мальвазию», да и про все остальное, мы лежали молча. И показалось мне (ну не от «мальвазии» же), что потянуло от Евтихия отчетливым запахом тлена!

— Ну вот разговорился я что-то,— вдруг засобирался он.— Щас вот семнадцатую кружечку допью (я завсегда считаю), да и пойду. Благодарствую за угощеньице, не обессудьте, коли что не так.

— Открой дверь — душно что то стало и дрянью какой то воняет,— вдруг отозвался с нар Виктор.

(После этого я больше никогда не пил брагу и даже разговоры о ней вызывали самые тошнотворные ощущения).

Ровно год спустя

(Улунга, Зева, конец августа 1973)

В конце августа 1973-го я снова оказался в Улунге — один с рабочим (тоже Володей). Мне предстояло отработать площадь на левобережье реки Зева в бассейне ключа Трофимовский.

До зимовья в устье ключа нас доставил, конечно же, Андронич, то и дело задевая винтом мотора о каменистое дно заметно пересохшей речки.

— Значит, через неделю забирать, да, Володя? — и оттолкнулся шестом от берега.

Зимовье (барачек по-здешнему) оказалось небольшим, чистым, но, к сожалению, без печки. Охотник, по-видимому, решил сменить ее и еще не завез.

Проснулся я от того, что лунный луч, прорезав через скудное оконце зимовье, осветил ближний угол призрачным зеленоватым светом. Накинув куртку, я вышел и вдруг почувствовал робкое, еле ощутимое дыхание осени, бросившей еще не ломкий, пахнувший почему-то дымом листок мне на плечо. Я снял его бережно и, держа в руке, как билет на долгожданный спектакль, тихо и счастливо рассмеялся. Мохнатые ресницы звезд над головой вдруг задрожали, с трудом сдержав серебряную слезу, чтобы не уронить ее в бесформенную шапку птичьего гнезда на наклонившейся к ручью голой вершине огромной ели.

Рано утром мы вышли в первый маршрут, и через полкилометра вступили в густой еловый лес. Как он был не похож на зеленомошный ельник бассейна реки Арму, где мы начали полевой сезон! Там чахлые, подгнившие, сломанные ели повсеместно проросли высокой вечно мокрой травой, с тучей комаров, облепляющих тебя при каждом шаге. Здесь мы попали в настоящий заколдованный лес; то-ли земля Берендеев, то ли владения Бабы Яги. Огромные вековые ели, сквозь кроны которых едва просеивались лучи солнца, свисающие длинные «бороды» зеленого с сединой мха, чуть вздрагивающие от неощутимого ветра, и гнетущая тишина (именно гнетущая, до неприятного позванивания в ушах) создавали иллюзию присутствия кого-то невидимого, пристально наблюдающего за тобой.

Испытав это чувство, мы с видимым облегчением молча вышли за границу ельника и замерли, ошеломленные увиденным. Контраст между сумрачным лесом и тем, что мы увидели, был просто невероятен! Как будто перед нами, сидящими в полутемном зале, внезапно подняли занавес, заливая зал ярким волшебным светом под бравурную увертюру невидимого оркестра! Перед нами была нескончаемая березовая роща! Да какая! До сих пор мы видели такую только в фильмах — сказках Роу и Птушко. Удивительно ровные стволы, казалось, вырастали из невысокой густой, еще не тронутой желтизной травы, на которую невесомо опускались редкие позолоченные осенью листья, закружив голову, как немислимый хоровод невест в длинных снежно-белых платьях.

Стояла тишина, но совсем не такая, как в ельнике. Это была обволакивающая умиротворяющая тишина, которую хотелось бесконечно слушать, забывая обо всем на свете.

«Беловодье! Истинно Беловодье!» — прошептал я, с пронзительной ясностью понимая, почему староверы выбрали эту землю. Она действительно как земля обетованная была в полной мере созвучна их образу жизни, помогала взаимоотношениям с творцом природы, окружающим миром и друг с другом.

Размышления мои прервал шепот Володи: «Тихо, ты! Молчи! Сейчас она выйдет!»

— Кто выйдет? — не понял я.

— Ну, она! Понимаешь! Машенька или Варенька — да не все ли равно! С косой и корзинкой!

Я посмотрел на застывшее в благоговении лицо Володи и понял, что совершенно

не знаю его, проработав полгода рядом, и сколько мне еще придется учиться, чтобы хоть в какой-то мере понимать других.

А на третий день Володя потерялся во время маршрута. Обычно он шел то слева то справа от меня, в пределах так называемой «голосовой связи», постреливая из моей «мелкашки» рябчиков, которых он во время обеда поджаривал на прутике и съедал полусырыми. Но в этот раз или я увлекся, или он незаметно вышел из пределов слышимости, но так или иначе мой сорванный голос, метания по склону и выстрелы из нагана (мое ведомственное — императора Петра Великого Тульский оружейный завод, 1905) были напрасны.

Усталый и расстроенный, поздно вечером я прилепился в барачек. Спал плохо, постоянно прислушиваясь. Утром я опять вышел на левый борт Зевы и по нему пошел вверх, в надежде, что Володя переждал ночь и, согласно десятки раз повторенному, ждал на месте.

Смеркалось. Донельзя вымотанный, я выбрал место под двумя огромными листовницами, из-под корней одной вытекал светлый ключик с необычайно вкусной ледяной водой. Что-то странное было в этом роднике, я и решил не забивать себе этим голову (забот и так хватало с лихвой). Из последних сил заготовил сушняка на костер, кое-как смастерил настил, запил водой банку «сгущенки» и мгновенно уснул.

Проснулся я от странных и совершенно незнакомых звуков — явственного женского плача-причитания или заунывной молитвы, исполняемой несколькими женскими голосами. Костер почти погас.

Дрожащими руками (приснится же такое, к чему бы?) я подбросил сухих веток, яркое пламя разогнало темноту, и вот тут я испугался по-настоящему! Напротив меня за костром сидела женщина. Вся в черном, в платке, из-под которого смотрели на меня огромные, немигающие глаза.

— Не пугайся. Монахиня я, Вера! А сестры матушкой звали. Здесь они вместе со мной вверх по Каменному ручью. Человек, знакомый тебе, крест наш (не антихристовый) поставит, да не скоро это будет-то. Пусть уж упомянет нас, как невинно убиенных, а имена-то Пресвятая Богородица и так знает. Вижу — крещен ты, да среди тех, с красными звездами начертанными от антихриста, тоже крещеные были, только отреклись они от веры-то и не будет прощения им во веки вечные. Многие, ох, многие от суда мирского-то ушли, да суд-то Божий пострашнее будет. Ну, пойду я — идти то далече, разговорилась, людей давненько не видела, прости меня, грешницу, а работник-то твой, — почти ласково добавила она, — тебя около сруба поджидает, нашелся он.

Я еще долго всматривался в темноту, в которую она ушла, словно растворившись, сопровождаемая печальными криками совы «сплюшки», и еще какой-то незнакомой ночной птицы. Непреоборимый, какой-то внезапный сон сморил меня. Вскочив, будто кто-то громко позвал меня по имени, я тупо смотрел на потухший костер, думая про необычный сон (а вдруг не сон это?)

И тут я понял, что странного было в роднике, — в нем ничего не отражалось. Абсолютно ничего: ни мое лицо, ни небо, ни нависающая ветка листовницы? Желая проверить догадку и заодно набрать воды для чая, я подбежал к роднику. И тут холодок снова побежал по моей спине — воды в роднике не было! Дно его было абсолютно сухое.

Голова закружилась от беспорядочно спутанных мыслей: ночное пение-плач, монахиня, родник. Даже не позавтракав и не оглядываясь, я быстро зашагал назад. Уже ближе к вечеру, на подходе к барачеку я увидел дымок от костра и причаленный бат.

Навстречу мне поднялись от костра Андроныч и Володя со смущенно-виноватым видом. Оказалось, что по плоскому водоразделу он незаметно для себя перевалил в долину реки Биамо и, проделав за два дня около 50 километров, выскочил на берег реки Бикин, где его подобрал каким-то чудом проплывавший охотник. (Спустя два

года Михалыч передал мне картонку от рафинада, найденную им в барачке на устье Биамо, на которой углем написано: «Был здесь. Ушел искать наш маршрут. Володя»).

За чаем я рассказал о приключившемся со мною ночью и поразился, как изменилось лицо внимательно слушающего Андроныча.

— Вот оно, как-то... Значит, не врал Толик. Ты, Володя, знаешь его по прошлому году. Толик Решетько, участок у него по правому борту ниже Санькиного ключа. Так вот он лет пять назад завозил на Зеву кого-то, да и заночевал возле костра. А ночью, по его словам, монахиня к нему приходила. Ну я тогда посмеялся — любит Толик приврать, да и к спиртыге (а он у него всегда есть) приложиться перед сном любит, а оно видишь-то как!?

И добавил:

— А теперь вот послушайте оба. Был на Зеве на ключе Каменном в тридцатых годах женский скит. Сколько там было их, откуда пришли и кто строил скит, тогда-то никто не знал, а уж теперь-то и подавно, но настоятельницу монахиню-то у них Верой звали — это точно!

И выразительно посмотрел на меня.

— Когда чекисты-то пришли, то разное говорили: мол не нашли никого там, наверное, через хребет ушли на Кхуцин, а там в Японию, да только не видел никто монахинь этих больше. Я так думаю, что после чекистов все они остались там убиенными да не захороненными по нашему обычаю-то, вот она, матушка, и бродит там — напоминает о них, да где их найдешь теперь, сколько лет прошло... А поминать, а вдруг и правда живы тогда остались, пусть даже не все? Как же их поминать — грех ведь!

Адроныч уехал, обещая вернуться через три дня, а я с Володей засиделся у костра. Спать вроде бы и не хотелось, но сизая дрема после трудного дня уже какими-то волнами начала накатываться на меня.

Страшный хохот заставил нас вскочить, парализовав руки и ноги, и сердце, казалось, тоже! Это был поистине дьявольский хохот, потому что ни один человек так смеяться не смог бы! Глухие замогильные раскаты сменялись язвительно — торжествующими нотами! Внезапно хохот оборвался и в наступившей полной тишине я слышал не только гулкое биение своего сердца, но и, казалось, сердце стоящего рядом Володи. Заснуть мы уже не смогли.

Приехавший через три дня Андроныч долго смеялся над нашими страхами и указал на бесформенное гнездо на голой вершине ели:

— Филин-рыболов это, давно живет здесь, а бывает, что после смеха то еще и свистит, Соловей-Разбойник из сказки.

Больше я никогда не был в тех краях.

В 1995 году по инициативе и при участии Александра Михайловича Паничева — человека, после окончания геологического факультета посвятившего свою жизнь изучению диких животных и ныне доктора биологических наук, на правом высоком берегу Улунги поставлен высокий староверский крест — «голубец», деревянные части которого для долговечности проварили в крепком соляном растворе.

На кресте 122 фамилии расстрелянных участников восстания. Им было от 24-х до 42-х лет.

Думал ли я тогда, что через двадцать лет в совершенно чужой стране судьба снова напомнит мне о тех далеких трагических временах.

Штат Орегон, США

(Осень 1993)

В 1993 году по контракту с областным управлением здравоохранения Магаданской области мы поставляли из США продукты питания, с которыми в это время в

области было, прямо скажем, неважно. Столкнувшись с проблемой поставки овощей и фруктов (соответствие цены и качества), мы случайно вышли на компанию из Орегона. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что это русскоязычная компания и принадлежит она староверской общине.

И вот мы в Вудборне — небольшом городке штата Орегон. Здесь нас встретил худощавый невысокий человек с окладистой бородой в потертых джинсах и простой голубой косоворотке, застегнутой на плече простенькими пуговицами.

— Порфирий, а величают Иннокентьевичем, можно просто — Порфирий. За мной езжайте — ужо вечереет.

Через полчаса мы въехали в живописную долину, расчерченную сеткой полей, с ухоженными строениями ферм, небольшими стадами черных и черно-белых коров, фруктовыми садами.

«До чего *похоже* на наши деревни», — подумал я.

Грузовичок «Тойота» затормозил на неожиданно открывшейся за яблоневым садом просторной улице со стоящими по обе стороны добротными домами с цветущими палисадниками.

— Приехали, пошли — умоетесь с дороги, да потрапезничаем, чем бог послал. Гостевой дом это. Извиняйте, что не так, для приезжих это, стало быть...

Чистая просторная комната с двумя кроватями, застеленными лоскутными одеялами, самодельный дощатый шкаф для одежды и небольшой буфет — горка с посудой.

После душа мы вышли в затененный дворик, где рослая, пышущая здоровьем молодая девушка, накрыв вкопанный, до блеска выскобленный стол и сложив руки на груди, с нескрываемым любопытством смотрела на нас. Русые с золотинкой густые волосы ее были покрыты платком, не закрывая лоб, тронутое загаром лицо с россыпью веснушек, васильковые глаза, а длинная, ниже колен юбка скорее подчеркивала ее фигуру, чем скрывала во всей красоте молодости.

— Что, хороша девка-то? — глядя на нас, рассмеялся Порфирий. — Ступай, Агаша, не надо тебя больше.

— Кушайте на здоровье, — грудным голосом пропела она и с полупоклоном прошла мимо нас, обдав волной каких-то приятных знакомых запахов.

— А ведь яблоками пахнет, — вырвалось у меня.

— Как есть — яблоками, — серьезно подтвердил Порфирий. — У нас все девки баские, да на руку скорые, от того-то и пахнет так. Молитву исправить надо — перед трапезой-то, а как неверы вы, то не возьмите в тягость «аминь» в конце сказать — чай язык-то не отсохнет.

Он достал из кармана красиво украшенную лестовку и со смущенным видом спрятал ее обратно. Мы наконец оглядели стол. На деревянных блюдах лежали: свежий крупно нарезанный серый хлеб, немислимых размеров румяные пироги, белоснежная квашеная капуста, соленые огурцы, помидоры.

— День-то постный, — словно извиняясь, проговорил Порфирий.

В центре стола глиняный кувшин с квасом и небольшая (литра на полтора всего-то) запотевшая бутылка с прозрачной жидкостью. Я сразу обратил внимание, что посуда наша отличалась от посуды Порфирия. Как будто заметив мой взгляд (а может и впрямь заметил), он негромко произнес:

— Посуда то мирна — токмо для гостей, извиняйте уж! Здрaвы будем! — и ловко налил в граненые стаканы. — Самогон мой, давеча справил. Да я крепкий-то сам не уважаю, градусов семьдесят, не более!

После второй Порфирий разговорился, и мы с удивлением узнали, что ему всего 34 года, а детишек Бог дал пока всего пятеро, и что отец его Иннокентий Евсеевич, начетчик здешний (вроде попа вашего — мы то беспоповцы, стало быть, будем).

— Сейчас, почитай, у нас дворов шестьдесят с гаком осталось, а было почти под

сотню. Лет двадцать назад на Аляску подались первые-то, жизни стало быть лучшей искать, за ними и другие, а я так думаю, что жизнь-то она там, где дом твой, верой да молитвой крепкий, семья твоя да детишки — нешто можно лучше-то найти? Вот мы, Старцевы, сколько лет-то ее ищем — жизнь лучшую, и в Китае, и в Бразилии, а она здесь»,— и он обвел руками вокруг.

— Отец-то мой с Дальнего Востока,— да спросите его сами завтра, коли охота есть, а таперича спать надо, встаем-то по темну еще.

Я, по обыкновению, встал рано и вышел. Белая взбитая перина тумана как бы нехотя сползала с долины под ласковыми лучами утреннего солнца, горластые петухи уже заканчивали перекличку, где-то слышалось мычание коров, певучая размеренная речь — поселок проснулся.

Вечером, опять же с неперменным угощением, мы встретились с отцом Порфирия — Иннокентием. Невысокий, плотный, с заметно наметившимся брюшком, борода и усы с густой проседью и очки в круглой железной оправе — таким мы увидели одного из самых уважаемых людей в поселении.

— Да я мало что помню-то, и времени прошло сколько. Мне ведь в 1932 году-то пять годочков-то и было. Отец рассказывал, что с Каменки (село такое в Приморье было) в Китай они скрытно ушли. Там мы и жили аж до 1958 года; отец мой, мать, два брата и сестра захоронены там. А потом Бразилия — тяжелые времена были, и вот тут уже нашли свой приют-то, на земле богоданной. А о восстании мне отец рассказывал, брат-то его Иосиф вместе с Могильниковыми, Кулагиными да со своим побратимом Ванькой Токаревым эти дела и вершили. Праведные были люди, коль мученическую смерть за веру от антихриста-то приняли. Прощевайте пока — мне вечерню исправить надо

Через два дня мы возвратились в Сиэтл. Больше встретиться не довелось, а жаль...

Вместо послесловия

Кто мог предположить, что эхо событий 1932 года отзовется через 60 лет, найдя отклик в моем сердце, и в какой-то мере изменит отношение к людям и их судьбам.

Такое долгое, долгое эхо...

